ISSN 0131 — 0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

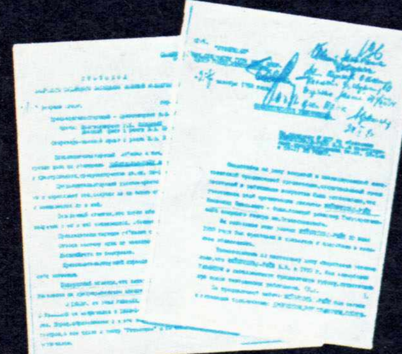
№ 15 АПРЕЛЬ 1989

АКАДЕМИК БУРАКОВСКИЙ: КАК БОРОТЬСЯ С БОЛЕЗНЯМИ ВЕКА?

ВЛАСТЬ ДУХА
И СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

СОВМЕСТНЫЕ
ПРЕДПРИЯТИЯ
ГЛАЗАМИ
ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ

АРХИВЫ
ОТКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (3220)

8—15 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Академик АМН Владимир Иванович Бураковский — директор Института сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева. (См. в номере материал «Идеалы и тернии».)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 20.03.89. Подписано к печати 04.04.89. А 04419. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 301. Цена 40 копеек.

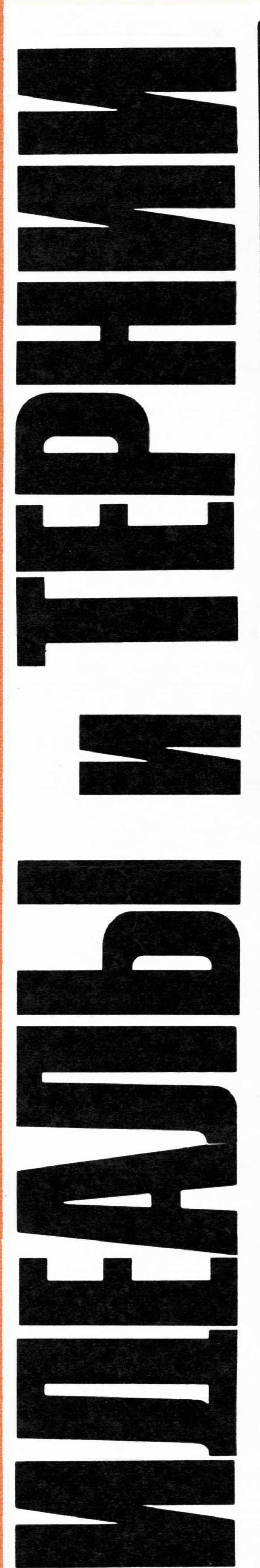
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

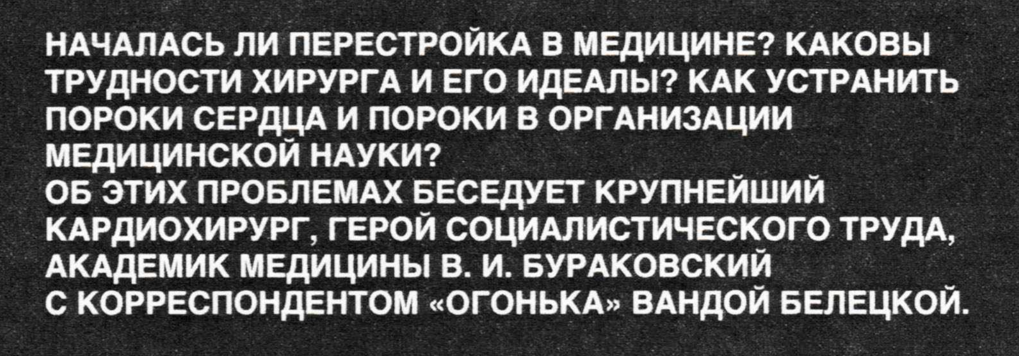
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НАЧАЛАСЬ ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА В МЕДИЦИНЕ? КАКОВЫ ТРУДНОСТИ ХИРУРГА И ЕГО ИДЕАЛЫ? КАК УСТРАНИТЬ ПОРОКИ СЕРДЦА И ПОРОКИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ?
ОБ ЭТИХ ПРОБЛЕМАХ БЕСЕДУЕТ КРУПНЕЙШИЙ КАРДИОХИРУРГ, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, АКАДЕМИК МЕДИЦИНЫ В. И. БУРАКОВСКИЙ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ОГОНЬКА» ВАНДОЙ БЕЛЕЦКОЙ.

— Владимир Иванович, недавно мне попала в руки машинописная копия одного письма, адресованного академику Николаю Николаевичу Блохину, бывшему тогда президентом Академии медицинских наук. Видно, что писал человек, в высшей степени возмущенный.

Вот оно:

«Уважаемый Николай Николаевич!

Приходится быть обеспокоенным той атмосферой, которую создает Президиум Академии после появления моей статьи.

Меня удручает и Ваше поведение. Руководитель, который теряет чувство объективности и реальности — это уже не руководитель.

В стране свершаются замечательные преобразования. Вместо того, чтобы идти в ногу со временем, сплотить всех нас и направить Академию на решение кардинальных проблем современной медицины, Вы занимаетесь совсем не делом. Более того, Вы опустились до фальсификации фактов и плохо контролируете свои поступки. Посмотрите на свой приказ после моей корректировки, его же стыдно показать разумному человеку». Подпись и дата — 27 марта 1987 года.

Узнаете? Какие обстоятельства заставили вас написать это письмо?

— Сначала встречный вопрос: откуда оно у вас?

— Письмо официальное, направлено президенту АМН СССР. Кстати, получили ли вы ответ?

— Нет, не получил.

— А чем вызвано столь резкое письмо?

— Меня давно беспокоило отставание нашей науки, приведшее к тому, что советская медицина прочно засела в числе отстающих. Очень высокие показатели детской смертности, совершенно неразвитыми оказались такие дисциплины, как кардиохирургия, целые разделы сосудистой хирургии, детская хирургия, трансплантология, реаниматология. В зачаточном состоянии находится ранняя диагностика патологических процессов...

Многое не устраивало меня и в управлении наукой. Посмотришь на президиум Академии меднаук — одни Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинской и Государственной премий, премий Совета Министров. Золото так и сверкает на лацканах костюмов, а конкретных дел маловато. В стране уже началась перестройка, а здесь все тогда оставалось по-старому.

— Что особенно тревожило вас? Какие конкретно вы видели недостатки в деятельности Академии меднаук?

— Парадность, бюрократизм, равнодушие ко всему, что не связано с личными интересами, карьерой. Может быть, я излишне резок, но я хирург... Иногда надо причинить боль человеку, чтобы его спасти. И если быть совсем честным, то надо сказать, что недостатки эти далеко еще не преодолены и сегодня...

Если бы вы знали, как еще совсем недавно проходили заседания президиума АМН, сессии нашей академии! Как продуманно подбирались угодные и нужные для поддержания определенной атмосферы руководящие кадры! Сессии строились строго определенным образом, заранее было известно, кто с чем выступит. Все делалось так, чтобы ни одного лишнего слова никто с трибуны не сказал. Обычно выступал с длинным докладом президент, хвалил достижения Академии и, конечно, тем самым самого себя.

Затем с содокладами выступали три академика-секретаря отделений, которые в общих чертах повторяли уже сказанное президентом, далее, как правило, с приветствием выступал министр. На этом первый акт кончался. С деловым и глубокомысленным видом уезжали представители ЦК КПСС (может быть, за исключением инструктора), уезжал министр и другие чиновники из административных высших органов.

Затем шли «прения». И парадокс состоял в том, что почти все в зале понимали никчемность устроенного парада. Помню, как один ученый, известный своей объективностью, прямым, честным характером, вдруг встал во время заседания президиума и вышел из зала. Когда он проходил мимо меня, мы с улыбкой поздоровались. «Куда вы? Выступили бы»,— шепнул я... «Эх,— он махнул рукой,— не хочу нарушать гармонию».

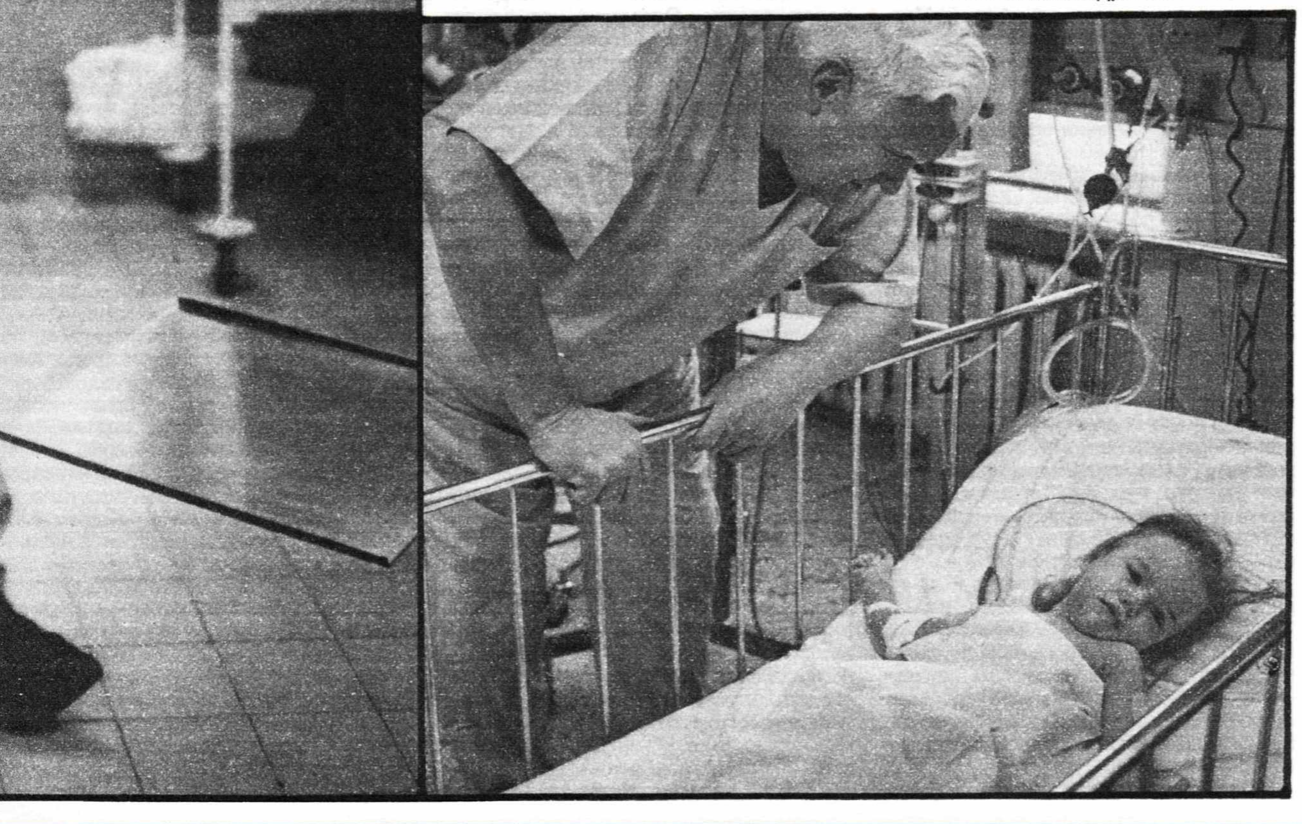
В другой раз хирург божьей милостью, честнейший человек, резкий в своих суждениях, вскочил в середине доклада и быстро пошел к выходу. А я ему: «Куда ты?» — «Ох, не могу больше, Володя, слушать эту...»

Или вот еще. Идет отчетный доклад академика-секретаря А. И. Рыбакова. В зале душно и шумно. «Да тише же, ничего не слышно»,— морщась, говорю я довольно громко. Предо мной сидит мой близкий друг, отличный специалист-уролог. Он мне с едким сарказмом: «А чего тебе слушать? Надеешься, что-то дельное скажут? Сидишь и сиди».

В зале многие тогда думали точно так же. Профессионалы своего дела «уходили в себя», а в руководстве медициной в основном собрались пусть не столь блестящие специалисты, но зато «нужные» люди. Парадность и приспособленчество делали свое дело. Иначе как объяснить, что такие активные, талантливые ученые, как Г. А. Илизаров, Н. М. Амосов, С. Н. Федоров, и сейчас не являются действительными членами Академии медицинских наук? В то же время в ее руководстве далеко не все блещут талантами. Люди, мягко говоря, куда более скромных возможностей не хотят иметь этих ученых рядом. В сравнении все становится более ясным...

Но вернусь к ситуации в АМН. Наиболее актуальные проблемы медицины почти не рассматривались. Все вуалировалось туманным и нежизненным рассмотрением «насущных проблем». А жизненно необходимые для здраво-

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

охранения и медицинской науки направления, не успев расцвести, увядали.

Совершенно никто не работал над системой планирования научных исследований. А ведь внедрение правильного подхода к планированию, а следовательно, и финансированию сразу дало бы возможность выявить немощь руководства, не способного очертить главные направления развития медицинской науки, и именно туда направить основные кадры и средства.

Оценка деятельности Академии опиралась не на конкретные показатели. Использовались обычно общие формулировки. Говорилось о строящихся институтах, вновь создаваемых лабораториях и отделениях, количестве выпущенных работ, подготовленных кандидатах и докторах наук, наконец, о количестве правительственных наград. А какую роль сыграла деятельность Академии в развитии медицинской науки, в снижении смертности и уменьшении заболеваний — ни слова.

— Но я не могу удержаться от упрека и вам лично, Владимир Иванович. Вы тоже хирург божьей милостью, к тому же действительный член АМН, директор института. Как мирились со всей этой обстановкой застоя в Академии именно вы? Почему вы ничего не предпринимали?

— Эти же вопросы задавал себе я сам. В какой-то мере мою совесть успокаивает то, что свое право на существование я отрабатывал за операционным столом. Оперирую я вообще много, а в то время работал как хирург особенно интенсивно. Однако понимал — этого мало. Вплотную занялся, на мой взгляд, кардинальной проблемой — изучением системного подхода к планированию научных исследований, ознакомился с постановкой подобного вопроса в США, Франции, Англии, внедрил этот метод в Институте сердечно-сосудистой хирургии, где я директор. Написал записку и в Академию медицинских наук о необходимости нового подхода к планированию науки. Однако ответа не получил. Не пришло ответа и на мое предложение выступить на заседании президиума с докладом о роли системного подхода в современном планировании медицинской науки.

Тогда я написал о том, что меня тревожило, в газету. Статья, сейчас показавшаяся бы вполне безобидной, вызвала буквально ненависть ко мне членов президиума АМН. Со мной стали сводить счеты. Цеплялись за все, за любой промах, который допускался в работе нашего института. Доходило до клеветы, до фальсификации фактов. Словом, началась травля.

— Затравить академика и директора института, наверное, не так-то легко?..

— Не так-то легко... Это вам кажется. Есть четкая и отработанная система сведения счетов. Для этого надо: первое — иметь административную власть, второе — быть единым с кругом руководителей в желании «свести счеты», в-третьих, по-настоящему ненавидеть «оппонента», а заодно и коллектив, им руководимый; и, наконец, в-четвертых, тайно и настойчиво следить, когда преследуемый допустит какую-либо ошибку или просто оплошность, и раздуть ее...

— Вы можете привести факты?

— Из собственной жизни. В нашем Институте сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева АМН СССР создано первое и до сих пор единственное в стране отделение по оказанию помощи больным новорожденным и детям первого года жизни, находящимся в критическом состоянии из-за порока сердца. Таких отделений в стране должно быть много, потому что рождается в год 44—45 тысяч больных детей с врожденными пороками сердца, и из них более 50 процентов, то есть более 22 тысяч, гибнут. Однако хирургическим вмешательством можно спасти жизнь большинству таких новорожденных. До сих пор аналогичная помощь, кроме нашего института, не создана ни в одном из Центров Советского Союза. Нигде — в Москве или Ленинграде, ни в одной союзной республике, ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке. Спрашивается, где же был все эти годы президиум АМН СССР?!

Отделение нашего института выполняло до 200 операций в год в среднем с восемнадцатью — двадцатью процентами смертности.

— Восемнадцать — двадцать... Звучит жутковато...

— На взгляд неспециалиста. Мы спасали в год более 160 детей первых месяцев жизни, обреченных без операции на неминуемую смерть.

Перехожу к самому факту. Существует один порок сердца, при котором жизнь невозможна. Вернее, существует много таких пороков, но сейчас дело пойдет об одном из них, когда у новорожденного нет выхода из правого желудочка в легочную артерию. И никаких компенсирующих дополнительных пороков тоже не существует. Такие дети обречены на смерть в ближайшие часы и дни после появления на свет. Некоторых из них можно спасти, если срочно сделать операцию. Операций таких выполнено очень мало, до сих пор везде в мире больше половины оперированных все-таки погибает. Наш сотрудник, талантливый хирург, фактически на сегодняшний день — единственный в стране специалист по данной проблеме, профессор Владимир Алекси-Месхишвили прооперировал к тому времени 13 таких детей, пятерых из них спас.

Однажды он мне говорит: «Поступил тяжелейший ребенок двух дней от роду в чрезвычайно критическом состоянии. Сегодня ночью безусловно погибнет: насыщение крови кислородом вместо 95 процентов равно 18. Можно его соперировать? Шансов на спасение нет, но вдруг?»

Я понимаю, что никаких реальных шансов спасти ребенка нет. «Вдруг» в медицине не бывает. А тут еще обстановка, которую создал президиум АМН вокруг нашего института после моей критической статьи. Я говорю: «Нет, не надо операции». И все-таки, несмотря на мои слова, Алекси-Месхишвили попытался спасти ребенка и на другой день в тяжелейшем предсмертном состоянии взял его в операционную. Как я и предвидел, спасти ребенка не удалось. Еще до операции остановилось сердце. После остановки сердца полтора часа проводились реанимационные мероприятия. Их проводили добросовестно, зная в то же время, что добиться восстановления сердечной деятельности при данном пороке сердца после наступления остановки невозможно. В операционную вызвали Алекси-Месхишвили, который вместе с анестезиологом и хирургом констатировал смерть.

В это время машина отправлялась в морг, и труп ребенка переслали туда. Минут через 15—20 из морга звонок: санитару показалось, что есть какие-то подергивания диафрагмы. Хотя такого быть не могло, анестезиолог вместе с кардиологом-реаниматором через несколько минут приехали в морг. Даже не разбираясь, мертв ли ребенок или нет, они продолжили массаж сердца, искусственную вентиляцию легких. Перевезли вновь труп ребенка в институт и там продолжали еще 2 часа реанимационные мероприятия, естественно, к сожалению, бесцельные. Но иначе врачи поступить не могли. Кто-то из них в суматохе и в состоянии крайней напряженности вписывает в историю болезни неточную фразу — «повторно констатирована смерть». Эта фраза оказалась для коллектива роковой.

Случай произошел в четверг. В понедельник утром ко мне прибыла назначенная президентом АМН комиссия. Двое из членов комиссии были одновременно членами президиума, в том числе главный ученый секретарь Академии Д. С. Саркисов. Президиум не соблюдал даже элементарных правил законности и этики.

Комиссия «проработала» в высшей степени оригинально. Взяв историю болезни, совершенно не переговорив со мной — директором института, с руководителем отдела хирургом Владимиром Алекси-Месхишвили и с основными участниками событий, члены комиссии, пробыв в институте минут десять, с каменными лицами удалились. Заключение комиссии нам представлено не было. Через три дня нас вызвали на закрытый президиум АМН СССР. Рассказывать, в каких тонах выступали члены президиума и как он проводился, нет смысла, достаточно привести лишь цитату из заключения: «...в институте была допущена грубая ошибка в оценке состояния ребенка, заключающаяся в неточном разграничении клинической и биологической смерти». И дальше без каких-либо конкретных подтверждений написано о профессиональных и морально-этических недостатках в работе нашего коллектива. И такое заключение сделано о единственном институте в стране, который с успехом разрабатывает проблему хирургии раннего детского возраста и неотложной хирургии новорожденных, находящихся в критическом состоянии...

Далее в приказе по Академии содержались грубейшие и оскорбительные выпады в мой адрес, всего нашего коллектива и, уж конечно, руководителя отделения профессора Алекси-Месхишвили и тех врачей, которые участвовали в реанимационных мероприятиях.

Нам был объявлен выговор. А как раз в это время трех сотрудников нашего института за различные проблемы удостоили Государственной премии СССР (в том числе и Алекси-Месхишвили).

Приказом о выговоре дело не кончилось. Комиссии президиума АМН со всевозможными проверками зачастили к нам.

— Находились поводы?

— При желании повод можно найти всегда. Следующий скандал не заставил себя долго ждать.

Существует болезнь сердца, которая выражается, в первую очередь, во внезапном возникновении приступов частых сердечных сокращений, до 200—250, даже до 300 в минуту. Эти приступы мучительны, ведут к серьезным изменениям в мышце сердца, к инвалидности.

Одна из форм заболевания, которая, к счастью, редко встречается, протекает особенно злокачественно. Трагедия заключается в случаях внезапно наступающих остановок сердца. Единственный способ предотвратить это — хирургическое вмешательство. В мире таких операций выполнено было тогда не более десяти. Операции называются аутотрансплантацией сердца. Так вот, Лео Антонович Бокерия — лауреат Ленинской и Государственной премий, мой заместитель по науке, талантливый исследователь и прекрасный хирург, выполнил тяжелому больному аутотрансплантацию сердца. У больного наблюдалось 6 случаев остановки сердца. Он был в критическом состоянии, и операция оставалась единственным способом попытаться его спасти. Через три дня пациент погибает — в основном от почечной недостаточности. По анонимному доносу президент АМН СССР Николай Николаевич Блохин назначает огромную по своим масштабам комиссию.

Комиссия в затруднительном положении. Пересадка сердца официально разрешена нашему институту министерством. Все понимают, что случай тяжелый, больной был обречен. В такой поисковой, напряженной работе без риска сделать что-либо новое невозможно.

Но... Следует вновь закрытый президиум. Хирург Бокерия фактически за выполнение первой в нашей стране попытки выполнить аутотрансплантацию сердца получает строгий выговор. А уж а... Вспомнили и случай, о котором я уже рассказал. Но на этот раз черным по белому в постановлении президиума АМН была записана чудовищная ложь: «Учитывая направление в морг живого ребенка...» От одного только предположения такого можно сойти с ума! Даже тенденциозно настроенная предыдущая комиссия не посмела так явно фальсифицировать факты. А тут — прямая ложь!

Подписывают приказ и постановление президент Академии медицинских наук СССР академик Блохин — онколог, и академик Саркисов — патологоанатом.

Вот тогда-то, возмущенный тенденциозностью, оскорбительными формулировками, я написал то письмо президенту АМН, с которого мы начали беседу.

— Травля прекратилась?

— Нет. Ведь меня надо было наказать за критику, снять с поста директора института. И сняли-таки постановлением президиума. И проголосовали единогласно за снятие. Протокол постановления подписали те же люди — президент АМН СССР академик Блохин и главный ученый секретарь Академии академик АМН СССР Саркисов. А кто-то еще говорит, что методы Лысенко умерли вместе с ним...

Ну, а финал вы знаете. Несмотря на постановление президиума АМН, меня все-таки не сняли с поста директора. А Блохин досрочно был заменен на посту президента АМН СССР. Одновременно с президентом вынужден был уйти горячо поддерживавший его вице-президент...

Надеюсь, что сегодня, благодаря гласности, демократизации нашего общества, в том числе и управления наукой, такое, как со мной, уже ни с кем не случится... Хотя до конца я не убежден в этом. Мы лишь начали перестраиваться. Во всяком случае, без создания иного морального климата в руководстве наукой перестройка невозможна.

— Недавно прошла сессия Академии медицинских наук, и вы на ней выступали опять критически. В частности, вы говорили об уставе АМН...

— Все недостатки деятельности АМН, вся трагедия с Академией педагогических наук, ВАСХНИЛ происходят, на мой взгляд, в первую очередь потому, что их основная задача не очерчена, они не являются подлинными центрами управления научными исследованиями. Это тоже ведет к отставанию медицинской науки. Я убежден, что основной задачей АМН СССР должна являться не «координация», как теперь принято говорить, а целевое комплексное планирование нашей медицинской науки. Координация — понятие абсолютно не конкретное, не определяющее необходимых основных задач и не предусматривающее элемента ответственности. За словом «координация» легко укрыться, скрыть бездеятельность.

Кстати, мне вообще кажется, что надо повысить ответственность членов президиума АМН и в связи с этим пересмотреть их статус. Президиум — рабочий орган, и его члены обязаны отчитываться в своей работе за определенный период, скажем, каждые два года. В том случае, если тот или иной член президиума не справился с полученным заданием, его следует переизбрать, не дожидаясь конца выборного срока. А то многие члены Президиума годами, десятилетиями занимают свои посты, практически ничего не сделав для улучшения управления и организации медицинской науки. Мы все время говорим и пишем о нашей отсталости в области теоретических, медико-биологических наук, гигиены, микробиологии, эпидемиологии. А что сделано для обеспечения прогресса исследований в этих областях академиками-секретарями и членами бюро соответствующих отделений? Если мы не создадим из президиума АМН оперативно функционирующего органа управления медицинской наукой в стране, то ждать больших успехов и в ближайшие годы не придется. Только коренные изменения системы управления дадут возможность со-

средоточить усилия на развитии главных направлений, обеспечить целевое комплексное планирование медицинской науки.

— Но разве можно планировать науку, цель которой открывать неизвестное? Разве можно предугадать ход мысли исследователя?

— Не надо ставить знак равенства между деятельностью талантливого ученого и планированием. План не предназначен обеспечить открытие либо обусловить обнаружение нового закона. План, о котором я говорю, обязывает коллектив последовательно работать в определенном направлении, разрешать ряд научных проблем, обеспечив при этом максимально быстрое и экономичное решение задач, продиктованных жизнью.

Такой комплексный план должен, во-первых, дать возможность выделить основные цели и очертить их. Во-вторых, позволить подобрать соответствующие кадры, в-третьих, объединить работу над данной проблемой научно-исследовательских учреждений Академии медицинских наук и Министерства здравоохранения и обеспечить их соответствующее финансирование. Это позволит осуществить и должный контроль за проведением исследований.

План заканчивается внедрением исследований в практику. Иными словами, он исходит из понятного всем единства, где цель — снижение смертности среди населения; задача — изучение природы болезней, их проявлений, профилактика и лечение; а средства для этого — финансы, кадры, аппаратура, коечный фонд. Ну, и в первую очередь талант исследователя, его творческая мысль.

Новый подход позволит исключить искусственно задуманные, неактуальные темы, дублирование исследований, бесцельную трату денег, необоснованное распределение медицинской аппаратуры и ее простои. Наконец, это уничтожит разрыв между фундаментальными исследованиями, экспериментом, клиникой и выходом в практику.

Мы настолько отстали в вопросах подлинно научного планирования, в вопросах управления наукой и производством, что не мешало бы нам вернуться к азам, вспомнить некоторые классические работы таких старых зарубежных специалистов, как, скажем, всем известного Тейлора.

— Тейлор и медицина?..

— Тейлор и управление медициной. Так вот, в науке об управлении Тейлор выделял четыре положения, тесно взаимосвязанные между собой, которые обусловливают успех. Первое — наука, а не эмпирические правила; второе — гармония, а не разлад; третье — коллективизм, а не индивидуализм, четвертое — максимальная, а не ограниченная отдача каждого человека, направленная на достижение наибольших производительности и процветания.

Подобных положений с различными вариациями затем было высказано достаточно. Но у нас в стране они почему-то не находили претворения. Стиль руководства, как правило, был «волевым», хотя и безынициативным; планирование шло «с потолка».

Перестройка же меняет наше мышление, подход к повседневной деятельности. А ведь и сегодня положение с планированием в медицине очень серьезно. Мы работаем зачастую сумбурно, делаем изо дня в день уже достаточно хорошо известное, страдаем от параллелизма исследований. Главное, не умеем обработать уже имеющуюся подчас богатейшую научную информацию. Недостаточно используются в медицине достижения математики, в частности методы линейного программирования, достижения вычислительной техники...

— Несмотря на все это, вы вводите в институте систему хозрасчета?

— Мы давно уже начали заниматься созданием методики целевого комплексного планирования. Выделяем главную проблему и под нее даем финансы, кадры, аппаратуру. Эта методика легла в основу нашей системы хозрасчета. При оплате учитывается не только количество операций, качество исполнения, но и степень трудности операции, ее новизна.

— Амосов пошел по пути увеличения количества операций...

— Нам кажется, что при таком подходе целый ряд новых научных проблем в хирургии может оказаться за бортом исследований. Если же учитывать сложность операции, степень трудности, то хирург будет нацелен на разработку нового.

Мы объединили две статьи бюджета — расходы на науку и на клинику. Это дает возможность часть средств, полученных за сделанные операции, пускать на развитие новых приоритетных научных исследований. Иными словами, мы проводим в жизнь новый принцип — оплачивать научные разработки по конкретным конечным результатам. Например, плохо обстоит дело с разработкой методики совсем новых операций детей в критическом состоянии в первые два-три месяца жизни. Тут требуются напряжение, талант исследователя, огромный труд, риск, время. Но время как раз и не терпит. Слава славой, но я считаю, что за успешную разработку этой сложнейшей операции мы должны и хорошо заплатить коллективу исследователей.

Второй пример — операции при острых расстройствах кровообращения. Больной находится в предынфарктном состоянии, с операцией ждать нельзя. А показания к ней еще не разработаны, есть еще много не известного хирургии в этой ситуации. Снять тут покров неизвестного должна именно наука, не практика. За такое приоритетное исследование тоже надо платить по заслугам.

Возьмем теперь чисто теоретическое исследование. Метод математического моделирования состояния послеоперационного больного позволил изучить взаимодействие между сократимостью, тонусом миокарда и сердечным выбросом. Данные получены в нашем институте. Научную работу врача надо стимулировать и деньгами. Теперь благодаря хозрасчету такая возможность появилась.

Но, чтобы хозрасчет стал полным, многое еще надо сделать. Например, сейчас добиваемся, чтобы институт за изобретенный им инструментарий и аппаратуру, за разработанный у нас пакет математических программ, если они проданы в другие страны, получал отчисления в валюте. В полную свою собственность. И могли бы мы купить за рубежом на эти деньги для института нужную нам аппаратуру. Причем отчисления должны даваться нам сверх того, что выделяется Минздравом.

Вообще я с горечью прихожу к выводу, что работа ума, умственная деятельность у нас не поощряется. Например, за рубежом изобретатель — зачастую миллионер, у нас — проситель. «Там» мысль ценится дороже всего, у нас — фактически ничего не стоит. При такой постановке полный хозрасчет в научном учреждении невозможен. Хотя кое-что уже сдвинулось с места. Наш министр здравоохранения Евгений Иванович Чазов, сам кардиолог, наши «сердечные» интересы принимает близко к своему сердцу.

Сейчас улучшилось финансирование, снабжение центров сердечно-сосудистой хирургии. Ассигнования стали выделяться в зависимости от количества операций. Но, к сожалению, сам процесс закупки оборудования усложнен.

Многое следует перестроить в медицине. Но в первую очередь мы обязаны перестроить свое мышление, подход к делу, которое касается всех и каждого.

— Переход на хозрасчет, видимо, и даст импульс к кардинальной перестройке медицины, к внедрению новейших достижений научно-технического прогресса?

— Именно в этом направлении мы сегодня работаем. Без пересмотра традиционно сложившихся методов диагностики и лечения подлинный прогресс в медицине невозможен.

Сейчас в нашем институте совместно с норвежской фирмой «Микрон» создается модель компьютеризованной истории болезни применительно к кардиохирургии.

— Почему вы занялись этой проблемой?

— Прежде всего потому, что традиционная история болезни содержит лишь процентов пятнадцать информации о больном, не более. А чтобы правильно провести операцию и последующее лечение, надо знать пациента, постоянно следить за его самочувствием, учитывать, какие процессы происходят в его организме, видеть, как проходила операция, иметь перед глазами результаты многочисленных анализов, обследований, сравнивать их. Я не говорю о том, что истории болезни — материал для научной работы, особенно в тех академических институтах, где разрабатываются новые методики, новые операции. Поэтому история болезни должна быть максимально полной и всегда доступной врачу и сестре.

Раньше информация о больном хранилась в разных лабораториях, что затрудняло поиск. Значительная часть важнейших данных, как, скажем, результаты мониторного слежения за состоянием больного в операционной, в отделении реанимации вообще безвозвратно терялись.

Сейчас все данные о больных хранятся в памяти машины. Любые сведения о больном врач или сестра могут вызвать на экран дисплея на своем рабочем месте — в операционной, лаборатории, палате. Причем врач видит не просто цифры или нужную ему фразу из истории болезни, но и имеет картинку, например, где у пациента сужение артерии.

Что еще важно отметить? Работа идет в режиме диалога с ЭВМ. При каждом шаге работы на экране дисплея появляется «подсказка»: варианты наших возможных действий, комментарии ЭВМ по поводу наших ошибок. Время поиска и передача данных — секунды. Все сведения можно получить в распечатанном виде.

На современном этапе развития медицины новая генерация истории болезни необходима. Она сама по себе дисциплинирует мышление врача, экономит его время, является незаменимым помощником в научной работе. Я считаю такую историю болезни в какой-то мере индикатором мышления. Интересно, что пожилые специалисты с трудом осваивают ее, а молодые — с удивительной легкостью.

— Кибернетика, ЭВМ, комплексное планирование... Безусловно, вторжение их в медицину очень важно. Но главным ведь в самом современном медицинском учреждении по-прежнему остается работа врача, его личность. Решают все умение, опыт, божий дар... Владимир Иванович, каков для вас идеал хирурга и ученого?

— Для меня идеалом ученого, хирурга-новатора являются четыре врача, с которыми, к счастью, свела меня жизнь. Это Александр Николаевич Бакулев, Петр Андреевич Куприянов, Александр Александрович Вишневский и ныне здравствующий Николай Михайлович Амосов, о котором вы уже упоминали. И дело не только в том, что все они, как говорится, «хирурги от бога» и как ученые сказали новое слово в хирургии. Это отважные борцы, кристально чистые души.

Особое благоговение у меня вызывали Александр Николаевич Бакулев и Петр Андреевич Куприянов. Я часто наедине с собой думаю о том, что еще я должен сделать, чтобы оправдать их доверие... Ведь Бакулев, к примеру, в некотором роде завещал мне свой институт, который носит теперь его имя. Это доверие надо оправдывать каждый день, каждую минуту... На всех своих самых высоких постах, в том числе и президента АМН, Александр Николаевич Бакулев оставался скромным и трудолюбивым сыном крестьянина из Вятской губернии, с глубинными, я бы сказал, представлениями о долге, честности, порядочности. Свою профессию врача он считал священной. Отсюда его чрезвычайная требовательность к себе и к окружающим. Но при этом гнев никогда не затмевал его ума и души, как у истинного интеллигента.

Теперь о том, каков мой идеал кардиохирурга вообще... Прежде всего он должен быть хорошо подготовлен профессионально. Иметь ловкие, легкие руки. Быть внутренне собранным. В любой ситуации координировать свои действия. Настоящий хирург всегда обладает шестым чувством, иногда он подсознательно оценивает степень травмы и находит единственно правильный выход из буквально смертельной ситуации.

Он должен уметь признавать свои ошибки. Не люблю, когда врач говорит: «Не понимаю, что произошло». За этими словами обычно кроется не только некомпетентность в данном, конкретном случае, но и нежелание пересмотреть свой метод, свою тактику.

Хирург должен быть вынослив и духовно, и физически больше, нежели врач любой другой специальности. Чутким и отважным. Вникать в переживания больных и их семей, не растеряться в сложнейшей, непредвиденной обстановке операции, когда счет времени идет на секунды. И уж, конечно, ему следует всегда трезво оценивать действительность, в том числе и собственные удачи, чтобы не впасть в манию величия после нескольких успешных шагов...

— Где найдешь такого...

— Точно так же, как вы сейчас, прореагировали врачи, когда знаменитый Джон Кирклин — один из родоначальников хирургии сердца,— принимая президентство Американской ассоциации торакальных хирургов, поделился своими мыслями о нашей профессии. По залу пронесся вздох: «Где найдешь такого...» Кирклин тогда (было это, кажется, в 1978 году) вместо президентской речи зачитал письмо, написанное им ранее, о том, каким должен быть хирург. В этом письме много созвучного моим собственным мыслям. У Бакулева, Куприянова, Вишневского были все эти качества. Есть они и у Амосова.

— Недавно в издательстве «Знание» вышла ваша книжка «Первые шаги. Записки кардиохирурга». Владимир Иванович, что явилось для вас побудительной причиной выпустить эту книгу именно сейчас?

— Кроме обычного для врача желания обобщить свой опыт, чтобы он помог другим, наметить пути на будущее, была у меня, когда я часто ночами писал эту книгу, «сверхзадача». Я хотел именно сейчас привлечь внимание хирургов, ученых, не буду скрывать, и нашего руководства к проблемам одного из самых драматических разделов современной медицины — кардиохирургии. Самая большая смертность — от болезней сердца. Кардиохирургия сегодня — сплав мастерства врачей, профессиональной интуиции, науки, техники. Мне хотелось, чтобы организаторы медицины и здравоохранения осознали это и помогли преодолеть трудности, которых, увы, так много. Я уж не говорю о том, что в республиках хирургические центры для новорожденных с тяжелыми пороками сердца отсутствуют! Наш институт единственный в стране. Вопрос упирается в кадры, в аппаратуру...

— Словом, ваша книга — призыв, крик о помощи?

— А что делать, нам нужна помощь. Повторю, в нашей стране рождается до 45 тысяч детей в год с врожденными пороками сердца. Вы только подумайте — половина из них погибает в первые месяцы жизни!

ВЫБОРЫ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ ●
КАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ДУША? ●
СЕКРЕТ КОЛБАСНОГО ФАРША ●

■

Хочу поделиться некоторыми соображениями о состоявшихся выборах в народные депутаты СССР. Скажу откровенно, я голосовал против каждого из трех баллотировавшихся по нашему округу кандидатов. Меня не устраивает ни их предвыборная платформа, ни сам принцип их выдвижения на окружном предвыборном собрании.

Не думаю, что я был одинок в своем решении, так как, исходя из опубликованных недавно данных окружных избирательных комиссий, количество голосов против каждого из этих кандидатов значительно превысило количество голосов за них.

Итак, предстоит повторное голосование, уже по двум кандидатам, набравшим «большее» количество голосов. Но на основании Закона «О выборах народных депутатов СССР» одному из них так или иначе гарантировано право быть избранным, если только он наберет большее число голосов по отношению к другому кандидату. Даже если представить, что один может набрать всего пять процентов, а другой — четыре процента от общего числа избирателей!

Где же логика? Выходит, что сама система выдвижения трех или более кандидатов уже страхует данный округ от перевыборов. И какой же стимул для повторного голосования будет у меня и, уверен, еще у многих избирателей, разделяющих мою позицию, если все равно один из оставшихся кандидатов неизбежно станет депутатом, даже не получив поддержки и половины голосовавших?

А. ВЕРШИНИН,
выпускник факультета журналистики МГУ

■

12 марта зрители ленинградской телепрограммы были немало удивлены исчезновением из передачи «Монитор» сюжета «Дети Шарикова», рассказывающего о январском шабаше общества «Память» на собрании избирателей в московском ДК «Правда». Удивление объяснялось тем, что сюжет был заявлен в анонсе самого «Монитора».

Чудес не бывает: как стало известно, накануне эфира сюжет про «Память» был снят из программы решением двух заместителей председателя ленинградского телекомитета. Все попытки сотрудников отстоять структуру «Монитора» ни к чему не привели: было дано разъяснение, что отснятый сюжет — «московский», а потому показывать в Ленинграде его не имеет смысла. При этом теленачальников ничуть не смутило, что в том же выпуске «Монитора» три сюжета рассказывали о ... Париже.

«Не ленинградский сюжет» — очень удобная отговорка для прикрытия любой острой проблемы. Так, несколько месяцев пришлось добиваться разрешения на показ «белорусского» сюжета о трагедии в Курапатах творческой группе «Пятого колеса». Некоторые телематериалы не разрешены к выходу в эфир и по сей день.

Нас сложившаяся ситуация волнует не только потому, что на ленинградском ТВ гласность по-разному понимается руководством и творческими работниками. Ленинградская программа телевидения, принимаемая сейчас доброй половиной европейской части страны и заявившая себя чрезвычайно популярными «Пятым колесом», «Общественным мнением», «600 секундами», «Поп-антенной», «Музыкальным рингом», «Большим фестивалем»,— это реальный конкурент и нарушитель монополии вещания Центрального телевидения. И вариантность, состязательность программ ЦТ может быть достигнута именно «ленинградским путем»: путем превращения местных программ в общесоюзные.

Попытка наложить запрет на сюжеты «Монитора» (12 марта из передачи был снят также сюжет о возвращении верующим храма в Зеленогорске) и повернуть «Монитор» от проблемности в прежнее «развлекательно-этнографическое» русло — это попытка принизить общесоюзную программу до областного «шестка». Одновременно это и попытка установить границы гласности и демократии. Потому что для «великого города с областной судьбой» иного пути стать вновь великим городом, кроме как через осознание собственной свободы и независимости, нет.

Ю. АНДРЕЕВ, Я. ГОРДИН, Д. ГУБИН, А. ЖИТИНСКИЙ, В. КАВТОРИН, Н. КАТЕРЛИ, Н. КРЫЩУК, А. КУШНЕР, В. ПОПОВ, В. ПРОХВАТИЛОВ, А. ЦЕХАНОВИЧ, М. ЧУЛАКИ
Ленинград

■

В сыктывкарской газете «Красное знамя» под рубрикой «Интересует многих» опубликована корреспонденция «Покупателям... по секрету» — о том, что тайная реализация продукции с содержанием радиоактивных веществ (РВ) породила массу слухов. Действительно, пишет корреспондент, на Сыктывкарском мясокомбинате оказались говяжьи туши с повышенным содержанием РВ. Свалены они в кучу и отличаются от обычных зарубкой, поставленной в форме креста. Мясо это, как выяснилось, завезено по приказу Российского Госагропрома. Оказывается, завозили такое мясо и раньше, с 1986 года. И за это время уже разработаны рекомендации Всесоюзного научно-исследовательского и конструкторского института мясной промышленности о том, как использовать мясное сырье с содержанием радиоактивных веществ выше допустимого уровня для изготовления колбасных изделий. Вы только задумайтесь, даже трогательная забота о детях предусмотрена: подобные колбасные изделия не рекомендуется отпускать для детских садов и школ.

Дело в том, что поднимаемая в статье проблема далеко не местного значения. Читаю в «Новом мире» у Алеся Адамовича: «За подписью академика ВАСХНИЛ Н. А. Корнеева получил такое разъяснение: в холодильниках Белоруссии зараженного мяса тысячи тонн... Мысль о том, чтобы это страшное мясо, наши будущие болезни, просто уничтожить (думаю, что каждый житель Белоруссии даже заплатил бы за это — только бы не съесть ненароком), мысль эта деятелям из Госагропрома кажется, конечно, кощунственной. И не мяса им жалко — плана!»

И вот у нас в Сыктывкаре мясо идет не на захоронение, а в колбасу. И не один год. Почему никто не остановил это преступление, а, напротив, ученые мужи спокойно, по-деловому разрабатывают методику превращения его в колбасу. На нашем, местном уровне решить эту проблему вряд ли возможно. И не успокаивают заверения главврача республиканской СЭС Э. Канева и зав. радиологическим отделением этой же СЭС Ж. Кузнецовой о том, что после переработки мяса на колбасу продукция становится абсолютно безвредной для здоровья. Очень просто все получается: промыли мясо в солевом растворе — и исчезло повышенное содержание РВ. Ответственность состоит как раз в том, чтобы не допустить такое мясо к потребителям, как сделали это в Печоре, когда все обвальщики отказались разделывать туши. Хочу обратить внимание также на то, что ни одно письмо читателей по этому поводу не было опубликовано, так что гласность у нас явно односторонняя.

В. СЕЛИВАНОВ
Сыктывкар

■

В № 11 «Огонька» читательница С. Шелкова пишет: «Почему-то только евреи стремятся стать русскими, да и то не все, умные и честные пишут «евреи», и уважения к ним от этого не убывает».

По классификации С. Шелковой я, очевидно, не принадлежу к разряду умных и честных, поскольку, несмотря на слово «еврей» в пятом пункте моего паспорта, убежденно считаю себя русским. По простой причине: я родился в Москве, в русскоязычной семье, воспитывался и обучался в русском советском детском саду, школе, институте. На русском не только говорю, пишу, читаю, но и думаю и даже сны вижу. Мои главные духовные «наполнители» — Чехов, Толстой, Пушкин, Есенин, Бунин, Куприн... Идиш и иврит у не обучен.

И таких, как я, судя по результатам переписи 1979 года (итоги последней переписи еще не подведены), 83 процента, то есть примерно для полутора миллионов человек из 1,8 миллиона живущих в СССР евреев, русский язык — единственный родной. Неудивительно, что среди советских евреев сильна тенденция к смешанным бракам с русскими. Дети, родившиеся в таких браках, чаще всего записываются русскими.

Кстати, отнюдь не только евреи «стремятся стать русскими». Многие украинцы, белорусы, молдаване, чуваши, марийцы, татары, особенно живущие вне своих национальных территорий и учившиеся в русских школах, говорят и думают исключительно на русском языке и фактически являются русскими. От естественного, непонукаемого обрусения еще никто не заболел и не проиграл. Не зарегистрировано таких случаев. Раздуваемая сегодня националистами антиассимиляционная тенденция, когда обрусевших подталкивают (неизвестно зачем) назад — к языку и обычаям их предков, представляется мне пагубной для единства страны и бестактной по отношению к «выходцам». (Неприемлемо, конечно, и обратное — насильственное подталкивание к обрусению тех, кто того не желает.)

Если я не убедил Вас, уважаемая С. Шелкова, позвольте призвать на подмогу Владимира Ивановича Даля, автора «Толкового словаря живого великорусского языка», человека, на руках которого скончался Александр Сергеевич Пушкин. Даль писал: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

Почему Даль ощутил потребность подтвердить себе и людям, что он русский? А потому, что отец Даля — датчанин, переселившийся в Россию из Дании. А бабушка по материнской линии, Мария Фрейтаг, происходила из французских гугенотов. Но дома говорили только по-русски, и отец, вспоминает Владимир Иванович, «при каждом случае напоминал нам, что мы русские».

Если и Даль Вам не авторитет, уважаемая С. Шелкова, рискну заимствовать последний аргумент из Евангелия. В Послании к римлянам святого апостола Павла (2.28 — 29) читаем: «...Не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердцах по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога».

Понимая, что лишаю себя надежды заслужить похвалу от Всевышнего, все же вынужден признаться, что иудей я лишь по наружности и паспортной «букве», а по духу русский городской интеллигент, чем и доволен. И изменить эту, как говорится, объективную реальность не в состоянии ни я, ни С. Шелкова.

Марк ВИЛЕНСКИЙ,
журналист
Москва

■

Мы живем в сельской местности. Если раньше, до перестройки, справки о земле мы брали в сельском Совете, то есть законность соблюдалась хотя бы формально, то теперь вся земля находится в ведомстве совхозов (про колхозы не знаю, у нас совхоз). Мы везде только и слышим: «Вся власть Советам», а на деле... Как могло получиться, что не совхозы находятся на территории сельских Советов, а наоборот. Государство дало совхозам пахотные земли, а почему деревни стали совхозными? Почему администрация совхоза сама решает, кому сколько соток дать (работнику совхоза — пятнадцать соток, не работающему там — шесть). Дальше нам разъясняют, что можно на этих участках сажать, а что нельзя (например, бахчевые культуры можно, а смородину нельзя).

Пока сельсоветы порой бесправны перед дирекцией совхозов и колхозов. Перестройка должна вернуть сельсоветам их реальную власть.

Н. МУНТЯН
д. Горшково
Московской области

■

Кажется, совсем недавно обсуждали мы новый Закон о выборах. И вот теперь он в действии. Впервые, я в этом уверен, в нашей жизни был такой высокий общественный интерес к выборам. Сегодня мы поверили в демократию, и 26 марта — главное и серьезное тому доказательство. Однако и есть над чем поразмыслить.

Так, в избирательный бюллетень Ивановского национально-территориального округа были внесены фамилии двух кандидатов в народные депутаты: генерала армии Б. В. Снеткова — главнокомандующего Группой советских войск в Германии и офицера, кандидата военных наук В. С. Подзирука, доверенным лицом которого я являлся. Всего в нашем избирательном округе было выдвинуто четверо кандидатов, двое из них сняли свои кандидатуры. Подзирук был подвергнут мощному давлению командования: настоятельно рекомендовали снять свою кандидатуру. Использовался метод кнута и пряника. Не побоявшись кнута (увольнение из армии) и отклонив пряник (повышение в звании, престижное место службы), Подзирук не снял свою кандидатуру, и окружная комиссия зарегистрировала его кандидатом в народные депутаты СССР.

Я не буду говорить о программах депутатов — они обе достойны внимания. Разговор не об этом. Разговор о том, что в решающей стадии предвыборной кампании при равенстве установленных Законом прав кандидатов ярко проявилось вопиющее неравенство возможностей. По-моему, всем ясно, у кого этих возможностей больше — у Подзирука или генерала армии, даже если он постоянно проживает в ГДР.

Позади волнения выборной кампании. Большинством голосов народным депутатом выбран Подзирук, проживающий в Иванове, доверенным лицом которого я был, и потому знаю все трудности неравной борьбы моего кандидата. Кажется, зачем об этом писать, когда все позади? Но считаю своим долгом говорить об этом даже сейчас (кстати, когда шла предвыборная кампания, куда я только ни обращался, везде отказ), ибо мы сегодня только учимся демократии. Предвыборная кампания показала, что народ активно борется за расширение проводимых в стране политических и экономических реформ. Однако она поставила много вопросов, вскрыла она и нарушения демократии. Поэтому надо извлекать уроки, делать серьезные выводы — впереди выборы в местные Советы, а к тому же во многих округах предстоит новое голосование. «Неравные» выборы в Ивановском национально-территориальном округе тоже урок нам всем.

С. ПЕСТРИКОВ,
ученый секретарь научно-исследовательского института автоматизированных систем управления в легкой промышленности
Иваново

■

Хочу обратиться через «Огонек» к общественности, к Минфину и Верховному Совету СССР.

1 января 1989 года был введен в действие Закон на обложение налогом личных транспортных средств, в том числе принадлежащих инвалидам 1-й и 2-й групп. На самую, можно сказать, безответную часть инвалидов, а именно не являющихся инвалидами войны и к ним не приравненных. Эти люди по ряду показаний не могут и поэтому не имеют права управлять транспортными средствами самостоятельно. Для управления таким транспортом допускаются только члены семей, проживающие на одной площади с данным инвалидом.

И вот эти почти во всех отношениях обездоленные люди с 1989 года стали облагаться налогом на транспорт. Это все равно что ввести налог на те же костыли, протезы, коляски...

Ясно, что чиновники, пропихивающие такие законы через законодательные органы, сами, видимо, слыхом не слыхивали, как живут инвалиды на их более чем скромные пенсии. И если и есть у кого-то в семье автотранспорт, так это заслуга не государственных органов, а героических усилий родственников инвалида. Инвалидов таких категорий в нашей стране несколько миллионов, транспорт имеют очень немногие. Я точно знаю, что государство не поправит своих дел за счет инвалидов, и ничего, кроме разочарования, не вызовут депутаты, бездумно принимающие нелепые законы.

Ни в одной цивилизованной стране мира инвалиды не облагаются налогом на... костыли.

В. ХОЦЕТОВСКИЙ,
инвалид 2-й группы, не приравненный к инвалидам войны
Рига

■

Выборы показали, что народ за перестройку, что курс партии практически поддержан всем обществом. Они показали также, что наша избирательная система несовершенна и требует доработки. Осенью предстоят выборы в местные Советы. К этому времени необходимо перекрыть все лазейки чиновникам-бюрократам. Предстоящие выборы должны быть прямыми и тайными, и ни в коем случае нельзя выдвигать только одного кандидата. Следует пересмотреть практику окружных предвыборных собраний, стоит серьезно обсудить вопрос и о порядке выборов от общественных организаций. Надо, как сказал М. С. Горбачев, двигать демократию. Реформа политической системы — вопрос ключевой. С этого и следует начинать избранникам народа. Мое им пожелание: берите власть в свои руки немедленно. Ни в чем не уступайте ее чиновничьему аппарату. От того, кто придет к власти на местах, будет зависеть судьба перестройки.

А. ПУТКО,
член Союза писателей СССР

■

Обращается к вам бывший воспитанник А. С. Макаренко, коммунист А. В. Алексеев с просьбой выступить в защиту памяти этого выдающегося педагога и писателя.

Недавно советская и мировая общественность отметили 100-летие со дня его рождения. Но возмущает меня и моих товарищей-макаренковцев то, что в местах, где работал А. С. Макаренко: под Полтавой — колония имени М. Горького и в Харькове — коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (филиал) в настоящее время существуют колонии закрытого типа. Там, за колючей проволокой, «воспитываются» несовершеннолетние преступники. Согласитесь, что педагогика Макаренко и колючая проволока несовместимы. Она не может служить памятником великому педагогу-гуманисту. В этих местах должны быть детские дома или интернаты, которые сохранили традиции Макаренко и где бы продолжалось великое дело воспитания советского гражданина.

А. АЛЕКСЕЕВ
Киев

■

Более тридцати лет я работаю на речном флоте в Иртышском речном пароходстве. Район плавания — Иртыш, Обь, Обская и Тазовская губа, Пур, Таз, Конда, Вагай и другие боковые реки. Это Тюменская и часть Омской области.

Очень устал быть в роли Дон Кихота, объясню почему. Постоянно приходится наблюдать преступное отношение в Тюменской области к грузам, завезенным для народного хозяйства. Это цемент, превратившийся в камни в мешках, трубы, отечественные и закупленные за рубежом, другое оборудование. Все это многие годы валяется по берегам реки и напоминает о том, какая у нас богатая страна.

С 1985 года речным флотом из Омска начали завозить доломитовую муку (сельхозудобрение). Завоз этот увеличивается, в 1988 году по Тюменской области он достиг 71 100 тонн, по Омской области — 130 500 тонн. Все это выгружается на берега Иртыша, выдувается ветрами и поливается дождями до тех пор, пока не разливается река. Потом все смывается в воду.

Нетрудно подсчитать материальный ущерб, сумма будет ужасна своими размерами. Плюс моральный ущерб. Ведь это безобразие наблюдают миллионы людей: местные жители, пассажиры, туристы, многотысячный коллектив речников. Большинство из них отождествляют преступную халатность с системой социалистического ведения хозяйства. А ведь это неверно!

Нам, командирам флота, по роду службы с личного состава приходится взыскивать за каждую бумажку, выброшенную за борт. Как же мы выглядим, спрашивая за такую мелочь и ничего не предпринимая по отношению к такому гигантобезобразию?.. В течение многих лет я обращался с этим вопросом к десяткам лиц, занимающих ответственные посты, а воз и ныне там.

П. ЗАХАРОВ
Омск

■

Пишу вам как подписчик «Огонька». Удивительно, что вы смогли сделать из мертвого чудища! Естественно, я целиком на вашей стороне в той борьбе, которую вы ведете. Правда, когда читаю на страницах вашего журнала такие слова, что, мол, процесс перестройки необратим, мне, старому скептику, хочется сказать вашим юным коллегам: «Не спешите торжествовать победу». Вы помните, во времена хрущевской оттепели, в годы нашей молодости, тоже бывали моменты эйфории, когда казалось, что уже невозможно вернуться к старому, и мои друзья, писатели старшего возраста, умудренные опытом, убежденно говорили: «Процесс необратим». Увы, жизнь тогда доказала, что все можно повернуть вспять, что сталинский тоталитаризм никогда без борьбы не сдавал своих позиций и он гораздо сильнее, чем мы предполагали. Будь это не так, нас с вами сейчас бы не разделяла государственная граница...

Пользуясь случаем, хочу напомнить о судьбах нескольких писателей, которые не дожили до «перестройки». Борис Балтер, автор прекрасной книги «До свидания, мальчики», теперь практически забытый — как искусственно заставили забыть всю так называемую «исповедальную городскую прозу» шестидесятых годов (изъяты и уничтожены книги, не упоминаются имена авторов — не было такой литературы, и точка!). Так вот, Бориса Балтера, офицера-фронтовика, кавалера боевых орденов, исключили из партии, сделали все возможное, чтобы он не мог печататься и работать, изгоняли из Союза писателей, а потом, когда он умер от разрыва сердца, начали притворно вздыхать: с чего бы это вдруг, вроде бы не старый еще человек?! Где сейчас те, которые убили Борю Балтера?

Юрий Казаков. Он эмигрировал. Да, да, он эмигрировал, если так можно выразиться, в «профессиональную болезнь русских литераторов». Я жил с ним рядом на даче в Абрамцеве и с ужасом наблюдал, как Юра ежедневно, упорно и целеустремленно убивал себя алкоголем. Я ничем не мог ему помочь, но ведь были люди, которые могли опубликовать его книги, предложить ему интересную работу — словом, как-то вытащить. Но нет, видимо, такое положение устраивало Союз писателей. Пусть писатель сдохнет, но зато на Родине и тем самым докажет свой патриотизм.

Виктор Некрасов. Мы вместе с ним в Париже радовались тому, как резко меняются к лучшему советские журналы. Помню, как, выходя из радиостудии, он в шутку меня спрашивал: «Толя, я не понимаю, почему до сих пор меня не сделали членом редколлегии «Нового мира». Виктор Платонович обладал колоссальной работоспособностью, огромным жизнелюбием, несокрушимым оптимизмом и вопреки тому, что писал в «Огоньке» Виктор Конецкий, Некрасов до конца своих дней не знал нужды, жил вольно, радовался жизни. Да, сейчас, слава богу, имя Некрасова по праву вошло в классику советской литературы, но ведь, пока Вика был жив, Советский Союз палец о палец не ударил, чтобы как-то помочь Некрасову, хотя на дворе веяли уже другие ветры. Теперь, когда все рвутся в некрасовские друзья, хорошо бы помнить, что именно в эмиграции нашлись люди, которые помогали Вике, давали ему работу, следили за тем, чтобы у него был постоянный высокий заработок, чтобы работа была ему интересна.

Кончаю письмо на минорной ноте. К сожалению, видимо, я вынужден буду отказаться от дальнейшей подписки на ваш журнал. Почему? Дело в том, что подписка на «Огонек», по моим подсчетам, в советских рублях стоит 20 рублей 40 копеек в год, во Франции вырастает до 1000 франков, то есть в пять раз больше официального курса советского рубля. Я ломаю голову: чем руководствовались ваши чиновники-финансисты, установившие такую цену? Если они полагают, что ваш журнал за рубежом читают только нефтяные арабские шейхи, то тогда, разумеется, они правы. Если они думают, вопреки утверждению советской печати, что все русские эмигранты — миллионеры, то тогда, конечно, так резко подымать цены тоже имеет смысл. Или просто цель совсем иная — чтобы «Огонек» за рубежом не читали? Что ж, тогда они к этому близки.

С наилучшими пожеланиями

Анатолий ГЛАДИЛИН
Париж

Сообщаем читателям журнала, что книги Г. Владимова, В. Некрасова, В. Аксенова, В. Максимова, самого А. Гладилина и других авторов, ранее издававшиеся в нашей стране, сегодня возвращены на книжные полки.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

НЕ ЗАГЛОХ БЫ ИНТЕРЕС...

Владимир ЦВЕТОВ

Международная выставка товаров широкого потребления

Фото Геннадия КОПОСОВА

Три монолога о совместном предпринимательстве

— ГОСПОДИН ИОСИДА (ТОМИТА, КУРОДА), КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ИДЕЕ СОЗДАТЬ СОВМЕСТНОЕ С НАМИ ПРЕДПРИЯТИЕ?

— ИДЕЯ ЛЮБОПЫТНАЯ,— ОТВЕЧАЕТ ИОСИДА (ТОМИТА, КУРОДА).

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПОДГОТОВЬТЕ ПРОЕКТ. МЫ ЕГО РАССМОТРИМ.

— НО, ПОЗВОЛЬТЕ! — НЕДОУМЕВАЕТ ИОСИДА (ТОМИТА, КУРОДА).— СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ НУЖНО ВАМ, А НЕ МНЕ. ПОЧЕМУ ЖЕ Я ДОЛЖЕН СОСТАВЛЯТЬ ПРОЕКТ? ВЫ РАЗРАБОТАЙТЕ ЕГО, И ЭТО УЖ Я РАССМОТРЮ, ВЫГОДНО МНЕ СОВМЕСТНОЕ С ВАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ИЛИ НЕТ.

— НУ-У, ГОСПОДИН ИОСИДА (ТОМИТА, КУРОДА), НЕДЕЛОВЫМ ПОДХОДОМ ВЫ НАС РАЗОЧАРОВАЛИ...

* * *

В подобных диалогах между советскими хозяйственниками и японскими предпринимателями я слышал в Токио и в Москве от Иосиды (Томиты, Куроды) не раз. Фамилии привожу условные, потому что мои собеседники, имеющие в нашей стране коммерческие интересы, не хотят осложнять отношения со своими партнерами. Скажу лишь, что все трое — мои приятели. Многолетнее знакомство позволило им отрешиться в разговоре от традиционной японской заботы о сохранении «лица» у собеседника, то есть у меня. Давно и прочно связав деловую судьбу с Советским Союзом, они желают, естественно, успеха перестройке и оттого не стеснялись указывать на самые, вероятно, болезненные места нашего хозяйственного организма.

Вывод их был единодушным: пока что совместное предпринимательство зачастую выглядит санкционированной свыше модой. Хозяйственники, привыкшие немедля рапортовать о выполнении директив, стремятся побыстрее втиснуть в новый покрой свою производственную или торговую деятельность, не разобравшись, соответствует ли она покрою. Японцы, я имею в виду главным образом тех, чей бизнес — высокотехнологичное производство — особенно привлекателен для нас, не отрицают перспективности совместного предпринимательства, но весьма скептически оценивают сообразность моды нашим сегодняшним возможностям.

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ
Иосида о правнуках Обломова

— Совместно добывать в советских водах морепродукты — мое оборудование, ваша рабочая сила — выгодно и для вас, и для меня. Я получаю прибыльный товар, который легко продать в Японии или в Южной Корее, вы — иностранную валюту. На такое совместное предпринимательство я согласен. Не против я строить вместе с вами на Дальнем Востоке валютные отели, где могли бы останавливаться иностранцы, гольфовые площадки для японских туристов.

Вы спрашиваете о возможности реализовать морепродукты в СССР? А вот тут надо тщательно посчитать. Рубль-то — валюта неконвертируемая! Значит, следует отыскать в СССР товар, который можно купить за рубли и удачно перепродать в Японии. Нефть? Уголь? Лес? Что еще? Ваша готовая продукция в Японии неконкурентоспособна. Да и с сырьем сейчас намучаешься. Ведь Япония постепенно отказывается от энергоемких и трудоемких производств, сокращает отрасли, загрязняющие окружающую среду,— черную и цветную металлургию, химию. Японская экономика переходит на наукоемкие производства. Следовательно, сырьевой рынок сужается. На него труднее пробиваться.

Почему бы не образовать совместные предприятия по выпуску, к примеру, телевизоров, персональных компьютеров, роботов? Вопрос резонный. Но и ответ мой вы не сочтете, я думаю, необоснованным. У меня перед глазами Волжский автомобильный завод. «Жигули» внешне очень похожи на «Фиат». Но только внешне. С точки зрения качества они имеют общего столько же, сколько тигр нарисованный и тигр настоящий. Однако тигр с картинки вполне может создать неверное представление о тигре из джунглей. Так и произошло с «Жигулями» и «Фиатом». Занявшись производством вместе с вами телевизоров, я рискую, что от моей аналогичной продукции, выпущенной в Японии, станут отмахиваться, как теперь отворачиваются кое-где в мире от «фиатов».

Вы хотите уверить, что качество труда советских рабочих можно поднять? При нынешних условиях вряд ли это произойдет скоро. Почему? Вы сами писали, что японцев называют «трудоголиками», по аналогии с алкоголиками. Подверглись ли ваши рабочие подобной интоксикации? В университете я изучал русский язык. Первая русская книга, которую я самостоятельно осилил,— роман «Обломов». Часто мне чудится, что я до сих пор встречаюсь если не с самим Обломовым, то с его внуками или правнуками. Вы безразличны к тому, чем занимаетесь. В Японии от рабочих или инженеров не услышишь анекдотов о плохом качестве товаров, хотя товары с дефектами, конечно же, случаются. Рабочие и инженеры стыдятся этого. У вас же больше всего анекдотов о том, какие плохие вещи вы производите. И смеетесь над такими анекдотами особенно охотно.

Желаете пофантазировать? Извольте. Предположим, совместное советско-японское предприятие все же наладило выпуск отличных телевизоров. Я соглашусь вложить в это предприятие деньги, если мне разрешат переводить за границу достаточно крупную часть прибыли. Но если мне предложат получать прибыль за счет реализации советско-японских телевизоров не в СССР, а за границей, то я откажусь от совместного с вами предпринимательства: надо быть глупцом, чтобы собственноручно устраивать конкуренцию моим же телевизорам, произведенным в Японии!

Я ожидал, что вы обязательно обратите внимание на замечание: «В нынешних условиях вряд ли можно быстро поднять качество труда советских рабочих». Готов пояснить мысль.

Среди множества анекдотов, которым научили меня русские, есть такой: «Вы делаете вид, что платите, а мы делаем вид, что работаем». По-моему, это предельно сжатая и предельно точная характеристика кризисного состояния вашей экономики. На совместном

советско-японском предприятии бо́льший труд станет оплачиваться, конечно же, бо́льшими деньгами. Но все равно персонал обвинит администрацию в притворстве. И будет прав. За заработанные деньги он не сумеет купить того, что хочет. «Притворство» администрации покажется персоналу тем очевиднее, чем дальше предприятие расположено от Москвы или от крупного административного центра. Другой ваш меткий анекдот: «В СССР самая простая система снабжения. Все товары доставляются в Москву, и население само развозит их по стране». Невероятно допустить, чтобы персоналу совместного предприятия позволили вместо работы отправиться на «колбасной электричке» в крупный город за продуктами. И персонал снова примется делать вид, что работает.

Согласен с вами: на совместном предприятии японская сторона в состоянии наладить оплату труда натурой — японскими автомобилями, видеомагнитофонами, ширпотребом. Но в этом случае предприятие придется окружить надолбами и колючей проволокой с бдительными таможенниками при въезде на его территорию. Японским участникам Владивостокской международной встречи, состоявшейся в октябре прошлого года, поведали, что, как только Владивосток сделался открытым городом, все гостиницы оказались оккупированными постояльцами, облик которых не оставлял сомнений: родились они очень далеко от Приморья. Владивостокские моряки привозят из Японии подержанные автомашины. Они стоят у нас копейки. Благодаря «гостям» из западных и южных регионов СССР цены на эти автомобили подскочили во Владивостоке до 25 тысяч рублей. А ведь совместное предприятие будет расплачиваться с персоналом, как нетрудно предположить, отнюдь не потрепанными «тоетами» и «хондами».

Благодаря совместному предпринимательству вы надеетесь получить доступ к передовой технологии. Допустим, смягчены или даже вовсе отменены ограничения на поставку в социалистические страны технологии так называемого «двойного назначения», то есть той, что годится и для мирного, и для военного применения. А именно такая технология — самая передовая. Совместные советско-японские предприятия оснастятся современными механизмами. В соответствии с темпами научно-технической революции их будут заменять на новые каждые 5—7, а то и меньше лет, преобразуя при этом и технологию. Но кто же будет управлять безлюдными цехами, роботами, ЭВМ, компьютерами? Я посетил одно предприятие, правда, далеко от Москвы. Рабочие там не знали высшей математики! Им было недоступно прочесть сложный чертеж. У нас компьютеры есть уже в детских садах. У вас видели их собственными глазами не все студенты. Для успешного и эффективного производства требуется не только горячее желание, но и богатый человеческий капитал. Реформа же образования у вас лишь начинается...

На том предприятии, которое я упомянул, перед входом в заводоуправление я едва не потерял ботинки: грязь была столь густая и глубокая, что я с трудом вытаскивал из нее ноги. В Японии у входа в родственное предприятие я увидел кусты камелии. Они обрамляли дорожку, выложенную разноцветными плитками. Их мыли дважды в день. А в помещении, служащем проходной, меня встретила девушка, по-вашему — вахтер. Над ее личиком, казалось, поработали специалисты макияжа из «Кристиан Диор». Там, где у вас висит никем не читаемый бодрый лозунг, выцветший от времени, в японской проходной я увидел яркий пейзаж кисти европейского художника-импрессиониста. Не задержать на картине взгляд было попросту невозможно. Выпускающие близкую по номенклатуре продукцию советское и японское предприятия могли бы заняться производством совместно. Но я затруднился бы положительно ответить на вопрос: совместимы ли они?

МОНОЛОГ ВТОРОЙ
Томита о движении без оглядки

— Я хотел бы создать совместное советско-японское предприятие. В голове даже проработал, каким образом я это сделаю. Вернее, продумал, чего я не сделал бы ни в коем случае. Во-первых, я ни за что не обратился бы в советское министерство. Или в ведомство. Ни в одно из них! Недавно я прочел о мытарствах Питера Марси, американского дельца, предложившего Советскому Союзу совместное предприятие по выпуску минтрата — добавки в корм скоту. Восемь лет боролся Питер Марси с чиновниками Госагропрома, будто не они и их жены, а он сам ежедневно видит пустые полки в мясных магазинах. Американцу взялся помочь первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Тщетно. Чиновники победили. Совместного советско-американского предприятия не будет. Школа опыта дорого обходится. Поэтому я не повторяю чужих ошибок.

Далее. Я не стал бы вести дело с крупными советскими предприятиями. Они несамостоятельны и, следовательно, немобильны и негибки. На мировом рынке ширпотреб меняется по дизайну, по материалам, из которых изготовлен, каждые 3—4 месяца, модели телевизоров — ежегодно, образцы автомобилей — раз в трехлетие. Советские предприятия, поставленные в крепостную зависимость от министерств, не способны поспеть за требованиями мирового рынка. О каком предпринимательстве, да еще совместном, может идти речь?

Знаю, на советских предприятиях есть умные, энергичные инженеры, менеджеры. Но сознание их отравлено. Боюсь, надолго... Оно отравлено страхом. Советский менеджер движется вперед, а глядит назад. Он все время ждет удара в спину. Удары наносит вооруженный ворохом инструкций чиновник из министерства или из ведомства. Разве с повернутой назад головой далеко уйдешь?

Перестройке уже четыре года, однако чиновников не убавилось. Они лишь поменяли кресла. Инструкции тоже не исчезли. Я торгую с вашей страной почти двадцать лет. Знаком с очень многими чиновниками. До сих пор — все те же лица.

Однажды на очередное предложение образовать совместное предприятие я ответил согласием. Но поставил непременным условием: предприятие будет нерентабельным. От меня отшатнулись как от сумасшедшего. Забавно, не правда ли? Ведь психическое состояние руководителей сотен убыточных заводов и фабрик у вас не ставят под сомнение. Однако вызвало улыбку другое: ваши менеджеры все еще не знакомы с нерентабельностью, которую я нарек бы конструктивной.

На совместном предприятии, какое хотел бы создать я, занимались бы разработкой товара, потребующегося людям, скажем, лет через десять, в XXI веке. Представьте ситуацию: преобразившиеся условия жизни, изменившееся сознание породили у людей нужду в товаре определенного вида, характера, качества. Ученые кидаются изобретать этот товар, инженеры начинают мастерить опытные образцы, а у нас товар уже готов! Если, разумеется, прогноз был точным. Товар надо лишь запустить в серию.

Десять лет совместное предприятие не давало прибыли. Десять лет оно было в долгу у банков. Они терпели, потому что верили в нашу способность верно представить будущую жизнь и правильно разобраться в грядущих человеческих потребностях. И не ошиблись. Пришел наш звездный час! Мы выходим на рынок с товаром, которого все жаждут, но которого ни у кого, кроме нас, нет. Можете вообразить, сколькими знаками выразится сумма, что мы получим в качестве прибыли? И еще вопрос: я похож на ненормального?

Вас занимает название научно-исследовательского института, с которым я завязал бы отношения? Такого НИИ, увы, нет. Однако людей, умеющих заглядывать далеко вперед и трезво оценивать увиденное там, в вашей стране немало. Уверен, их больше, чем в Японии. Только у них завязаны глаза. Если бы группа ученых, инженеров, техников, не больше десятка, освободившись от министерских, ведомственных и академических пут, предложила мне нечто подобное, о чем я сейчас рассказал, я создал бы с ними совместное предприятие. Я даже согласился бы принять от них в виде первоначального вклада не деньги, а мысли. У вас не хватает умения воплощать в жизнь научные идеи. У нас не хватает идей, которые следовало бы воплотить.

Для совместного предпринимательства нужны свободные люди. Мыслящие свободно, живущие свободно. Для таких людей чем сложней проблема, тем она интересней. А на долю мою и советского директора совместного предприятия пришлась бы организация труда, при которой ничто не отвлекало этих людей от мыслительного процесса, ни иссушающая мозг забота о жилье, о досуге, о продуктах для обеда, ни абсурдная с точки зрения здравого смысла работа ученых на овощной базе или в подшефном колхозе, ни противоречащее грамотному менеджменту производственное соревнование, которое является на деле или очковтирательством, или свидетельством отвратительного планирования.

Подозреваю, что вы не верите в мечту. А напрасно. Для превращения ее в быль требуется всего одна, но решительная мера: ликвидировать отраслевые министерства или придать им такие функции, чтобы нашему совместному предприятию стало выгодно их содержать. Чтобы министерства служили нашему предприятию: находили в мире придуманное лучше, чем изобретено нами, подсказывали партнеров, поставщиков, смежников, искали прибыльные рынки.

Вы предлагаете спуститься с небес на землю и поразмыслить, нельзя ли уже теперь создать совместное советско-японское предприятие того типа, о котором я размечтался? Подобное предприятие быстро задушат министерства или научные ведомства. Они не выдержат конкуренции с ним за эффективность и, значит, за авторитет. А власть в их руках. Вот эту власть они и употребят, чтобы уничтожить соперника. Ведь, позволив ему выжить, министерства и ведомства выроют себе могилу: все ясно увидят, что они не нужны.

МОНОЛОГ ТРЕТИЙ
Курода
об одном утверждении древних

— Совместное предприятие находится не в вакууме и не на необитаемом острове. Оно должно быть интегрировано в вашу хозяйственную систему. Предположим, образовалось совместное советско-японское предприятие по выпуску рыбных консервов. Я предоставил новейшее оборудование, познакомил с наиболее ходовыми на мировом рынке рецептами засолки или копчения рыбы. Вы построили здание фабрики, наняли рабочих. Есть ли уверенность в безоблачной судьбе нашего детища? У меня — нет.

Фабрика будет зависеть от электростанции, снабжающей электроэнергией, от железной дороги, предоставляющей вагоны под готовую продукцию, от завода, изготавливающего жестяные банки, наконец, от типографии, печатающей этикетки. Всегда ли четко станут работать смежники? Ваша железная дорога — это тема для романа абсурда. В Японии смежники поставляют комплектующие части или материалы с точностью плюс-минус два часа. Как будут завозить нам консервные банки и этикетки жестяной завод и типография? С точностью плюс-минус два дня? Или две недели? А может, два месяца? Ответить вы, вижу, не беретесь. У меня ответа нет тоже.

Дальше. Кто защитит совместное предприятие от произвола смежников, нарушивших контракт? Министерство? Вряд ли. Местные власти? Никогда. Они сами терпят от министерств. Да и как отыскать виноватого? У вас ответственность распылена до такой степени, что карать надо или целиком многотысячную организацию, или никого.

Идея совместного предпринимательства придумана, без сомнения, хорошими людьми. Но для успешного осуществления идеи необходимы хорошие законы. Хорошие в том смысле, что сделают совместные предприятия привлекательными для вкладчиков капитала. Хорошими считаются также и те законы, в незыблемости которых можно быть абсолютно уверенным. После декабрьского постановления Совета Министров СССР относительно кооперативного движения у меня нет твердой веры, что со временем не выйдут какие-либо решения, изменяющие закон о совместном предпринимательстве. Я не хочу разбирать суть декабрьского постановления. Вполне допускаю, что оно было вызвано настоятельной необходимостью, осознанной только теперь. Но обычно законодатели начинают не с издания законов, а с изучения их пригодности для общества. Революционные потрясения не служат оправданием для отказа от этого правила.

Я внимательно следил за дискуссией вокруг декабрьского постановления Совета Министров СССР. В какой-то газете промелькнуло признание, что принять постановление подтолкнуло власти недовольство кооперативами со стороны части населения. Это настородило не одного меня. И вот почему. Мы знаем об отрицательном отношении к «зонам совместного предпринимательства», к совместным предприятиям некоторых слоев советских людей. Упоминание в телепередаче «Резонанс» о пятистах отрицательных откликах на предложение создать на Дальнем Востоке «зону совместного предпринимательства» и о том, что всего в четырех письмах телезрителей содержалось одобрение идеи, меня не удивило. Еще древние утверждали: бывают времена, когда нет мнения зловреднее, чем общественное. Меня тревожит иное. Ретивым бюрократам может показаться, что вместо терпеливого разъяснения важности совместного предпринимательства проще его ограничить, а то и запретить.

Я сказал о важности совместного предпринимательства, и вы ловите меня на слове? Я и не скрываю: да, убежден — совместное предпринимательство выгодно для вас. Это один из верных путей приобщиться к передовой технологии, заработать иностранную валюту и улучшить качество товаров. Почему я не стремлюсь в таком случае образовать совместное предприятие с кем-либо из советских партнеров? Кто-то очень верно подметил: горячая лошадь вместе с всадником может сломать себе шею как раз на той тропинке, по которой осторожный осел идет не спотыкаясь. Хочу увериться, что перестройка действительно сумеет убрать препятствия. Те самые, о которых мы с вами говорили и которые так мешают широкому и активному совместному предпринимательству.

* * *

Этот материал уже был подготовлен к печати, когда к нам в редакцию пришло письмо из Западной Гер-

мании от делового человека, директора фирмы...

В прошлом я — техник, работал в крупной немецкой фирме АМПАГ и довольно часто приезжал в СССР. Потом организовал собственное предприятие. Мы специализируемся на поставках специального оборудования, которое переделываем и подготавливаем к использованию на вашем рынке. Первые трудности моего нового сотрудничества с вами имели просто-таки анекдотический характер. «Как? Простой техник имеет свою фирму? Да кто ему разрешил? Кто дал денег и почему?» — эти вопросы то и дело раздавались со стороны различных советских организаций, когда я приехал в СССР уже в новом качестве. А никто денег на организацию фирмы и не давал. Мне потребовалось всего лишь пятнадцать марок для регистрации названия, а остальной капитал ссудили заинтересованные концерны, которые предоставили для продажи станки и другое оборудование...

Надо сказать, что при продаже какой-либо продукции фирма-поставщик предъявляет гарантийные письма, действительные на определенный срок. Нередко гарантийное письмо соответствует товару только на западном рынке, а на советском это просто «фикция», потому что гарантия работы машины сохраняется в том случае, если будут использоваться определенное сырье, материалы и так далее. А эти компоненты на советском и западном рынках, как правило, различаются. Вот и получается, купили машину, поработала она некоторое время, а потом посмотришь — стоит в углу. Неужели она не нужна? Конечно, нужна, но некому отремонтировать. Порой на выставках, видя, что тот или иной агрегат жизненно необходим советскому производству, хочется подсказать, порекомендовать, посоветовать продукцию фирмы, которую я хорошо знаю, за которую ручаюсь. Но ваши коммерсанты в основном стремятся за дешевизной, упуская при этом качество. Тогда сделки происходят так. Пришли на экспозицию, увидели первое попавшееся: вроде недорого, фондам соответствует — вот и хорошо, ходить далеко не надо. Ударили по рукам, а что дальше — никого не волнует. Расплачиваться будет заказчик, для которого приобретено это оборудование.

Вспоминаю такую историю: привезли мы как-то в Москву полиграфические машины, причем определенные, рассчитанные на узкого потребителя — на полиграфический комбинат в Белоруссии,— именно для него эти машины и предназначались. А на соседнем выставочном стенде был представлен аналогичный агрегат другой фирмы, но не модернизированный, рассчитанный на страны Западной Европы. Советские представители — посредники из «Проммашимпорта», однако первым делом направились почему-то к тому стенду... Привлекла их чем-то та машина, а чем — мы сразу догадаться не смогли. Стоила она на треть дороже нашей и не имела «подгонки» под советские стандарты. Наконец зашли они к нам: «Вы хотите продать ваш агрегат? Хорошо, купим, но хотим скидку четырнадцать процентов». «Почему?» — удивились мы. «Потому что с ваших соседей мы получили двадцать два».

Разве можно технологию, качество, надежность приобретаемой продукции измерять в процентах скидки? К слову заметить, только наши, «подогнанные» машины работали на советских комбинатах без поломок, прочие же быстро отказывали. Это частный случай, вы можете сказать. Соглашусь, но как объяснить тот факт, что западные бизнесмены, работающие с Союзом, начинают смеяться при одном упоминании слова «скидка»? На западном рынке скидка — это вынужденная процедура, она не превышает шести процентов и проводится только в случае падения цен или затоваренности рынка. Чем объяснить большую любовь к скидке у советских торговых работников? Не знаю, может, наличием специального плана по скидкам, который надо регулярно выполнять? Не секрет, что, приезжая на выставки в СССР и поставив себе цель побыстрее продать свою продукцию, многие коммерсанты вздувают цены на нее до фантастических размеров. Хотя и скидка тоже бывает фантастической, цены в конце концов все равно оказываются раза в полтора выше истинных. Получается, скидка превращается в великолепное орудие повышения цен. Сами того не осознавая, вы, пытаясь купить подешевле, приобретаете вещь едва ли не вдвое дороже...

Я тоже прошел весь этот «скидочный марафон»: один раз согласился на двадцативосьмипроцентную скидку. Контракт тот до сих пор храню, как исторический документ.

У вас может сложиться впечатление, что я против скидок. Отнюдь нет. Но все должно осуществляться в разумных пределах.

Как правило, те, кто всегда знает, чего хочет,— это заказчики. И с ними всегда легко работать. Вот «Станкоимпорт», например, всегда приглашает заказчиков на переговоры по купле-продаже импортного оборудования, и те выступают в роли первоклассных экспертов. Неплохо бы такую систему ввести и в других внешнеторговых организациях.

Конечно, не сразу переведешь экономику на новые рельсы. Но отдельные беды у вас застарелые, и лечить их надо немедленно. Простой пример: когда в ФРГ начинают строительство, то первым делом бетонируют строительную площадку и подводят дорогу, а здесь, я это наблюдал неоднократно, пока не построят — по колено в грязи ходить будут. Никогда не забуду эпизод из начала моей «фирменной» карьеры. Западный концерн поставил партию неплохого оборудования, но по истечении гарантийного срока в некоторых машинах вышла из строя пустяковая деталь. Мы предложили: «Давайте привезем запчасти, подпишем маленький контракт на две тысячи марок». «Что вы,— ответили нам,— мы такой мелочью не занимаемся». И купили новые восемь машин, чтобы... разобрать их на запасные части! В то же время нередко переговоры заканчиваются такой фразой: «У нас только эта сумма, больше дать не можем!»

Уже год у меня в столе лежат запасные части к одному полиграфическому станку. Двадцать седьмого декабря 1987 года пришел срочный телекс. Мы специально ездили за деталями в Бельгию, но привезли в СССР и... «Ждите, к вам приедут представители и заберут».— стойко отвечают в посреднической организации. Представители уже год, как едут, а нужный и полезный станок простаивает. «Может, нам самим будет удобнее отдать детали заказчику?» — решили предложить. Отвечают: «Не стоит!» Ну, не стоит, так не стоит...

И все же я готов честно признаться: никогда не видел специалистов лучше, чем советские. Это великолепные импровизаторы, генераторы идей, просто Кулибины. С ними можно делать любое дело...

Витольд НОВАК,
директор фирмы
«Новитек» (ФРГ)

ДОЛГ НАШЕЙ СОВЕСТИ

Двадцать с лишним лет назад в одном доме состоялся разговор, который я не могу забыть до сих пор. Зашла речь о Сталине и его преступлениях. Молодая хозяйка, дочь видного в 40—50-е годы военачальника, близкого к Сталину, заявила: «Ну что это все без конца говорят об этом?! Надоело... Не так уж он много людей уничтожил...» Наступило неловкое молчание. «А сколько, по-вашему?» — спросил ее. И тут же прозвучал потрясающий ответ: «Ну уж никак не больше миллиона»!

Я не раз замечал, что для некоторых людей миллионы ни в чем неповинных жертв сталинского террора являются своего рода какой-то фикцией, абстракцией. Самого факта невиданных в истории злодеяний они сегодня уже отрицать не могут, но миллионы погибших их абсолютно не волнуют. Пожалуй, это самое страшное из всего того сталинского наследия, которое все еще с нами.

Освободиться от этого проклятья помогает только правда обо всем, что с нами было, только восстановление подлинной нашей истории и возвращение к нам памяти о погибших. «Возвращенные имена»* — так называется только что вышедший сборник публицистических статей в двух книгах. В нем 27 имен: Бухарин, Бубнов, Вавилов, Зиновьев, Косарев, Рыков, Чаянов, Рютин, Каменев, Кузнецов... Советские, государственные и партийные деятели, военные, ученые. Большинство из них — соратники Ленина, среди них — и самые ближайшие.

И обе эти книги — не «жития святых». В сборнике справедливо подчеркивается: «Было бы заблуждением полагать, что реабилитация ряда крупных партийных и государственных деятелей сразу расставит все точные акценты в нашем прошлом... Речь идет не о том, чтобы сводить политические счеты, возвеличивать или низвергать чьи-то персоны, важно другое — во имя настоящего и будущего правдиво увидеть день вчерашний...»

Через десятилетия пришли сегодня к нам мысли тех, кто видел страшную опасность в сталинской диктатуре. «Для всей нашей партии и для всей страны,— обращается к нам и сегодня Бухарин,— одной из главных возможностей действительного перерождения являются остатки произвола для каких-нибудь привилегированных коммунистических групп. Когда для группы коммунистов закон не писан, когда коммунист может свою тещу, бабушку, дядюшку и т. д. тащить и «устраивать», когда никто не может его арестовать, преследовать, если он совершил какие-нибудь преступления, когда он разными каналами может еще уйти от революционной законности, это есть одно из крупнейших оснований для возможности нашего перерождения».

Через десятилетия пришли к нам свидетельства о несгибаемом мужестве тех, кто в страшные годы террора пытался спасти партию и страну, не щадя собственной жизни. Один из них, Рютин, писал в обращении «Ко всем членам ВКП(б)»:

«Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма, социалистического строительства и социализма, для взрыва их изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...

Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер».

О том времени уже написано немало, но сколько правды должно еще быть сказано во имя того, чтобы страшное прошлое не повторилось! В сборнике приведено много исторических фактов, которые до сих пор мало кому известны, а без них просто невозможно осознать, что же тогда происходило, что царила не правда, а страх, рожденный массовым террором, который, говорится в сборнике, «приумножил то, что и мы сегодня пожинаем: неверие и недоверие, лицемерие и пассивность, трусость, желание и способность много раз менять свое мнение и свой взгляд, откровенное и скрытое приспособленчество, тупая нетерпимость и бессмысленный экстремизм. Все это оттуда, ибо инфекция, до конца не определенная, не изученная, не излеченная, все еще очень живуча и постоянно гниет в организме общества».

После XX съезда КПСС пришло время, когда начала восстанавливаться правда истории и начали возвращаться имена революционеров-ленинцев, уничтоженных в годы террора. Но этот процесс возрождения справедливости затем был приостановлен. В сборнике публикуется очерк о Раскольникове, активном участнике Октябрьской революции и дипломате, имя которого вернулось к нам после разоблачения сталинских преступлений, а затем в 1965 году он был оклеветан вторично, и только через 20 лет истина восторжествовала. В чем было дело?

В 1939 году Раскольников написал открытое письмо Сталину, смысл которого как бы сконцентрирован в таких его словах: «Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список Ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов». Нашлись люди, которые не могли простить ему этих слов и в 1965 году.

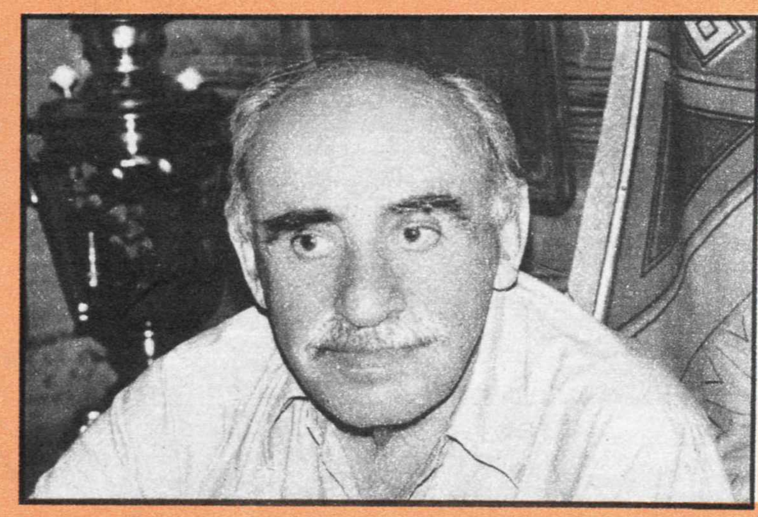
Не вернуть в нашу историю имена невинных жертв — значит предать и убить их во второй раз и разделить преступления их палачей.

Один из героев сборника, Раковский, заявил в тюрьме сотруднику НКВД: «Когда-нибудь и трупы заговорят». Они заговорили. И долг нашей совести — не оборвать эти обличения, а продолжить. Долг перед ними и будущими поколениями.

Владимир НИКОЛАЕВ

* «Возвращенные имена». Москва, издательство АПН, 1989. Тираж 200 тысяч.

Семен ЛИПКИН

НЕОПАЛИМОВСКАЯ БЫЛЬ

* * *

Когда мне в городе родном,
В Успенской церкви, за углом,
Явилась ты в году двадцатом,
Почудилось, что ты пришла
Из украинского села
С ребенком, в голоде зачатом.

Когда царицей золотой
Ты воссияла красотой
На стеклах Шартрского собора,
Глядел я на твои черты
И думал: понимала ль ты,
Что сын твой ра́спят будет скоро.

Когда Казанскою была,
По Озеру не уплыла,
Где сталкивался лед с волнами,
А над Невою фронтовой
Вы оба — ты и мальчик твой —
Блокадный хлеб делили с нами.

Когда Сикстинскою была,
Казалось нам, что два крыла
Есть у тебя, незримых людям,
И ты навстречу нам летишь,
И свой полет не прекратишь,
Пока мы есть, пока мы будем.

НЕОПАЛИМОВСКАЯ БЫЛЬ

Как с Плющихи свернешь,—
в переулке,
Словно в старой шкатулке,

Три монахини шьют покрывала
В коммуналке подвала.

На себе-то одежа плохая,
На трубе-то другая.

Так трудились они для артели
И церковное пели.

Ладно-хорошо.

С бельэтажа снесешь им, вздыхая,
Колбасы, пачку чая,

В самовар огонечку прибавят,
Чашки-блюдца расставят,

Дуют-пьют, дуют-пьют,
все из блюдца,
И чудесно смеются:

«С полтора понедельника, малость,
Доживать нам осталось.

Скоро пасха-то. Правильно, Глаша,
Скоро ихня да наша».

Ладно-хорошо.

Мальчик жил у нас, был пионером,
А отец — инженером.

Мягкий, робкий, пригожий
при этом,
Хоть немного с приветом:

Знать, недуг испытал он тяжелый
В раннем детстве, до школы.

Он в метро до Дзержинской
добрался
И попасть постарался,

Доложил: «Я хочу, чтоб вы знали:
Три монашки в подвале

Распевают, молитвы читают
И о Боге болтают».

А начальник: «Фамилия? Клячин?
Хитрый враг будет схвачен!

Подрастешь — вот и примем
в чекисты,
Да получше учись ты».

Трех, за то, что терпели и пели,
Взяли ночью, в апреле.

Три души, отдохнув, улетели
К солнцу вербной недели...

Для меня, вероятно, у Бога
Дней осталось немного.

Вот и выберу я самый тихий,
Добреду до Плющихи.

Я сверну в переулок знакомый.
Нет соседей. Нет дома.

Но стоят предо мною живые
Евдокия, Мария,

Третья, та, что постарше,—
Глафира,
Да вкусят они мира.

Ладно-хорошо.

* * *

Бык сотворен для пашни,
Для слуха — соловей,
А камень — тот для башни,
А песня — для людей.

Для нас поет и нива,
Чья дума высока,
И над рекою ива,
Да и сама река,

И море, где сиреной
Обманут мореход,
И горе всей вселенной
По-русски нам поет.

МАЛИНОВКА

Над грубым гуденьем вагонов
Сияющий храм вознесен,
Но вместо малиновых звонов —
Малиновки сдавленный звон.

О чем же грустишь ты, зорянка?
О том, что покорствуем зря?
О том, что пустая приманка —
Лесное тепло сентября?

О том, что хочу не другую,
А эту дорогу топтать,
И вместе с тобою тоскую
О дерзости громко роптать.

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ

Как юности луна двурогая,
Как золотой закат Подстепья,
Мне Бунина сияет строгое
Словесное великолепье.

Как жажда дня неутоленного,
Как сплав пожара и тумана,
Искрясь, восходит речь Платонова
На Божий свет из котлована.

Как боль, что всею сутью
познана,
Как миг предсмертный в душегубке,
Приказывает слово Гроссмана
Творить не рифмы, а поступки,

Как будто кедрача упрямого,
Вечнозеленое, живое
Мне слово видится Шаламова —
Над снегом вздыбленная хвоя.

ИСТОРИК

Бумаг сказитель не читает,
Не ищет он черновиков,
Он с былью небыль сочетает
И с путаницею веков.

Поет он о событьях бранных,
И под рукой дрожит струна...
А ты трудись в тиши,
в спецхранах,
Вникай пытливо в письмена,

И как бы ни был опыт горек,
Не смей в молчанье каменеть:
Мы слушаем тебя, историк,
Чтоб знать,
что с нами будет впредь.

* * *

Шумит река, в ее одноголосье —
Загадка вековая, кочевая.
Из темной чащи выбегают лоси,
Автомашин пугаясь — и пугая.

И голос, кличем пращуров
звучащий,
И лес по обе стороны дороги,
И мы посередине темной чащи,
И наши многодумные тревоги,

И лоси, вдруг возникшие,
как чудо,
С глазами, словно звезды
Вавилона,—
Мы здесь навек. Мы не уйдем
отсюда.
Земля нам не могила здесь,
а лоно.

ПО ЭДГАРУ ПО

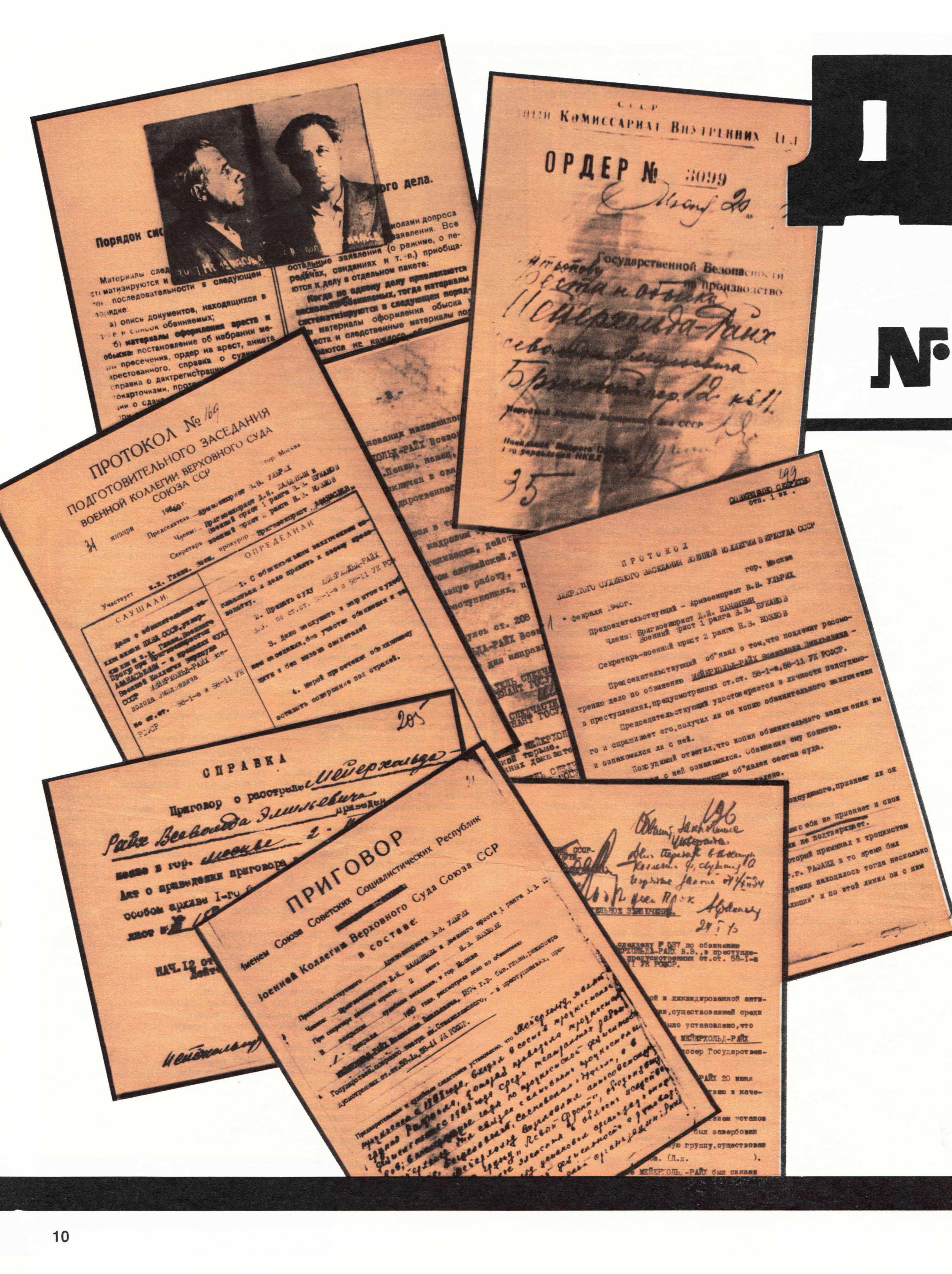
Возле рижской магистрали, где в снегу стволы лежали,
В глубине лесной печали шел я мерзлою тропой.
Обогнул седой чапыжник. Кто там прянул на булыжник?
Это старый чернокнижник, черный ворон, ворон злой.

Страшных лет метаморфоза, посиневший от мороза,
Трехсотлетний член колхоза,— черный ворон мне кричит:
— Золотник святого дара сделал вещью для базара,
Бойся, грешник, будет кара,— черный ворон мне кричит.

Говорю я: — Трехсотлетний, это все навет и сплетни,
Есть ли в мире безответней и бессребренней меня?
Не лабазник, не приказчик, золотник я спрятал в ящик,—
Пусть блеснет он, как образчик правды нынешнего дня.

Но упорен черно-синий: — Осквернитель ты святыни,
Жди отмщения эриний,— ворон старый мне кричит.
— Мастерил свои товары, чтоб купили янычары,
Бойся кары, грозной кары,— ворон старый мне кричит.

За деревней малолюдной, свой подъем окончив трудный,
Я вступаю в край подспудный, но душе открытый лес.
Кто там, кто там над болотом? Ворон, ты ль за поворотом?
Ты ль деревьям-звездочетам поклонился — и исчез?

Порядок сис... ...ого дела.

Материалы след... ...стематизируются и ... ...последовательности в следующем порядке:

а) опись документов, находящихся в деле и список обвиняемых;

б) материалы оформления ареста и обыска: постановление об избрании меры пресечения, ордер на арест, анкета арестованного, справка о судимости, справка о дактрегистрации...

...олами допроса ...заявления. Все остальные заявления (о режиме, о передачах, свиданиях и т. п.) приобщаются к делу в отдельном пакете:

Когда по одному делу привлекается несколько обвиняемых, тогда материалы систематизируются в следующем порядке: материалы оформления обыска и ареста и следственные материалы по...

СССР

...Комиссариат Внутренних Дел

ОРДЕР № 3099

Государственной Безопасности

...производство

ареста и обыска

Мейерхольда-Райх

Всеволода Эмильевича

Брюсовский пер. 12 кв. 11

35

ПРОТОКОЛ № 169

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

гор. Москва

31 января 1940 г.

Председатель — Армвоенюрист В. В. Ульрих

Члены: Бригвоенюрист Д. Я. Кандыбин, Военный юрист 1 ранга З. З. Буканов

Секретарь Военный юрист 2 ранга Н. З. Козлов

Участвует ...

СЛУШАЛИ:	ОПРЕДЕЛИЛИ:
Дело с обвинительным заключением ... Мейерхольд-Райх Всеволода Эмильевича по ст. ст. 58-1-а и 58-11 УК РСФСР	1. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к своему производству. 2. Предать суду Мейерхольд-Райх В. Э. по ст. ст. 58-1-а и 58-11 УК РСФСР. 3. Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. 4. Меру пресечения обвиняемому оставить содержание под стражей.

Совершенно секретно

отп. 1 эк.

ПРОТОКОЛ

ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

гор. Москва

1 февраля 1940 г.

Председательствующий — Армвоенюрист В. В. УЛЬРИХ

Члены: Бригвоенюрист Д. Я. КАНДЫБИН, Военный юрист 1 ранга З. З. БУКАНОВ

Секретарь — военный юрист 2 ранга Н. З. КОЗЛОВ

Председательствующий объявил о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению МЕЙЕРХОЛЬД-РАЙХ Всеволода Эмильевича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1-а, 58-11 УК РСФСР.

Председательствующий удостоверяется в личности подсудимого и спрашивает его, получил ли он копию обвинительного заключения и ознакомился ли с ней.

Подсудимый ответил, что копия обвинительного заключения им получена и с ней ознакомился. Обвинение ему понятно.

...подсудимого, признает ли он ...себя не признает и свои ...не подтверждает.

...который примыкал к троцкистам ...г. РАЙХ в то время был ...находилось тогда несколько ...и по этой линии он с ним

205

СПРАВКА

Приговор о расстреле Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича приведен в исполнение в гор. Москве 2...

Акт о приведении приговора ... в особом архиве I-го ...

НАЧ. 12 ОТ...

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Армвоенюриста В. В. Ульриха

Членов: Бригвоенюриста Д. Я. Кандыбина и военного юриста 1 ранга З. З. Буканова

При секретаре военном юристе 2 ранга Н. З. Козлове

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве

1 февраля 1940 года, рассмотрел дело по обвинению

МЕЙЕРХОЛЬД-РАЙХ Всеволода Эмильевича, 1874 г. р. ...

...в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1-а, 58-11 УК РСФСР.

196

...ЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...делу № 537 по обвинению МЕЙЕРХОЛЬДА-РАЙХ В. Э., в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1-а ...11 УК РСФСР.

...ой и ликвидированной анти... ...существовавшей среди... ...установлено, что ... МЕЙЕРХОЛЬД-РАЙХ ... профессор Государствен...

...РАЙХ 20 июня ...

...был завербован ...группу, существовавш...

...МЕЙЕРХОЛЬД-РАЙХ был связан

ЕЛО 537

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НА СТРАНИЦАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ПОЯВИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ПУБЛИКАЦИЙ О ВСЕВОЛОДЕ МЕЙЕРХОЛЬДЕ, О ТРАГИЧЕСКОЙ КОНЧИНЕ РЕЖИССЕРА И ЖЕНЫ ЕГО ЗИНАИДЫ РАЙХ. «ДЕЛО МЕЙЕРХОЛЬДА», СРАБОТАННОЕ РАБОТНИКАМИ НКВД, ДОЛГОЕ ВРЕМЯ НАХОДИЛОСЬ ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ. ПО РОДУ СЛУЖБЫ МНЕ ДОВЕЛОСЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С НИМ. ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ С ЧИТАТЕЛЯМИ «ОГОНЬКА» ТЕМ, ЧТО УЗНАЛ,— СОКРЫТЫМИ ДОСЕЛЕ ФАКТАМИ, РАССКАЗЫВАЮЩИМИ О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РЕЖИССЕРА И ЗНАМЕНИТОЙ АКТРИСЫ.

Валентин РЯБОВ,
советник юстиции,
помощник прокурора
города Москвы

Началось с того, что в июне прошлого года в прокуратуру Москвы пришло необычное письмо. Писала проживающая в Ташкенте дочь Сергея Есенина — Татьяна Сергеевна Есенина. Она напоминала, что в ночь с 14 на 15 июля 1939 года в Москве в своей квартире неизвестными преступниками была убита ее мать Зинаида Николаевна Райх. Татьяна Сергеевна писала: «Мой отчим Всеволод Эмильевич Мейерхольд был арестован сотрудниками НКВД 20 июня 1939 года в Ленинграде... Спустя 25 дней моя мать была убита у себя на квартире. Следствие долго и безуспешно вел МУР. Как мне известно, в сообщениях западной прессы того времени выражалась уверенность, что жена Мейерхольда стала жертвой НКВД. Я не знаю, на чем были основаны такие предположения... Уже в годы войны МУР арестовал наших соседей по дому — артиста Большого театра Головина Д. Д. и его сына. Сыну приписали убийство З. Н. Райх, отцу — соучастие. Оба были осуждены, но спустя несколько лет оправданы и освобождены... Дело Головиных было крайне грубо и откровенно сфальсифицированным, но все попытки общественности Большого театра заступиться за члена своего коллектива были тщетными. Найдены ли настоящие убийцы?..»

Татьяна Сергеевна хотела, чтобы органы прокуратуры вновь занялись расследованием обстоятельств убийства З. Н. Райх и установили виновных.

Проверка письма Т. С. Есениной была поручена прокурору следственного управления нашей прокуратуры Ширходжаеву Шавкату Бековичу, который и привлек меня к работе — по моей просьбе.

Были сделаны запросы в архивы различных органов суда, МВД, МУР и т. п., но отовсюду поступали отрицательные ответы: никаких материалов расследования об убийстве З. Н. Райх нет. И мы решили навестить бывшего военного прокурора Главной военной прокуратуры Б. В. Ряжского.

— Да,— подтвердил он.— действительно, в 1955 году я, будучи совсем молодым военным прокурором, занимался делом о реабилитации режиссера Мейерхольда. В мою задачу входило либо подтвердить, либо опровергнуть те обвинения, которые ему предъявили следователи НКВД. Я знал, что жена Мейерхольда была убита в своей московской квартире. Но в мои обязанности не входило расследовать это преступление, и я из чисто профессионального любопытства запрашивал различные органы, разыскивая дело или материалы об убийстве, но все усилия были безуспешными...

Вместе с Ширходжаевым мы приняли решение запросить из архива дела Мейерхольда и Головиных. Забегая вперед, скажу, что Головины были осуждены в 1943 году за «антисоветскую пропаганду и враждебную деятельность против советского государства» и действительно никакого отношения к тому преступлению не имеют. В. Д. Головин, кстати, впоследствии был известен как автор и режиссер телевизионных «Голубых огоньков» 60-х годов.

Из Центрального архива КГБ СССР пришло два увесистых тома дела Мейерхольда В. Э. (второй том содержал материалы, собранные Ряжским Б. В., о реабилитации Мейерхольда).

«Дело» начиналось с отпечатанного на финской бумаге постановления на арест Мейерхольда В. Э., утвержденное личной подписью Берия и датированное 19 июня 1939 года. **Основания ареста (из постановления): «Мейерхольд состоял в близких связях с руководителями контрреволюционной организации правых — Бухариным Н. И. и Рыковым А. И. Арестованный японский шпион Иосида Иосимасу до своей переброски нелегально через границу СССР получил в японской разведке директиву связаться в Москве с Мейерхольдом по этому вопросу... имеющимися агентурными и следственными материалами Мейерхольд В. Э. изобличается как троцкист и подозрителен по шпионажу в пользу японской разведки... Арестованный Кольцов Михаил Ефимович на допросе 16 мая 1939 года показал: Вопрос: Назовите все известные вам шпионские связи Вожеля в СССР? Ответ: Московскими друзьями и осведомителями Вожеля являются Михайлов — редактор «Журналь-де-Москау» и Мейерхольд...»**

Нас заинтересовало, откуда появилось имя Иосида Иосимасу, в связи с которым Мейерхольд стал «агентом японской разведки». В результате долгих поисков мне удалось встретиться с бывшей японской подданной, а теперь гражданкой СССР, проживающей в Москве,— Окада Иосико. До 1938 года Окада Иосико и Иосида Иосимасу (это его творческий псевдоним, подлинное имя — Сугимото Риокичи) жили в Японии. Иосида родился в 1907 году в Токио, сын профессора, театральный режиссер и переводчик русской литературы, состоял в Коммунистической партии Японии, за прогрессивную деятельность был дважды арестован. Окада Иосика — известная киноактриса и художница. Оба бежали в СССР в связи с тем, что на родине был развязан полицейский террор против компартии, находящейся на нелегальном положении. В России они хотели заняться литературной и театральной деятельностью, намеревались в Москве встретиться с известным во всем мире советским театральным режиссером Мейерхольдом и получить у него поддержку. 3 января 1938 года они нелегально пересекли советско-японскую границу на острове Сахалин. В тот же день были задержаны советскими пограничниками и препровождены в Александровск — тогдашний административный центр советской части Сахалина. Здесь они были арестованы органами НКВД. Из Иосида выбиваются показания, будто он «шпион, посланный в СССР японским Генеральным штабом. Цель переброски: связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. Например, совершить террористический акт против товарища Сталина, когда тот придет в театр на спектакль. Кстати, работавший в театре Мейерхольда с 1933 года театральный режиссер японский гражданин Сано-Секи — тоже шпион и с ним тоже надо связаться для проведения совместной подрывной деятельности». Между тем в 1937 году Сано-Секи из СССР выехал во Францию, а оттуда в Америку, о чем Иосида не знал.

Во время следствия, которое длилось больше полутора лет, Иосида Иосимасу постоянно мучили угрызения совести из-за подписанных им сфальсифицированных документов. 22 октября 1938 года он напишет: *«Относительно Сано-Секи и Иоси Хидзикато (стажировался в Москве в театре Революции). Тут вкралась громадная ошибка. Я написал в гор. Александровске, что Хидзикато и Сано-Секи являются шпионами, но это не соответствует действительности. Во время следствия на Сахалине следователь показал мне номер газеты «Советский Сахалин», где было напечатано правительственное постановление о закрытии театра Мейерхольда. При этом мне было сказано, что театра уже не существует, Сано-Секи и Хидзикато уже арестованы и дают показания обо мне. Мне в то время не давали спать несколько ночей, заставляли беспрерывно стоять, и я был близок к потере сознания. Под влиянием этого я принял эту версию относительно Сано-Секи и Хидзикато. Впоследствии я отказался от этого показания, но мой отказ не был принят, и я вынужден был поддерживать эту ложь до сего времени. Так как я считаю, что взвалить вину на невинного человека — это бо́льшее преступление, нежели шпионаж, прошу категорически это исправить».*

Но следователи ничего исправлять не пожелали, и у Иосида оставалась надежда на суд. Однако она оказалась напрасной: Военной Коллегией Иосида Иосимасу был приговорен к расстрелу. Реабилитирован только спустя 20 лет. Более благосклонно отнеслась судьба к Окада Иосика. Она отсидела в лагерях 4 года, во время войны ее отправили на поселение (без права выезда) в Чкалов (теперь Оренбург), где она работала санитаркой в больнице. Только в конце 40-х годов она попадет в Москву, в возрасте 50 лет поступит в ГИТИС на режиссерский факультет и по окончании института будет долгое время работать в театре имени В. В. Маяковского.

Когда Берия подписывал синим карандашом (а синий цвет означал, что судьба Мейерхольда предрешена) постановление об аресте, Мейерхольд находился в своей ленинградской трехкомнатной квартире на набережной реки Карповки, дом 13. Получив санкцию Берии, начальник следственной части НКВД Кобулов немедленно позвонил в Ленинград в местное НКВД и отдал распоряжение на арест Мейерхольда и обыск в его квартире. Утром 20 июня Мейерхольд находился дома вместе с сестрой своей жены Райх А. Н. и ее мужем Пшениным В. Ф. Ровно в 9 часов в квартиру зашли работники 3-го следственного отдела Управления НКВД по Ленинградской области Погосов и Тюленев вместе с комендантом дома Родиным. Предъявили Мейерхольду ордер на обыск и арест. Перерошив в течение двух часов весь дом, отвезли Мейерхольда во внутреннюю тюрьму Управления госбезопасности УНКВД.

Тем временем в Москве в квартире Мейерхольда, расположенной в доме № 12 по Брюсовскому переулку (ныне улица Неждановой), обыск проводили сотрудники одного из спецотделов НКВД Горохов, Лачин, Власов, Коптев. С собой взяли дворника Андрея Сарыкова в качестве представителя домоуправления и понятого. В квартире была Райх с сыном — Константином Есениным. Увидев прибывших, Зинаида Николаевна пришла в крайнее волнение:

— Вы не имеете права проводить обыск без мужа. Вы неправильно поступаете. Кроме дворника, вы должны пригласить еще другое постороннее лицо.

Когда стали обыскивать ее личные вещи, она вновь возмутилась:

— Ордер выписан на мужа, а вы обыскиваете мои вещи, мои документы. Вы неправильно изъяли мою сберкнижку. Каждой изъятой папке с бумагами надо сделать опись.

Как видно из приобщенного к делу рапорта, который и зафиксировал протесты З. Н. Райх, наибольшее усердие при производстве обыска в квартире проявил Власов, что Зинаида Николаевна в протоколе обыска в графе «заявленные жалобы» и отразила.

Впоследствии Власов получит нагоняй от начальства, но не за проявленные грубость и дерзость, а за «недопустимость того, что в протокол заносит-

ся жалоба непосредственно обыскиваемым».

Среди прочих вещей и бумаг изъяли и письмо Зинаиды Райх на имя Сталина на 11 листах, впоследствии, по-видимому, уничтоженное.

Одновременно были проведены обыски и на даче семьи Есениных в деревне Горенки под Москвой, а также на рабочем месте Мейерхольда в Государственном оперном театре имени Станиславского. Во время обыска были обнаружены и изъяты письма на имя Сталина (на 6 листах), Ежова, заявление на имя Прокурора СССР Вышинского. (К сожалению, содержание изъятых писем неизвестно, в деле они отсутствуют.)

22 июня в 2 часа ночи поездом № 59 Мейерхольд в сопровождении особого конвоя был отправлен из Ленинграда в Москву, а уже днем его поместили в камеру на Лубянке.

Через несколько дней следователь Кобулов заставил Мейерхольда собственноручно написать: *«Признаю себя виновным в том, что, во-первых: в годах 1923—1925 состоял в антисоветской (троцкистской) организации, куда завербован был неким Рафаилом... Сверхводительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре (одна из постановок даже была посвящена Красной Армии и «первому красноармейцу Троцкому» — «Земля дыбом», пьеса С. Третьякова, переделка пьес «Ночь» Мартинэ — французского троцкиста); во-вторых ... состоял в антисоветской (правотроцкистской) организации, куда завербован был Милютиной. В этой организации состояли Милютин, Радек, Бухарин, Рыковы. Преступная связь с этими членами организации подталкивала меня на продолжение вредительской работы в области постановок моих в театре ... в-третьих, был привлечен в шпионскую работу неким Фред Грей (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года и продолжал знакомство в период империалистической войны вплоть до 1917 года... Вновь я восстановил преступную связь в 1928 г. При встречах моих с Ф. Грей я информировал его о работе в советских театрах...»*

В действительности история с Фредом Греем была, как позже признается на одном из допросов сам Мейерхольд, такова: Фред Грей проживал в России до Февральской революции 1917 года, был женат на русской женщине, которая была ученицей Мейерхольда в театральной студии. После Февральской революции Грей с семьей уехал в Англию. Далее Мейерхольд заявил: *«В конце 20-х годов, когда я ездил во Францию, я встретился с женой Грея в Париже, она там проживала, а муж оставался в Англии. Все разговоры шли только о театре. Сам Грей тоже был большим любителем, но он работал по линии финансов или среднего бизнеса. По этим делам он приезжал последний раз в 1933 или 34-м году. Я, правда, не вдавался в далекую для меня его сферу деятельности. Между нами разговоры шли только о театре...»*

В камере на Лубянке Мейерхольду дают возможность делать записи и настаивают на том, чтобы он оклеветал как можно больше известных ему лиц, но, к великому сожалению «детективов», этого не происходит. В записях он рассказывает о своих театральных постановках, об их посещении в разные годы Сталиным, Молотовым, Троцким, Каменевым, Радеком, Кагановичем, Фрунзе, Буденным и другими. И помимо прочих подробностей, например, рассказывает: *«Бухарин, бывший в другой раз на спектакле «Мандат», дал хорошую оценку спектаклю, однако не соглашался с финалом пьесы, предлагая его изменить. Так как я был уверен в правильности разрешения конца, я не нашел нужным его менять...»*

Но терпение Кобулова иссякает, собрав все эти записи и начертав фиолетовым карандашом (у начальников была страсть к цветным карандашам) «Воронину, Серикову, срочно переговорите», он передает следствие Воронину.

Насколько можно понять, Воронин получил подробнейшие инструкции, как надо обращаться с подследственным, и, судя по всему, проявил собственную инициативу в изощренности применяемых пыток так, что 13 января 1940 года Мейерхольд напишет из Бутырской тюрьмы ту самую, потрясшую миллионы сегодняшних читателей жалобу на имя Молотова, в то время Председателя СНК: *«Меня здесь били — больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху с большой силой, по местам от колен до верхних частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били жгутом...»*

8 июля с утра Воронин вызвал Мейерхольда на допрос, продолжавшийся 18 часов. Обширнейший протокол допроса, застенографированный в форме вопросов и ответов, донес до нас юридическую «культуру» допрашивающего. Вот характерные вопросы старшего следователя следственной части НКВД подследственному Мейерхольду: *«В течение ряда лет вы являлись двурушником и проводили антисоветскую работу. Так ли это?.. Почему эта вражеская книга (имеется в виду работа Троцкого «О культурном фронте».— В. Р.) оказала на вас такое влияние?.. Ваша особая приверженность предателю Троцкому общеизвестна, не об этом вам говорить надо, а о своих вражеских делах... Рассказывайте об антисоветских ваших отношениях с перечисленными лицами. Вы далеко не все еще рассказали о своей предательской работе. Почему вы скрываете свои шпионские связи?..»*

Показания Мейерхольда все больше и больше не удовлетворяют следователя. И он идет на прямой подлог. Пользуясь физической слабостью допрашиваемого, возможностью подавления его психики почти ежедневными пытками, Воронин диктует стенографистке уже от себя тот текст, какой «нужен»: **«...Илья Эренбург прямо поставил вопрос о моем участии в троцкистской организации, на что я дал свое согласие. После этого Илья Эренбург останавливался на задачах нашей троцкистской организации... Со слов Эренбурга мне было ясно, что нам не следует отчаиваться в связи с арестами ряда участников троцкистской организации, а настойчиво и последовательно продолжать свою работу против партии... Не отрицаю, что по указаниям И. Эренбурга мною лично в том же 1937 году были вовлечены в троцкистскую организацию Борис Пастернак и Юрий Олеша... Олеша был очень близок с разоблаченными впоследствии врагами народа — писателем Стеничем и режиссером Диким (оба арестованы). Все эти данные и послужили веским основанием для вовлечения мною Пастернака и Олеши в троцкистскую организацию, перед которыми были поставлены определенные задачи по проведению вражеской работы... Вопрос (Воронина): Не крутите, а говорите прямо, какие задачи были поставлены вами перед Пастернаком и Олешей? Ответ: Пастернаку я дал задание подбирать антисоветски настроенных писателей в целях последующего вовлечения их в нашу троцкистскую организацию. При этом я назвал Пастернаку писателей Всеволода Иванова и Константина Федина как вполне подходящих по своим антисоветским настроениям людей для практического участия в борьбе нашей организации против руководства партии и Советского правительства...»**

По поводу такой методики следствия Мейерхольд напишет 13 декабря 1939 года из Бутырской тюрьмы на имя Прокурора СССР: *«...Показания мои ложны. Я оговаривал себя (клеветал на себя)... От этих вынужденно (я находился под давлением) ложных показаний я отказываюсь... Я лгал, следователь записывал, вымыслы эти еще и заострял, иные ответы за меня диктовал стенографистке сам следователь, а я все подписывал...»*

...После получения нужных признаний Воронин вернул подследственного в камеру. Мейерхольд не знал и никогда уже не узнает, что в это же самое время в его квартире, в Брюсовском переулке, в 10 минутах ходьбы от Лубянки, разыгрывается другая трагедия, продолжение его мучений...

Накануне в квартиру Зинаиды Николаевны Райх позвонили и зашли двое, представившиеся сотрудниками НКВД. Под предлогом проверки, не нарушена ли печать на кабинете режиссера, они осмотрели квартиру, как будто вынюхивая, кто еще находится здесь, кроме хозяйки. Сын Константин уехал в Рязанскую область, а дочь Татьяна находилась на даче под Москвой. В квартире оставалась домработница Лидия Анисимовна Чарнецкая, бежавшая когда-то из приволжской деревни в Москву от голода. Эти двое вскрыли комнату Мейерхольда, подошли к балконной двери, которую не закрыли во время обыска сами сотрудники НКВД, осмотрели все внимательно, кабинет вновь опечатали и, не закрыв его на ключ внутреннего замка, удалились.

...Зинаида Николаевна села в своей комнате за столик. Денег на продукты не было, и она решила заложить облигации. Достала их из шкатулки, стала пересчитывать, что отнести, что оставить.

Тем временем две мужские фигуры обошли дом, прошли во двор, затем залезли на крышу сараюшки, а оттуда перемахнули через перила балкона. Зашли в кабинет, рывком распахнули кабинетную дверь, через коридор пробежали мимо занавески, за которой спала домработница, ворвались в комнату Зинаиды Николаевны. Та еще сидела за столиком. Двое подскочили к ней, один схватил ее за руки, другой стал наносить удары ножом в грудь. От крика проснулась домработница, вскочила, но ее чем-то острым ударили по голове. Лидия Анисимовна упала без сознания. Один из нападавших рванулся через балкон, другой, открыв входную дверь, сбежал по лестнице, захлопнув за собой дверь. Возникший шум заставил выглянуть из своей каморки дворника Андрея Сарыкова. Он успел заметить, что двое нырнули в ожидавшую их длинную черную машину, которая скрылась через арку на улицу Горького. В дверь Мейерхольда Сарыков достучаться не смог, и, приставив лестницу к окну кухни, проник внутрь квартиры. Увидев истекавших кровью женщин, он вызвал «скорую». Врач «скорой» в машине попытался помочь Зинаиде Николаевне, но та сказала: «Не трогайте меня, доктор, я умираю». По пути в больницу Зинаида Николаевна скончалась. Ей было нанесено 8 ножевых ран.

Похороны актрисы состоялись 18 июля и были более чем скромными. «Сверху» пришло указание не привлекать к ним внимания, а артист Москвин скажет отцу погибшей: «Общественность отказывается хоронить вашу дочь». Похоронили Райх на Ваганьковском кладбище. Сразу же после похорон агенты НКВД бесцеремонно стали выносить из квартиры мебель, книги, кухонную утварь. Татьяне и Константину Есениным объявили, что они выселены, пусть устраиваются сами, а квартира переходит в распоряжение НКВД, несмотря на то, что дом являлся кооперативным (то был первый дом ЖСК в Москве, построенный еще в 1928 году.— В. Р.), и стоимость квартиры была полностью оплачена Мейерхольдом. Никакие ходатайства, письма, хождения по инстанциям результатов не дали.

У домработницы Чарнецкой рана оказалась нетяжелой, и после нескольких дней госпитализации она выписалась. К этому времени квартира Мейерхольда была уже пуста и опечатана. Чарнецкая приехала на дачу Есениных в Горенки, где поселилась на маленькой кухне. Через некоторое время туда явились сотрудники НКВД и арестовали еле оправившуюся от потрясения женщину. Следствие было недолгим: у нее в основном допытывались, сможет ли она узнать тех, кто убил хозяйку. Но перепуганная насмерть женщина никого не запомнила. Бывшую домработницу отправили в лагерь отбывать «наказание», неизвестно за что ею полученное.

Через месяц после убийства Райх в квартиру пришли строители, штукатуры, маляры. Пятикомнатную квартиру разделили на две отдельные, каждая с обособленным входом. В октябре 1939 года в трехкомнатную въехала одна молодая и красивая женщина; в другую — двухкомнатную — шофер Берии со своей семьей. Но шофер через два месяца обменял этот «подарок» на другую квартиру.

...24 января 1940 года следователь принес дело вместе с заранее подготовленным обвинительным заключением в ГВП. Здесь его принял и. д. (исполнявший должность) Главного военного прокурора Афанасьев.

Из обвинительного заключения: «...В 1934—1935 гг. Мейерхольд был привлечен к шпионской работе. Являясь агентом английской и японской разведок, вел активную шпионскую работу, направленную против СССР... Обвиняется в том, что: является кадровым (!) троцкистом, активным участником троцкистской организации, действовавшей среди работников искусства, агентом английской и японской разведок и вел шпионскую и подрывную работу, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а и 58-11 УК РСФСР».

Афанасьев, как и полгода назад Берия, взял синий карандаш и начертал: **«Обвинительное заключение утверждаю. Дело передать в Военную Коллегию для слушания в порядке Закона от I/XII-34 г.»**

Копию обвинительного заключения для ознакомления Мейерхольд получил в Бутырской тюрьме к своему дню рождения — 28 января, а 31 января председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР В. Ульрих в порядке подготовительного заседания рассмотрел дело, и тут из-под его пера родилось кощунственное с точки зрения уголовно-процессуального права определение: **«Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия представителя прокурорского надзора и защиты и без вызова свидетелей».** В этот же день Мейерхольда из Бутырской тюрьмы перевезли в подвал Военной Коллегии.

Судебное заседание состоялось 1 февраля. Снова: **«...Являясь троцкистом, ... был связан с активными троцкистами, ... возглавлял антисоветскую троцкистскую группу, ... установил организационную связь с агентами английской и японской разведок...» и т. д. «Приговорил: Мейерхольда Всеволода Эмильевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».**

На другой день, 2 февраля, в подвале раздался выстрел. Всеволода Эмильевича Мейерхольда не стало. В тот же день расстреляли Боярского-Шимшелевича и Михаила Кольцова. Трупы расстрелянных увезли тайком, ночью. Палачи не любили афишировать свои дела. До сих пор не известно, где скрывали они тела жертв. Зато один из главных палачей, Ульрих, которому уже после войны присвоят звание генерал-полковника юстиции, умрет естественной смертью, и его с пышными почестями похоронят на Новодевичьем кладбище.

26 ноября 1955 года Всеволод Мейерхольд будет посмертно реабилитирован, его обвинение признают сфальсифицированным, и уголовное дело № 537 будет прекращено за отсутствием состава преступления.

ИЗВЕСТНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОНДАРЕВ НА ВСТРЕЧАХ СО СТУДЕНТАМИ ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА ОБЪЕДИНЕНИЯ «15-й ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДШИПНИКОВЫЙ ЗАВОД», СО СЛУШАТЕЛЯМИ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ПРИ ОБКОМЕ КПСС ОТВЕТИЛ НА МНОГОЧИСЛЕННЫЕ УСТНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАПИСКИ. ПЕРЕПЕЧАТЫВАЕМ НЕКОТОРЫЕ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТАХ «ВЕЧЕРНИЙ ВОЛГОГРАД» (№ 40, 16 ФЕВРАЛЯ) И «ВОЛЖСКАЯ ПРАВДА» (№ 38, 22 ФЕВРАЛЯ), ПРИСЛАННЫЕ НАМ ЧИТАТЕЛЯМИ.

ЮРИЙ БОНДАРЕВ: «МЫ ЖИВЕМ В ПЛЮРАЛИЗМЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ»

— Не кажется ли вам, что перестройка застала вас врасплох? Это вопрос о вашем самолете. Когда читаешь ваше выступление на XIX Всесоюзной партийной конференции, складывается впечатление, что вы в одной упряжке с Ниной Андреевой.

— Каждый имеет право на свое мнение. Сравнительный или объединительный метод — Бондарев с Андреевой, Андреева с Бондаревым — неправомочен. Что касается Нины Андреевой. Почему я должен мнение Нины Андреевой ставить к стенке, расстреливать из пулемета? Мы живем в плюрализме, черт возьми. Вот есть такое мнение... Что касается меня, то нужно внимательно читать мои речи и мое выступление. Весь мир обошла фраза насчет самолета. Но с таким желанием, чтобы вызвать сомнение в перестройке. Но там было сказано в отношении самолета, который вроде бы мы подняли в воздух, не зная, где посадочная площадка. И дальше надо читать! Только наше общее согласие может построить эту посадочную площадку. Только согласие. Это есть в моей речи. Это все отбрасывается, как в «Огоньке». И смотрите: я антиперестройщик, враг перестройки. Нужно просто внимательно читать и слушать.

— Вы отрицаете критические выступления, называете все их экстремистскими. Не упрощаете ли вы? Неужели только единомыслие обеспечивает движение вперед?

— Экстремисты... Весь мир разрушим до основания, а затем... До основания ничего разрушать не надо. Каким бы мир ни был.

— Депутату по национально-территориальному округу предстоит решать наряду с общесоюзными вопросами и региональные проблемы. Не кажется ли вам, что, живя в Москве, вы находитесь в положении председателя колхоза, живущего в городе?

— Разумный вопрос. Не оправдываюсь, но скажу, что Георгий Константинович Жуков, с которым мне приходилось встречаться при работе над фильмом «Освобождение», не сидел на передовой. У него был свой командный пункт в шестидесяти и далее километрах от фронта.

— Не являются ли одной из причин медленного хода перестройки публикуемые материалы о «белых пятнах» истории?

— В этой записке, по-моему, сущая правда. Почему? Потому, что это разрушает нечто важное в наших душах. В наших публикациях я вижу полуправду или так называемую правдивую ложь...

— Юрий Васильевич, у меня два вопроса. Первый вопрос: как вы сейчас расцениваете свое давнишнее выступление по телевидению о возвращении городу Волгограду имени Сталина? И второе. Мне не ясны ваша предвыборная платформа и ажиотаж, поднятый вокруг журналов «Огонек», «Знамя» и других изданий, которые читаемы и любимы большинством народа.

— Отвечаю, товарищи, на первый вопрос. Я думаю и глубоко убежден в том, что наши города, исторические города, которые связаны с биографией наших предков, нашей историей, нашими страданиями, героизмом и вообще историей наших народов, должны иметь те названия, которые они всегда имели, которые носили они еще издревле [1]. Что касается города Волгограда, то я стою на той же позиции и не меняю своего мнения, несмотря ни на что и как бы меня ни упрекали. Этот город должен носить имя Сталинград...

Что касается Сталина, я знаю все то черное, что было сделано этим человеком, но я знаю и то, что в строительство социализма и годы войны он вложил свою определенную лепту.

Теперь второй вопрос. Я не знаю, где вы читали в моих статьях нападки на «Знамя» и на «Огонек». В отношении «Огонька» я говорил в своем выступлении на партконференции. И то, что говорил в отношении «Огонька», готов повторить сотни раз. Я не имею права с вами говорить неискренне. Мне позиция «Огонька» откровенно не нравится. Моя позиция нравственная, если хотите, не совпадает с позицией этого журнала, потому что те вещи, которые были напечатаны в этом журнале, претендующие на сенсационность и так далее, они должны были и должны всегда, эти вещи, подтверждаться документами. Я верю, когда пишется о каком-то известном человеке, факты должны осмысливаться и поддерживаться документами.

У нас есть ряд мемуаров, которые поддержаны документами. Я вспомнил сейчас мемуары Жукова, то, что приходит на память первое. Эти мемуары сделаны на документах, где отсутствует элемент домысла. Мне посчастливилось прочитать эти мемуары в первом варианте. В первом варианте, когда они не были чуть-чуть подправлены в смысле остроты. Сейчас они вышли опять в этом же варианте.

Какие у меня претензии к журналу «Огонек»? Правда, сейчас не место говорить об этом, поскольку по поводу другому встречаемся, но я могу сказать. Видите ли, в чем дело. «Огонек» с некоторых пор занял позицию относительно некоторых писателей негативную, то есть происходит идейная борьба, и этот исход — разделение на группы. Когда в литературе происходит разделение на группы в смысле: кто не с нами — тот враг, или кто наш противник — мы найдем случай расправиться с ним (это мировая формула, вообще групповая, не только у нас существует, а во всем мире), то невольно я встал на позицию защиты некоторых писателей. Это были нападки несправедливые, тенденциозные, а в литературе — деле святом — тенденциозность должна быть только нравственной, а не клеветнической. Вот такой пример — открытое письмо мне со стороны Колосова, опубликованное в «Огоньке».

Почему письмо это было опубликовано именно в «Огоньке»? Не в «Правде», не в «Советской культуре», не в «Литературной газете» и в «Знамени», ни в каком другом журнале, именно в «Огоньке» [2]. Я покритиковал «Огонек» на партийной конференции, чем вызвал раздражение этого журнала, и после этого «Огонек» встал в какую-то контрпозицию к моим заявлениям на партконференции и к моим статьям. Эти вот вещи у нас в литературе называются сведением счетов, о чем не хочется говорить.

Колосов должен был уйти с поста (редактор газеты «Литературная Россия»). Если российская газета, где 4 тысячи писателей, имела подписку и до сих пор имеет подписку 60 тысяч — ну, что это за газета, когда тиражи сейчас 17 миллионов, 14 миллионов, то есть газета отстала от современности, отстала от жизни, и писатели в секретариате у нас в Союзе писателей пришли к такой точке зрения, что не справляется он с должностью.

— Потому и сняли его с должности?

— Он ушел на пенсию, не сняли его. Он ушел на пенсию до письма еще [3]. Этот вопрос такой, что даже неприятно на него отвечать. Ну, потом был ответ в газете «Правда» нескольких писателей, если вы видели, по поводу письма.

— А почему же не опубликовали в «Правде» письмо писателей,— десять или одиннадцать человек выступили в защиту «Огонька»? Почему «Правда» не напечатала?

— Я не могу отвечать, почему Афанасьев, главный редактор «Правды», не опубликовал. Но это письмо потом было опубликовано в «Огоньке». Оно было пересказано в «Правде», все-таки было пересказано, а потом было опубликовано в «Огоньке».

Афанасьев отвечает за свою газету. Я не могу посоветовать, нет таких прерогатив советовать главному редактору «Правды», что печатать и не печатать.

Поймите, что взаимоотношения, которые у нас сложились в писательской среде, они не так просты, и однозначно на них не ответишь. Потому что даже мы в писательской среде не можем иногда докопаться до истины.

— Юрий Васильевич, вы являетесь секретарем правления Союза писателей РСФСР. Вот появились такие статьи в «Литературной газете», в «Аргументах и фактах», что Союз писателей изжил себя, что это чисто административное такое образование, которое выгоняло Пастернака из своих рядов раньше, которое служит для того, чтобы писателей держать в узде. Вопрос в чем: ваше личное отношение к этому, к таким заявлениям и к тому, каким должен быть Союз писателей, поскольку вы являетесь секретарем! Это первое.

И второе. Союз писателей был единственной организацией, которая не приняла в Москве никакого участия в неделе «Мемориал» в Доме культуры электролампового завода. Как вы к этому относитесь?

— 100 тысяч денег было внесено в «Мемориал». Союз писателей — один из учредителей «Мемориала» [4]. Вот вам и ответ.

— Значит, тут неправильная информация была.

— Точнее, точнее надо быть. На этой встрече я, например, не был. Меня в это время вообще в Москве не было. Кто был — я не знаю. А в чем, собственно, здесь дело? Кто-то мог быть, а кто-то не мог. Так же, как на это собрание вы могли прийти, могли и не прийти. Мы живем в демократической стране. Почему обязательно по команде приходить на какое-то мероприятие? Не надо. Каждый волен распоряжаться собой так, как он хочет. В общих только, так сказать, нравственных рамках.

Второе. Вы говорите относительно Союза писателей. Что это чуть ли не жандармское управление. Все это не так. Решается все демократическим путем. Как так можно писать? Кому я разрешу собой командовать? И кто разрешит, чтобы я им командовал? Ну как это так? Ты писатель, и я писатель. Ты, как говорили раньше, исследуешь человеческую душу, и я тоже. Здесь трудно измерить, неэтично даже, когда у нас измеряют по количеству написанных книг, по количеству таланта, потому что никто не знает, какую книгу носит в себе писатель.

Кому-то хочется (а если большинство это потребует, то пусть это будет так), кому-то хочется, чтобы Союза писателей не было. Сначала его размыть, а потом, чтобы этого Союза не было. Его может не быть. Но ведь у нас нет профсоюза, понимаете. Союз писателей его как бы заменяет [5]. Ну, чем мы занимаемся, секретари? Выбиваем квартиры. Вы думаете, так это просто? Думаете, если писатели, то предоставляется там восьмикомнатная или трехкомнатная... Так не бывает. Выбиваем. Путевки. Материальная помощь, если нужно, потому что писатели не относятся к миллионерам, как пишет «Огонек». Средняя заработная плата писателя, не удивляйтесь,— 162 рубля [6]. За исключением, конечно, популярнейших писателей, которые печатаются много, которые популярны в народе, и так далее. Но таких немного.

Я цифру вам не взял с потолка, эта цифра опубликована. Есть у нас Литфонд. Тоже денежная помощь. Санаторий. И писатели болеют. Средний возраст их что-то к шестидесяти годам. Молодежи пока у нас мало.

Так что, если большинство писателей пожелает распуститься, мы распустимся. И никто силой нас не удержит...

---

[1] С XVI века до 1925 года город назывался Царицын (по реке Царица).

[2] Из письма в «Правду» (его авторы — В. Быков, Б. Васильев, А. Вознесенский, Д. Гранин, И. Друцэ, В. Дудинцев, Е. Евтушенко, Ф. Искандер, Б. Окуджава, А. Приставкин): «Несостоятельными нам представляются и предъявленные «Огоньку» обвинения в публикации «Открытого письма Юрию Бондареву». Оно не «сработано», как пишут авторы «письма семи», журналом, а передано туда писателем-фронтовиком М. Колосовым, главным редактором «Литературной России» (теперь уже бывшим), и содержит не оскорбления «известного художника», а претензии к Ю. Бондареву как заместителю председателя СП РСФСР, упреки в административно-командных методах управления газетой».

[3] Письмо М. М. Колосова было опубликовано накануне Нового, 1989 года, а «уйти на пенсию» его вынудили в Секретариате Союза писателей РСФСР 9 января.

[4] Учредителями «Мемориала» являются Союз архитекторов СССР, Союз дизайнеров СССР, Союз кинематографистов СССР, Союз театральных деятелей СССР, «Огонек», Союз художников СССР, «Литературная газета». Союз писателей учредителем «Мемориала» не является.

[5] Основные функции профсоюза исполняет Литфонд.

[6] Именно эта цифра и была обнародована «Огоньком» (№ 43, 1988). Что же касается писательских сверхдоходов, то «Огонек» писал лишь о нескольких литераторах-чиновниках, использующих свою власть для собственных чрезмерных тиражей и переизданий.

МАРТИ[...]

АНДРЕЯ ТА[...]

Нея ЗОРКАЯ

4 апреля 1989 года Андрею Арсеньевичу Тарковскому исполнилось бы 57 лет. Слава Тарковского ширится в мире, интерес к его творчеству нарастает. Последние годы жизни, завершившие трагическую, трудную и все же счастливую судьбу кинорежиссера, не сломившегося под ударами чиновников от кино и оставшегося самим собой, протекли за границей. При всей горечи по невозвратному радостно видеть, что наследие Андрея Тарковского, наконец, начинают изучать и на родине. Успешно завершилась борьба с различными московскими городскими инстанциями за спасение от сноса деревянного дома по Щипковскому переулку в Замоскворечье, где в тесной квартирке прошли детские и юношеские годы режиссера. Здесь будет располагаться музей Андрея Тарковского, Василия Шукшина и Михаила Ромма. Сочетание имен не случайно: Тарковский и Шукшин — однокурсники, близкие друзья по ВГИКу — были избраны из множества абитуриентов замечательным педагогом М. И. Роммом, именно в его режиссерской мастерской они получили профессиональное образование. В эти дни в Москве состоятся Первые международные чтения Тарковского. В них примут участие видные кинематографисты, авторы монографий и статей, посвященных его творчеству, исследователи из многих стран мира (иноязычная библиография сегодня насчитывает сотни названий). Устроители чтений — Союз кинематографистов СССР, Совет по истории мировой культуры Академии наук СССР и Всесоюзное научное общество Андрея Тарковского, созданное по инициативе киноклубов в апреле 1988 года. Общество учредило ежегодную премию имени Андрея Тарковского, которая будет присуждаться режиссерам за авторский вклад в киноискусство. Пользуясь случаем, сообщаем счет: Кинофонд СССР 1700129 во Фрунзенском отделении Жилсоцбанка г. Москвы, МФО № 201412, счет Общества Тарковского.

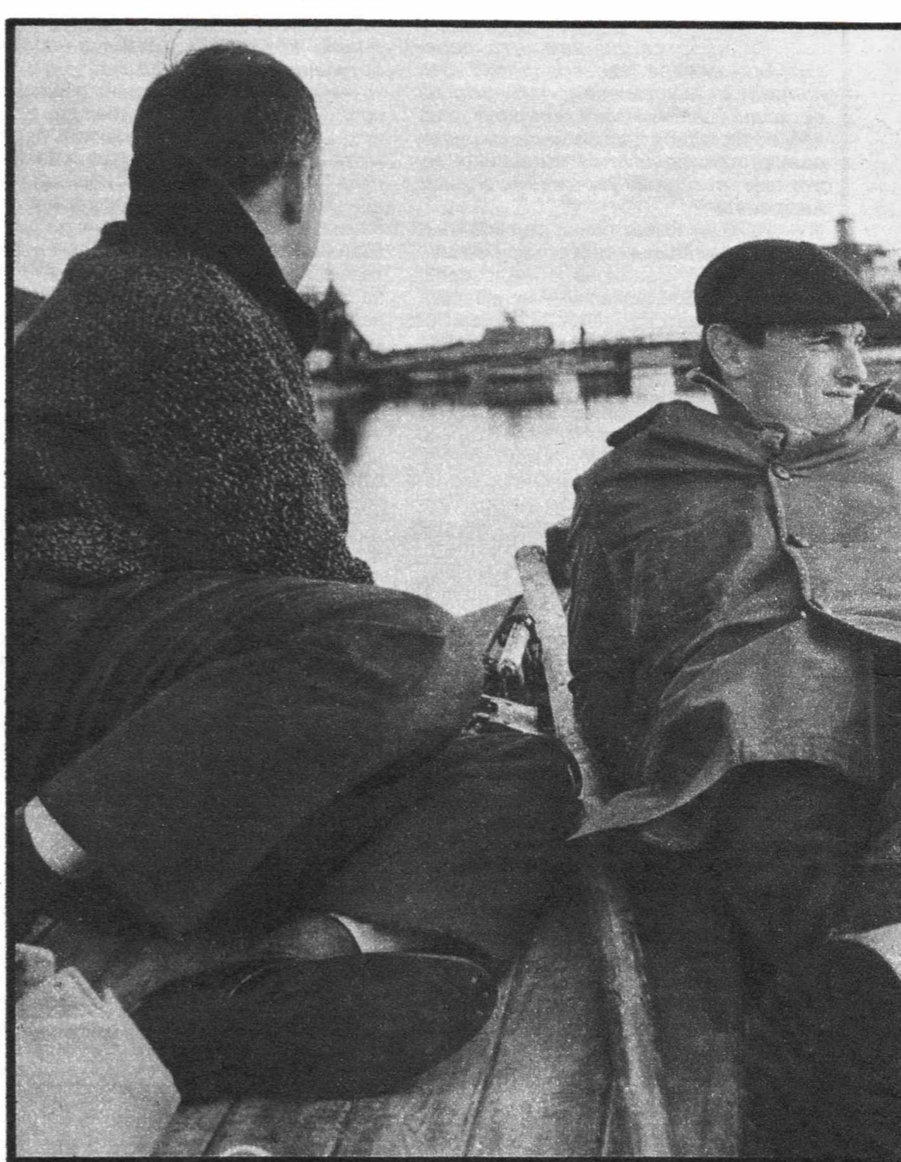

Фото А. ВИХАНСКОГО

«Гамлет... Весь день в постели, не поднимаясь. Боли в животе и спине. И еще нервы. Не могу пошевелить ногой. Шварценберг не понимает, откуда эти боли. Я думаю, что мой старый ревматизм разыгрался от химиотерапии. Руки невыносимо болят. Это тоже что-то вроде невралгии. Какие-то узлы. Я очень плох. Я умру?.. Гамлет?.. Но сейчас у меня совсем нет никаких сил ни для чего — вот в чем вопрос».

Это последняя дневниковая запись Андрея Тарковского — 15 декабря 1986 года.

«Гамлет» был одним из любимых его произведений, он мечтал его экранизировать. Фразой Гамлета обрывается дневник, страшно названный Тарковским «Мартирологом».* Это хроника пережитых страданий, нереализованных замыслов, растерзанного вдохновения.

Через две недели в декабрьскую ночь, в парижской онкологической клинике доктора Шварценберга, он скончался. Андрея Арсеньевича отпевали в соборе Александра Невского на улице Дарю. Похоронили его на русском кладбище Сен Женевьев дю Буа вблизи от французской столицы.

Еще одна могила на чужбине, еще одна трагическая утрата русского художника! Отчего так получилось? Андрей Тарковский не был ни эмигрантом, ни диссидентом, ни политиком. Он был лишь творцом, которому не давали творить. Многолетние непрестанные преследования, пристальная опека чиновников от кино, запреты фильмов. Агрессивные наскоки: «Я такое кино не понимаю!», «Такое кино чуждо народу!»

Он не отступил от своих принципов ни на йоту, одержав победу и над духовным надзирательством, и над алчным коммерциализмом, и над одиночеством изгнанника, и над муками смертельной болезни.

Начиналось все очень счастливо. Шло «хрущевское время», полное надежд. Кино обновлялось, на студии приходила талантливая молодежь.

На «Мосфильме», в Первом объединении, «заваливалась» очередная картина — экранизация фронтового рассказа В. Богомолова. Выпускник ВГИКа, москвич Андрей Тарковский, сын поэта Арсения Тарковского, заявил, что берется «вытащить» картину в оставшийся мизерный срок.

Все складывалось, как в счастливом сне. Фильм «Иваново детство» был снят рекордно быстро. Специальным приказом министра культуры студию и режиссера-постановщика поздравляли с большой победой. В августе того же 1962 года послали «Иваново детство» на Международный фестиваль в Венеции.

Тарковский предложил свое собственное видение войны. Ранее экран показывал войну, как стратегию штабов, как гигантские баталии, как народное страдание. Тарковский открыл нам войну как безумие. Образ маленького партизана, созданный школьником Колей Бурляевым, покорил одних и испугал других.

Вот извлеченные из личного архива два характерных письма-отклика на мою статью о фильме «Иваново детство» («Искусство кино», 1962, № 7).

«Согласен, что картина потрясающая! Я понимаю так: Иван — сам Тарковский. То есть, может быть, он и не был ни у партизан, ни на оккупированной территории, что довелось мне, в мои 15 лет, но он тоже «сожжен» войной, как Иван. Наконец-то, мы видим настоящую войну — жестокость, грязь, смерть, убийства, разрушающие детскую душу.

Сергей Приклонский, Москва».

«Уважаемый критик!

Вы беззастенчиво хвалите кинофильм, который искаженно и неверно показывает роль детей в период Великой Отечественной войны. У нас есть на этот счет чудесная патриотическая повесть «Сын полка» Катаева, на страницах которой правдиво отражена забота командиров о наших маленьких героях, а также гуманизм Советских Вооруженных Сил... Не понимаю, зачем было выводить на экран в виде советского героя мальчика-фашиста?! Отвратительное впечатление создают грубость и злоба Ивана. Неужели некого, кроме сопливого грязного мальчишки, отправить в разведку?..

В. А. Харитонова, фронтовичка-связистка».

Примерно так же, «стенка на стенку», сошлись критики на профессиональных дискуссиях. И в советской прессе, и за рубежом тоже. Это понятно. Картина Тарковского казалась резкой даже и после цикла великих картин рубежа 1950—1960-х: «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Капо», «Хиросима — моя любовь». Эти и другие шедев-

* Tarkowskij Andrej: Martyrolog: Tagebücher 1970—1986, Berlin: Limes, 1989 (здесь и далее цитируем в обратном переводе с немецкого).

РОЛОГ

РКОВСКОГО

А. Тарковский: «Человек живет не для того, чтобы быть счастливым. Есть вещи гораздо более важные, чем счастье».

«Вначале было Слово — правда, папа?» (финальная сцена фильма «Жертвоприношение»).

ры мирового кино, казалось бы, до конца исчерпали тему губительного действия войны на человека. И тем более разительным был шок, вызванный «Ивановым детством» на Западе.

Из статьи Ж.-П. Сартра «По поводу «Иванова детства» (газета «Унита», Рим, 9 октября 1963 года):

«...Иван — безумец, «чудовище»; он маленький герой; в действительности он самая невинная и самая трогательная жертва войны: этот мальчик, которого не могут заставить любить, скован жестокостью, она проникла внутрь его. Нацисты убили его тогда, когда они убили его мать и расстреляли жителей его деревни. Между тем он остался жить...

Его действия и галлюцинации находятся в тесном соприкосновении. Посмотрите, как складываются его отношения со взрослыми: он живет в военном подразделении, и офицеры — хорошие, отважные, но «нормальные» парни, которым не пришлось выстрадать трагическое детство, — заботятся о нем, пригревают его, любят, хотят любой ценой его «нормализовать», вернуть назад, в школу. На первый взгляд, ребенок мог бы, как в рассказе Шолохова, найти себе среди них отца взамен того, которого он потерял. Слишком поздно: он уже не нуждается в родителях. Нечто более глубокое, чем их утрата,— нестираемый ужас увиденного насилия обрекает его на одиночество... Безумие? Реальность? И то, и другое: на войне все солдаты безумны; этот ребенок-чудовище является объективным свидетельством безумия, потому что он самый безумный из них...

Вопрос ведь не в том, чтобы дозировать пороки и добродетели героев, а поставить на обсуждение само понятие героизма. Не для того, чтобы от него отказаться, но чтобы его понять. «Иваново детство» высвечивает в этом героизме одновременно его необходимость и двойственность. У мальчика нет ни маленьких добродетелей, ни маленьких слабостей: он полностью то, что история сделала из него. Брошенный против воли в войну, он целиком, весь, сделан для войны... История так поступает с людьми: она их избирает, приводит их в движение и заставляет их погибнуть под ее же тяжестью. В гуще людей мирных, которые согласны умереть ради мира и ради него ведут войну, этот воинствующий и безумный ребенок ведет войну ради войны. Только для этого он и живет — среди солдат, которые его любят,— в невыносимом одиночестве...

В каком-то смысле, я думаю, молодой режиссер хотел говорить о себе и о своем поколении. Не о тех, кто погиб, а напротив, о тех, чье детство было разбито войной,— вот одна из советских трагедий.

И именно в этом смысле фильм представляется нам специфически русским...

И не «Золотой лев» должен стать настоящим признанием Тарковского, но интерес, пусть даже интерес полемический, вызванный его фильмом у тех, кто борется за освобождение человека и против войны» *.

«Золотой лев», о котором вспоминает Сартр,— это Гран-при, присужденный картине «Иваново детство» (кстати, это единственный «Золотой лев», завоеванный советским кино в Венеции). Сразу за тем последовали золото фестиваля в Акапулько, золото «фестиваля фестивалей» в Сан-Франциско, обширная пресса, мировое признание...

Но оттепель заканчивалась. Менялся «цвет времени».

Уже второй его фильм, «Андрей Рублев», натыкается на яростное сопротивление чиновников.

Шедевр режиссера, всемирно признанный киноклассикой «Андрей Рублев», годами не пускали на советский экран и держали «на полке», а тем временем получали валюту от продажи фильма за границу. Весь мир уже в 60-е годы смотрел «Рублева», кроме его соотечественников.

Газета «Юманите» (май, 1969):

«Нет ничего более прекрасного в области кино, чем фильм Тарковского ***Андрей Рублев,*** *ибо он больше, чем шедевр. Это фильм фильмов, как Библия — книга книг».*

Газета «Монд» (21 ноября, 1969):

«В некоторых сценах чувствуется дух великих советских кинематографистов. Перед нашими глазами проходит целый мир. ***Андрей Рублев*** *делает честь советской кинематографии. Его поразительное богатство не может оставить зрителя равнодушным. Он приносит благодаря своему высокому качеству волнение и удовольствие. Если Тарковскому удалось снять такой фильм, значит, Эйзенштейн и Довженко нашли себе достойного преемника».*

Народный артист СССР Григорий Чухрай (сб. «Экран. Обозрение кинограда», 1972):

«...Россия «Андрея Рублева» — не лубочная, идиллическая матушка Русь, а вздыбленная, истерзанная набегами татар и междоусобными войнами князей земля. В стране царят голод, произвол и жестокость... Образ народа-борца, народа-созидателя, народа — страстотерпца и мыслителя — самое главное, самое ценное, что есть в этом замечательном фильме».

Дело «Андрея Рублева» (переписка, стенограммы, заключения и пр.) занимает в архивах Госкино и «Мосфильма» сотни страниц.

Из замечаний по «Рублеву» генерального директора «Мосфильма» В. Сурина и зам. главного редактора В. Беляева (1967):

«Возникает сомнение в том, нужен ли эпизод с Голгофой. Если оставить его в фильме, все же следует подсо-

* Статья Ж.-П. Сартра полностью будет опубликована в сб. «Мир и фильмы Андрея Тарковского», издательство «Искусство».

кратить текст святого писания, на фоне которого возникает сцена с Голгофой. Есть длинноты и в тексте святого писания...»

Это о ключевом моменте картины, о вдохновенной, просветленной сцене зимней «русской Голгофы», поистине режиссерском откровении. О единственном на мировом экране образе снежного Крестного пути и Распятия «мужицкого Христа» — воплотившейся традиции русской литературы и живописи. Но что чиновнику? Он ведь и в Евангелии, дай власть, сделает купюры и поправки!

7 февраля 1967 года Тарковский обратился к председателю Госкомитета по делам кинематографии А. В. Романову:

«Это письмо — результат серьезных раздумий по поводу моего положения как художника и глубокой горечи, вызванной необоснованными нападками как на меня, так и на наш фильм об АНДРЕЕ РУБЛЕВЕ.

Более того. Вся эта кампания со злобными и беспринципными выпадами воспринимается мной не более и не менее, как травля...

А то, что она существует, доказать не трудно.

Вот ее этапы: трехлетнее сидение без работы после фильма «Иваново детство», двухлетнее прохождение сценария «Андрей Рублев» по бесконечным инстанциям, и полугодовое ожидание оформления сдачи этого фильма, и отсутствие до сих пор акта об окончательном приеме фильма, и бесконечные к нему придирки, и отмена премьеры в Доме кино, что лишь усугубило нездоровую обстановку вокруг фильма...

Теперь о последнем ударе в цепи неприятностей и раздуваемых придирок к фильму — о списке поправок, которые дал мне ГРК.

Вы, конечно, знакомы с ним. И, надеюсь, что Вы понимаете, что грозит фильму при условии их выполнения. Они просто делают картину бессмысленной. Они губят картину — если угодно. Это мое глубокое убеждение...

Гуманизм нашего фильма выражается не лобово. Он — результат конфликта трагического со светлым, гармоничным. Без этого конфликта гуманизм не доказуем, а риторичен и художественно неубедителен, мертв...

Нет слов, чтобы выразить Вам то чувство затравленности и безысходности, причиной которого явился этот нелепый список поправок, призванный разрушить все, что мы сделали с таким трудом за два года.

Вы понимаете, конечно, что я не могу пойти на эти чудовищные безграмотные требования и убить картину...

Я имею смелость назвать себя художником. Более того — советским художником. Мною руководит зависимость моих замыслов от самой жизни, что касается и проблем и формы. Я стараюсь искать. Это всегда трудно и чревато конфликтами и неприятностями. Это не дает возможности тихонько жить в тепленькой и уютной квартирке. Это требует от меня мужества. И я постараюсь не обмануть Ваших надежд в этом смысле. Но без Вашей помощи мне будет трудно. Дело приняло слишком неприятный оборот в том смысле, что дружественная полемика по поводу картины давно уже приняла форму — простите за повторение — организованной травли»*.

Этот вопль души действия не возымел.

Вдохновенно снятый, сложный, двухсерийный фильм лежал «на полке».

Кто знает, может быть, именно в эти годы бесчеловечной и тупой травли впервые притаилась в груди Тарковского болезнь, которая сведет его в могилу так безвременно: ведь древний род Тарковских предназначен к долгожительству!

Андрей Арсеньевич томился, мучился безработицей. В ту тяжелую пору по совету своего друга критика Леонида Козлова Тарковский решил заняться теорией. Помню, как он пришел в наш тогдашний Институт истории искусств и спросил, нельзя ли ему поступить в аспирантуру. Режиссер с мировым именем — ученик-аспирант? В академическом сборнике «Вопросы киноискусства» (выпуск 10, 1967) была опубликована его глубокая статья «Запечатленное время». В дальнейшем те же идеи Тарковского будут положены в основу книги «Запечатленное время». Ныне она великолепно издана в ФРГ, Англии, Голландии и других странах (кроме СССР). Должна, однако, напомнить, что эта книга, первоначально названная «Сопоставления», написана была по заказу московского издательства «Искусство», представлена в редакцию и далее задергана, замучена внутренними рецензиями, поправками, придирками и, наконец, списана как «творческая неудача».

Из статьи «Запечатленное время» (1967):

«...Зачем люди ходят в кино? Что приводит их в темный зал, где они в течение полутора часов наблюдают игру теней на полотне? Поиск развлечения? Потребность в наркотике? Действительно, во многих странах существуют тресты и концерны развлечений, эксплуатирующие и кинематограф, и телевидение, и многие другие виды зрелищ. Но не из этого следует исходить, а из принципиальной сущности кино, связанной с человеческой потребностью в освоении и осознании мира. Я думаю, что нормальное стремление человека, идущего в кино, заключается в том, что он идет туда за временем — за потерянным ли, или упущенным, или за не обретенным доселе. Человек идет туда за жизненным опытом, потому что кинематограф, как ни одно из искусств, расширяет, обогащает и концентрирует фактический опыт человека...».

Потом он скажет с горечью:

«В нашем советском кинематографе меня больше всего удивляет одно: почему мы не хотим (или кто-то не хочет?), чтобы он стал передовым в мире, почему мы сами отказываемся от роли идейных вождей мирового киноискусства?»

Андрей Тарковский сидит дома, и вхолостую, иссушая душу, прокручиваются в мозгу кадры неснятых фильмов.

Именно тогда, в 1970 году, Тарковский начал писать дневник, свой «Мартиролог»:

17 ноября, 1970:

«У нас на «Мосфильме» новый директор, его фамилия Сизов. Из Моссовета. Одновременно он заместитель председателя Госкомитета по кинематографии. Если — хороший, то это для нас победа, если — плохой, то настоящее несчастье.

Настанет в России когда-нибудь порядок или ничего не будет происходить, пока все окончательно не развалится?

Еще никогда раньше люди так не отвергали право и закон. Все лгут, обманывают, предают. Это же не жизнь!»

6 января, 1971:

«Сегодня меня вызвал Романов (А. В. Романов — председатель Госкомитета по кинематографии.— **Н. З.**)*. Он был совсем растерян. Он получил телеграмму из Парижа от посла, где тот просит переговорить со мной. Мне следует отказаться от премии, которую мне присудили французские критики (совсем недавно). Председатель этой организации — мадам В.— по мнению посла и Романова — сионистка, ведет пропаганду против СССР (?!)...»*

24 апреля, 1971:

«Был у Романова. Были также: Герасимов, Бондарчук, Кулиджанов, Погожева, кто-то из ЦК (один из надзирателей при Ермаше) и Баскаков. Ах, да, и Сизов. Снова поправки к «Рублеву». У меня больше нет сил! Я не выдержал и слабо протестовал. Еще самое плохое то, что Сизов категорически настаивает на поправках, даже если Демичев согласится выпускать фильм без них...»

Фильмы «Солярис», поставленный по роману Станислава Лема, и «Сталкер» по сценарию Стругацких относятся к жанру фантастики. Есть в них, однако, секреты, тайны, которым только сейчас, по прошествии лет, экран начинает давать разгадку.

Когда я сегодня вспоминаю сосредоточенность Тарковского на таких вещах, как, скажем, радиация или угроза атомной катастрофы,— мне становится и стыдно, и чуть страшно. Стыдно, потому что многие из нас, и я в том числе, не одобряли его пристрастие ко всем этим «мыслящим субстанциям» и «осциллограммам», отговаривали от «машин времени» и «космодромов». Страшно, потому что оказалось, в тогдашнем дне он, пока мы были слепы, видел наше сегодня.

Однажды он, наблюдая в окно шумную, красивую и обильную майскую грозу, вдруг сказал: «Мне не хочется думать, что этот дождь радиоактивный, что от него будут вылезать волосы,— мне это не помогает...»

Ну, а уж что говорить о «Сталкере» и его зловещем и таинственном образе Зоны? Разве не вспомнилась она, эта мертвая Зона, в трагические дни Чернобыля? И дело не только в опасной территории и разрушениях, но в том, что Зона становится нравственной проверкой человека, той или иной людской общности, общества в целом. Не потому ли научила нас «постчернобыльская» эпоха?

У него был дар предчувствий как у истинных поэтов: им всегда свойственно ощущение трагизма мира, дар предвидения.

Эрланд Юсефсон, шведский актер, исполнитель главной роли в последнем фильме Тарковского:

«В сценарии «Жертвоприношения» была сцена атомной катастрофы и снимать ее должна была на мосту. Поехали снимать ее в Стокгольм, где много мостов. Но Андрей почему-то выбрал другое место съемки — лестницу. У него спросили: почему? Он ответил: «Здесь скоро должна произойти катастрофа». Через некоторое время рядом свершилось убийство Улофа Пальме...»

«Мартиролог», 3 ноября, 1971:

«Я очень боюсь, что с «Солярисом» у меня будет столько же неприятностей, сколько с «Рублевым». Ужасно, что будет то же самое. Работа над «Солярисом» заканчивается... Почему Сизов окружает себя такой дрянью?.. Ходят слухи, что Романова скоро выведут на пенсию».

29 декабря:

«...Я передаю «Солярис» Сизову. Конечно, они понабегут отовсюду — из Госкомитета, из главка, из ЦК. Похоже, будет скандал».

30 декабря:

«Первая статья (после выпуска «Рублева») написана неким Григорием Огневым. Подлая статья. Но благодаря ей люди обратят внимание на фильм.

В газетах ни слова о том, что «Рублев» вышел. Во всем городе ни одной афиши. И все равно все билеты раскуплены. Самые разные люди звонят мне и взволнованно благодарят».

12 января, 1972:

«Вчера Н. Т. Сизов сообщил мне претензии к «Солярису», которые исходят из различных инстанций — от отдела культуры ЦК, от Демичева, от Комитета и от главка. 35 из них я записал... Если бы я захотел их учесть (что невозможно), от фильма ничего бы не осталось. Они еще абсурднее, чем по «Рублеву».

1. Показать яснее, как выглядит мир в будущем. Из фильма это совершенно неясно.

2. Не хватает натурных съемок планеты будущего.

3. К какому лагерю принадлежит Кельвин — к социалистическому, коммунистическому или капиталистическому?..

5. Концепция Бога должна быть устранена...

9. Должно быть ясно, что Крис выполнил свою миссию.

10. Не должно складываться впечатление, что Крис — бездельник...

Весь этот бред кончается словами: «Других претензий к фильму не имеется».

Можно сдохнуть, честное слово! Какая же провокация... Что они вообще хотят от меня? Чтобы я вообще отказался работать? Почему? Или чтобы я сказал, что со всем согласен? Они же знают, что я этого никогда не сделаю.

Я совершенно ничего не понимаю...»

Как схожа судьба у всех его фильмов. Ведь то же самое произошло и с автобиографическим «Зеркалом».

В то время, как отечественные «охранители» хулили каждое новое его произведение, Ингмар Бергман писал:

«Фильмы Тарковского открылись мне как чудо. Я вдруг очутился перед дверью в комнату, от которой до тех пор у меня не было ключа. Комнату, в которую я лишь мечтал проникнуть, а он двигался там совершенно легко.

Я почувствовал поддержку, поощрение: кто-то уже смог выразить то, о чем я всегда мечтал говорить, но не знал — как.

Тарковский для меня самый великий, потому что он принес в кино новый особый язык, который позволяет ему схватывать жизнь как видимость, жизнь как сновидение».

Устав от длинных безнадежных переговоров с Госкино СССР, отвергавшим одну за другой его заявки, Андрей Тарковский принял приглашение итальянской компании RAI поставить фильм по контракту.

В 1980 году он вылетел в Рим. За шесть лет он снимает три фильма, ставит оперу «Борис Годунов».

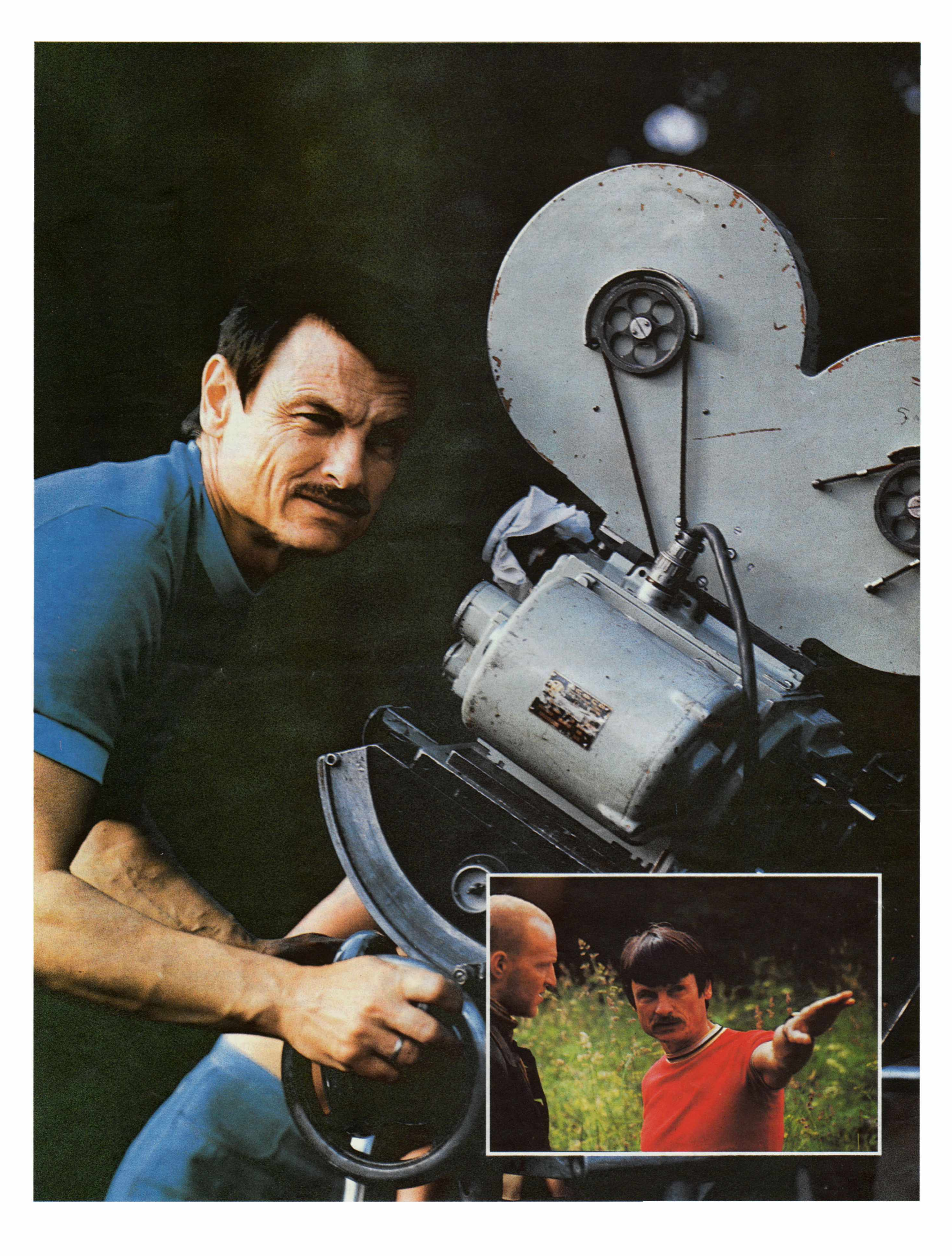
Картина «Жертвоприношение» стала завещанием художника. В ней высказаны его нравственные, эстетические, религиозные взгляды.

«Это поэтическая притча о человеке, который оказался способен принести себя в жертву — единственный путь обретения нравственной целостности»,— говорил Тарковский в одном из последних своих интервью.

Принести себя в жертву...

Фото Владимира МУРАШКО ▶

* Архив киностудии «Мосфильм».

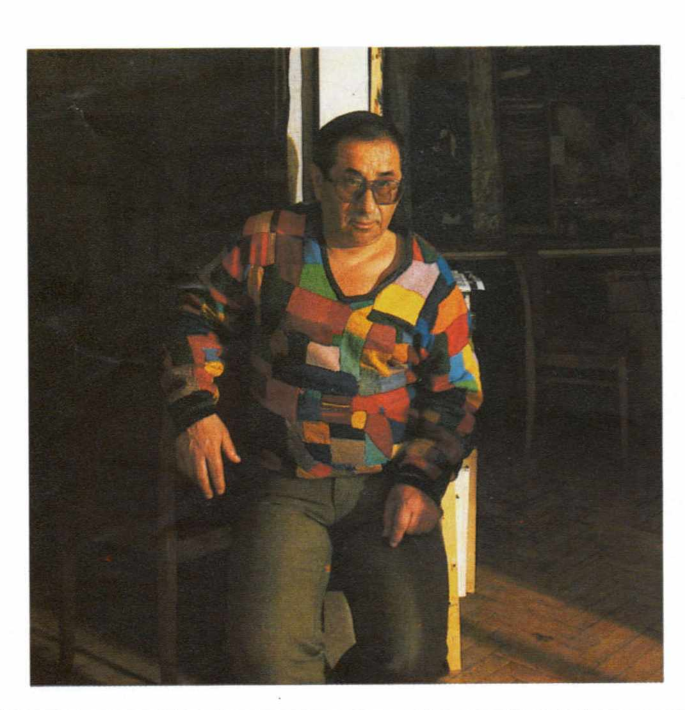
ТРИПТИХ «50»

ПОЗИЦИЯ

Я БОЛЕН ВРЕМЕНЕМ

Около 1,5 тысячи картин и рисунков и более ста иллюстрированных книг. Выставки во многих странах мира и полученные на них медали и награды. Участие в знаменитой выставке в Манеже (той, что посетил Хрущев), скандальная известность и в результате — почти ни одной выставки на родине. Год назад (с выставки в Манеже минуло четверть века) его встретили в журнале «Творчество», нахмурив брови: «Вы тот самый одиозный Жутовский?» Текст, который предлагается вашему вниманию,— это подготовленный нашим корреспондентом Игорем ЯКИМЕНКО коллаж из фрагментов интервью с Борисом ЖУТОВСКИМ и писем художника.

Б. И. Жутовский. Род. 1932.

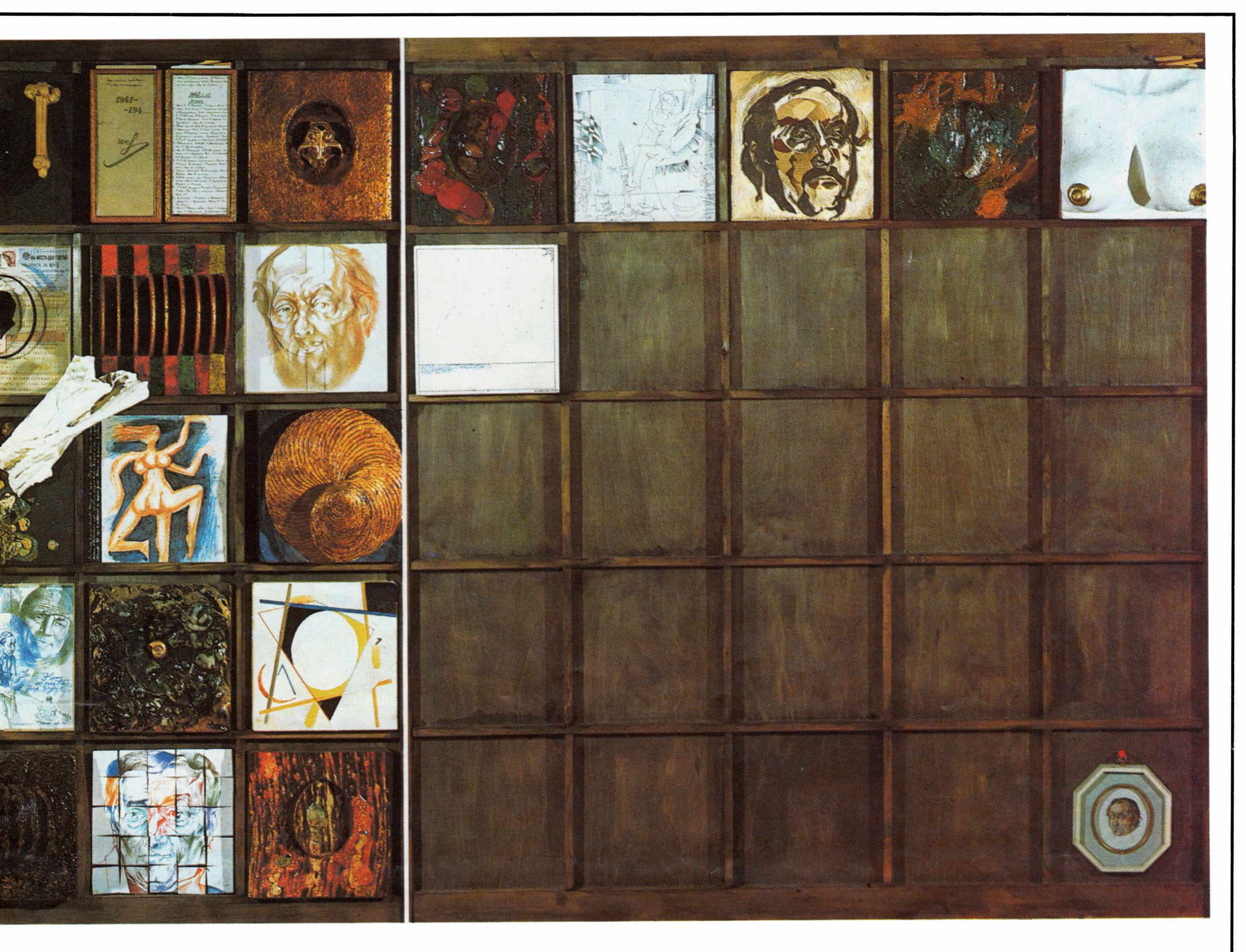
«ПОЧЕМУ Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ»

(Из письма бывшему другу, ставшему начальником)

«Все время думаю, почему?

Тебе это вряд ли интересно, но поскольку жизнь проходит, я хотел бы облегчить душу.

Кстати, о «конце жизни». Недавно мне удалось съездить в соседнюю страну. Знаешь, что поразило меня больше всего? Не харч, не тряпки, не картинки на выставках — веселье, доброжелательность всех ко всем и в любое время суток. Хоть ночной ночью. И невероятное желание делать, бежать, строить, красить, ездить...

А оглянись, чем заняты мы, о чем думаем и говорим? О доживании, завещании, усилиях сохранить крохи сделанного и собранного. Боимся ГАИ на дороге, милиции на улице, лифтерши в подъезде, домоуправа во дворе, дрожим, как бы нас не выгнали из мастерской или не выселили из жилья (всегда по государственным соображениям и без всякой надежды найти ответственного). И каждый день наполняется предчувствием надвигающегося произвола. Во всех сферах существования.

Так вот, в угрюмости и недоверчивости, зависти, апатии людей на наших улицах я обвиняю тебя. Я во многом буду обвинять тебя, но это обвинение — одно из самых главных.

На днях я листал редкий теперь журнал за 1927—1940 годы «СССР на стройке». Вот там все люди «лыбятся».

И на полях, и у станков, и на лесоповале, и на Беломорканале — СТРАХ. Великий страх и их, бедолаг, и фотографов, и издателей, и тех, наверху, кто требовал этого. Их всех мучил безысходный страх. И нам они передали его с кровью, с шепотом, с всегдашней настороженностью за свою и нашу с тобой жизнь.

Вспомни, как забирали наших соседей — сестру и брата — и как наших матерей уговаривал донести на несчастных сотрудник. Слово-то какое! Какому же труду он был «со»? И как наши матери испуганно оглядывались на нас, притихших за занавеской, растерянно водя ладонями по клеенке в голубой пупырышек. «У вас же дети,— давил сотрудник на них белыми, как кальсонные пуговицы, глазами.— У вас же дети...»

И мы с тобой с первых школьных парт гордились «колесиками и винтиками», выковыривали глаза у «врагов народа», вчерашней его гордости, зубрили «десять ударов», «восемь строек», «пять признаков» и анафему агентам-языкознателям! А в войну, помнишь, в войну рыскали на улицах, выглядывая вражеских сигнальщиков, которые карманными фонариками (!) наводили фашистские самолеты на секретные заводы и военные штабы.

И я не люблю тебя за то, что ты предал и продал годы нашего страха за страх другой,— страх управителя. За то, что ты пошел в команду дозирующих воздух, цвет, свет и правду.

За то, что десятилетиями ты душил всех, кто мог быть лучше тебя.

Помнишь, как мы вместе кривились страху наших профессоров, уцелевших из той, начала века, надежды? Печальных и молчаливых? И как, оставаясь верными той надежде, они тайком давали нам читать книги своей юности?

Сегодня у тебя есть причины вспомнить об этом, не так ли?

Свобода! Они были последними, кто остался от галлюцинирующей невиданной свободы, потрясшей весь мир.

Сегодня мы наконец вновь начинаем ощущать ее вкус.

Посмотри, из чего она состояла! Из генетики Вавилова, из одухотворенности Бухарина, из лучезарного словотворчества Хлебникова, из летаний Шагала и летатлина Татлина.

Сегодня мы осторожно начинаем понимать реальность той надежды.

Ты думал, она задушена навсегда?»

* * *

Живописью я серьезно увлекся, когда попал в Билютинскую студию.

Для 50-х она была уникальной.

Мы занимались в спортивном зале, арендованном в районном Доме учителя. Нас собралось около трехсот человек разных возрастов и профессий. Семидесятилетний старик и семнадцатилетний юнец могли прийти на одно занятие и заниматься бок о бок. Летом мы арендовали пароход и всей студией отправлялись по Волге. Работы свои иногда делали мылом, кирпичом и гвоздем. Отвращение к официальному искусству было столь велико, что вместе с ним отвергались и живописные средства, к которым оно прибегало. Из всех хождений по выставкам тех лет я помню одну единственную картину. Она была написана ножом. По терминологии художников — мастихином. Масло на холст было положено кусками. Какой-то незначительный пейзаж, но то, как он был сделан, я помню до сих пор.

Официальным премьером был Герасимов. Он занимал пост президента Академии художеств и возил в своем персональном автомобиле стог сена. Для запаха. У Гете, для запаха, в письменном столе лежала высушенная груша. Но он держал ее там бескорыстно. Президент же демонстрировал свою социальную связь с народом. Выслуживался. Искусство, которое он культивировал, было искусством лакеев.

Любым нашим стремлениям время дает или знак плюс, или знак минус.

Моему стремлению к живописи время выдало знак минус.

Однажды меня чуть было не выгнали из художественного училища за то, что я под партой украдкой рассматривал брошюру Сезанна. Когда учитель увидел в моих руках его репродукции, разыгрался грандиозный скандал. Мать ходила к директору, плакала, и в конце концов меня просто из графического класса перевели в декоративный.

Устная, живая традиция была прервана. Мы были отсечены и от стариков, и от истории, и от знаний. И, по сути, мы шли к ремеслу в одиночку, без наставников.

* * *

О ВЛАСТИ

(Из письма)

«...И что страсть к размножению — любовь — по сравнению со страстью к власти. Рядом с ней кад-

Окончание на стр. 18.

СИТЦЕВЫЕ ДНЕВНИКИ АМАЛИИ СУСИ

Олег ПЕТРИЧЕНКО
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

В истории Советской страны не хватает многих страниц, и, видимо, пройдет немало времени до тех пор, пока границы нашей нарождающейся гласности полностью совпадут с очертаниями государственной границы, не оставив запретных зон не только для критики, но и для памяти.

Архипелаг ГУЛАГ, к примеру, все еще является районом чрезвычайно трудным для исторического мореплавания, и кто знает, когда будут сняты пломбы с заветных рундучков, где хранятся имущество, карты и послужные списки поседевших, но кряжистых еще капитанов, лоцманов и боцманов адмирала Харона.

Один день, прожитый нами когда-то с Иваном Денисовичем, долго оставался единственным более-менее изученным островом, и лишь сейчас из мрачного штормового океана тех лет стали проступать литературные контуры утесов и скал, о которые разбились судьбы миллионов наших соотечественников.

В их числе семья Амалии Семеновны Суси, урожденной Тигорен — учительницы математики из небольшого поселка Токсово, что под Ленинградом. Для серьезных неприятностей в ту бдительную пору ей вполне хватило бы финской фамилии. А она усугубила свою участь еще и замужеством: любимый человек Юхани Иванович, с которым связала она судьбу еще до революции, назывался комиссаром не только потому, что носил кожанку и маузер. Упрямый финн, он позволил себе неслыханную роскошь иметь собственную точку зрения и, когда политическая гибкость стала отождествляться с гибкостью позвоночника, решил выйти из рядов. Волны арестов накрывали его одна за другой, а последняя — в тридцать восьмом — унесла окончательно. Сосланная во Владимир, но нераскаявшаяся жена получила свое в сорок первом — десять лет за антисоветскую агитацию.

Матери еще довелось встретиться со своим младшим сыном. Но ни он, никто другой так и не узнали подробностей этих десяти вычеркнутых из жизни лагерных лет.

— В 1954-м она вернулась в Ленинград откуда-то с Севера, где была на поселении,— рассказывает племянница Т. Тигонен.— Исхудавшая, оборванная. Жили мы тогда в коммуналке на улице «Правды», и навсегда врезалось в память, как я мыла ее в огромном медном тазу, в котором раньше варили варенье. Рассказывать о прошлом она не любила, снова работала учительницей и дожила до 74 лет (умерла в 1972 году). О том, что она вела дневники, я узнала только от Левы. Незадолго до своей скоропостижной смерти он передал мне 28 мелко исписанных полотен, просил сберечь. От греха подальше я зашила их в детский матрасик и лишь сейчас вот решилась, достала. Хотела бы расшифровать записи, но для одной это работа на годы, здесь примерно пятьсот машинописных страниц. Да и финским языком я не владею.

...Бережно листаю ситцевые, чуть выцветшие «странички». Финского тоже не знаю, но даты, географические названия (Акмолинск, Казахстан), русские, финские (и даже одно французское), имена в переводе не нуждаются. Упомянуты фамилии жены Бухарина, Бела Куна. По-русски и отчего-то в кавычках выделены «гражданин начальник», «следователь» (фамилия, кстати, тоже названа). Примечателен и материал, на котором велись записи: аккуратно разрезанные простыни, наволочки, спинки от платьев.

Писалось, очевидно, не в лагере, но, безусловно, в глубокой тайне, в надежде на иные, более терпимые к правде времена.

Они настали. А значит, пришла пора открыто рассказать и о трагической судьбе финноязычного населения Ленинградской области, до дна испившего горькую чашу унижений.

«До 1937 года не только в области, но и в Ленинграде существовали школы с обучением на финском языке, два техникума, национальный Домпросвет (и театр при нем), издательство «Кирья»,— пишет член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Советская этнография» К. Чистов.— В 1937—1938 годах они были разгромлены, большинство их руководителей (так же как и финны, возглавлявшие карельское правительство,— многие из них были видными участниками революции 1918 года в Финляндии) были репрессированы либо погибли, так же как и большинство учителей, писателей, артистов».

Их следы навсегда, казалось, занесло глубокими сибирскими снегами. Но, к счастью, помимо казненных, недоступных пока архивов, существуют бесценные архивы народной памяти, сохранившие имена и героев, и предателей, и жертв, и палачей. Вот только не опоздать бы, успеть записать рассказанное, отыскать уже записанное. Нелишним предупреждением звучат первые слова из ситцевого дневника Амалии Суси: «Мне кажется, что в наше время многие начинают забывать, что было в сталинские времена».

Что было... Это пытается узнать и Татьяна Вильгельмовна Тигонен, ежедневно отстукивая на машинке по одной странице текста, который еще надо перевести.

А может быть, есть возможность помочь ей?

О «НЕПЕРСПЕКТИВНОЙ» ДЕРЕВНЕ И ОКОЛОНАУЧНОМ СПОРЕ

Мы, группа учеников академика Т. И. Заславской, выражаем свое категорическое несогласие с выступлениями секретаря правления Союза писателей РСФСР А. Салуцкого, который вынес необоснованный «приговор» ученому. Нас, кто действительно знает ее труды, поражает беззастенчивая тенденциозность в подборе цитат, на наш взгляд, изначально рассчитанная на некомпетентность аудитории и готовность некоторых самозваных судей во всех социальных бедах обвинить науку. Особенно тревожит, что обвиняют ученого, который в застойный период смело высвечивал социальные болезни, называя все своими именами, и не только в кругу коллег.

А. Салуцкий обвиняет ее в создании проекта истребления деревни, той деревни, с проблемами и бедами которой Татьяна Ивановна связала свой научный путь, той деревни, судьбами которой она болеет и о которой знает отнюдь не понаслышке.

Разве А. Салуцкий не знает, что автором проекта сселения «неперспективных» деревень Т. И. Заславская никогда не была? В это трудно поверить. Ведь уже в самом начале 60-х годов эту идею активно отстаивали представители проектных организаций, специалисты по районной планировке городов.

Выступая на пленуме Союза писателей РСФСР, А. Салуцкий обращается к трудам Т. И. Заславской. Нам очень понятно его стремление приобщиться к трудам ведущего специалиста — не только в нашей стране, но и за рубежом — по социологии села. Мы сожалеем лишь о том, что на внимательное прочтение и осмысление взглядов ученого у А. Салуцкого, по-видимому, не хватило времени. Мы не уверены, что после нашего письма А. Салуцкий найдет его для более тщательного изучения трудов Т. И. Заславской. Но мы не сомневаемся в том, что в связи с избранием его на пост секретаря правления СП РСФСР у него появится больше возможностей для выступлений. Именно поэтому мы хотели бы сообщить ему, что Т. И. Заславская никогда не сводила сущность функции деревни только к «обеспечению наиболее эффективной эксплуатации территориально рассредоточенных ресурсов». На стр. 196 и 197 цитируемой им работы она рассматривает социальные функции деревни, которые «заключаются прежде всего в обеспечении нормальных жизненных условий и удовлетворении потребностей более чем ста миллионов человек, проживающих в сельской местности» (1972 год).

О каком же проекте истребления деревни может идти речь, если во всех своих работах Т. И. Заславская рассматривает сельский и городской секторы нашего общества как равноправные, одинаково самоценные, заслуживающие развития. В архиве отдела сохранились копии ее экспертного заключения, направленного в Госплан СССР более десяти лет назад, где Татьяна Ивановна прямо заявляла: «С моей точки зрения, предложение «насильственно» ликвидировать более 200 тысяч существующих, функционирующих, а частично и развивающихся поселений, не базирующееся на анализе реальных закономерностей развития сельского расселения, ни в коем случае не может быть принято».

Мы отдаем себе отчет, что А. Салуцкий мог об этом не знать. Но и в тех, более ранних работах, которые он «проанализировал», Татьяна Ивановна подчеркивала, что «с точки зрения стабилизации населения в сельской местности Сибири улучшение условий жизни в населенных пунктах различной людности представляется одинаково важным» (Миграция сельского населения. М. Мысль, 1970, с. 300).

Так какого же публичного покаяния требует Салуцкий, если Т. И. Заславская и сама давно писала о том, что «проводившаяся политика ускоренной концентрации расселения носила скорее «искусственный» характер, не отражая глубинных закономерностей естественноисторического развития...». И об этом — многие ее статьи, которые не заметить можно только при большом желании. И только при большом желании можно закрыть глаза на трудности взаимоотношений науки и управления.

Не вызывает сомнения, что в действительности Т. И. Заславская не является «мамашей» проекта истребления деревни, как это пытался представить А. Салуцкий. Напротив, она вдохновляла тех, кто в застойный период противостоял шумной кампании по свертыванию «неперспективных» деревень, заявляя открыто о своей позиции.

Этим письмом мы не пытаемся разубедить того, кто «заблуждается» сознательно. Мы не пытались оправдать и Татьяну Ивановну: она не нуждается в нашей защите, как не нуждаются в оправдании гражданская смелость, принципиальность и честность. Выступление А. Салуцкого — это попытка нанести удар вовсе не Т. И. Заславской, а тому прогрессивному, бескомпромиссному, светлому в нашей перестройке, архитектором которой она, как справедливо было замечено, является.

Написав это письмо, мы долгое время не решались его отправить. Сдерживало то, что зачастую подобные порывы оборачиваются бессмысленными перепалками, болезненными для тех, чье имя упоминается всуе. Но повторное выступление А. Салуцкого на пленуме правления Союза писателей СССР больше не позволяет нам оставаться в стороне.

Мы — против околонаучных склок и взаимных оскорблений, но за аргументированный спор и отстаивание истины.

М. А. ШАБАНОВА,
О. Э. БЕССОНОВА и другие,
всего восемь подписей,
сотрудники Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР
Новосибирск

Начало на центральной вкл.

режка по бабам и страсть к выпивке, к дешевым выигрышам в карточной игре или на бегах — это не страсть, это мелкие деревенские хитрости. Да, друг мой, безумная радость унижать и уничтожать выше и лучше тебя рожденных. Какая-то тайная биология стоит в тишине и тихо улыбается: печальный и уставший Воланд, в чьем мире власть — это высшая ценность, и те, кто ею наделен,— поводыри, а те, кто лишен ее,— овцы.

Лежа в больнице, я читал Ключевского и нашел у него поразительную страницу о том, как сподвижники Петра I, после смерти «преобразователя», перессорились «как старые друзья» и стали расправляться с управляемой страной «как со своей добычей».

Возникает ощущение, что по спирали история развивается в отношении количества убиенных, а по сути событий — она движется по кругу. И ей плевать на яйцеголовых талмудистов, открывающих закономерности, и светящихся пророков, зовущих к любви. Человеческими жизнями распоряжаются хамы.

Каким образом одну из самых интеллектуальных и интеллигентных стран, Германию, Гитлер приводит к фашизму? Каким образом в стране с одной из самых древних культур, Китае, Мао устраивает «культурную революцию» и заставляет убивать всех воробьев?

Или посмотри на Сосо Джугашвили, сына сапожника, который испытывал садистское наслаждение, расправляясь с одной шестой частью суши, уродуя, уничтожая, корежа и расстреливая лучших людей.

Каким образом он мог править нами тридцать лет и мы были уничтожаемы миллионами, один за другим?

Каким образом раз за разом повторяется одна история: группа людей получает неограниченную власть и в конце концов начинает чинить кровавый произвол, и приводит свой народ и страну к крушению?

Каким образом в нашем коллективном сознании не осело, что неограниченная власть — это власть палачей?

Любая власть — это естественное стремление к произволу. Это закон, это ее природа. Она может пускаться на хитрости (когда на смену Ежову пришел Берия, он много говорил о перегибах и призывал к демократии), но если власть в самой основе своей не ограничена ни сроком, ни законом, ни институтами, кто бы ни был во главе ее и какие бы идеи она ни провозглашала, она кончает тем, что возводит в норму отношение к человеку как к материалу, страну считает своей «добычей» и устраивает кровавый пир.

И что странно, ведь ни одной женщины — тоталитарной садистки. Одни мужики!..»

* * *

Всю жизнь я был болен тремя вещами: природой, временем и ремеслом.

Я ясно осознал это, работая над картиной, которая пока носит условное название «50», так как задумана в год, когда мне настало пятьдесят.

«50» — это подведение итогов. Это картина, которая вобрала в себя и пережитое время, и образы близких людей, и убеждения, и тот путь, который я прошел в своем ремесле.

Она состоит из трех щитов, разделенных на 75 квадратов. Первые 50 квадратов — это первые пятьдесят лет жизни. Остальные, начиная с 51-го, заполняются из года в год. Каждый год в картину включается работа, которая этот год олицетворяет. Такая структура позволила мне включать и графику, и скульптуру, и ассамбляж, и живопись, и папье-маше, и тексты.

Сейчас эти три щита живут параллельной жизнью со мной. И чем больше я занимаюсь ими, тем больше рождается новых идей. Недавно я собрался сделать их говорящими: мой голос, записанный на пленку, будет путеводителем по ним.

10 из первых 50 работ — это вариации на тему природы. Это ассамбляжи, где есть позолоченный череп чайки, или покрытый специальным раствором каштан, или залитый лаком след от древнего моллюска, оставленный в виде спирали.

Одно из моих глубоких и спокойных убеждений, хотя я всегда почему-то стесняюсь произносить его вслух: предмет искусства — это красота. Более ошеломительной красоты и совершенства форм, чем у природы, я не видел ни у кого. Ни одно творение рук человеческих не достигает подобного. За этим совершенством миллионы лет работы.

Другое мое глубокое убеждение: произведение искусства есть вариация на определенную тему.

В картине я довел эту идею до аскетизма. В нее включено 10 работ, сделанных на основе одной геометрической формы — овала. И каждая из них наполнена разным смыслом.

Остальные 30 работ из первых 50-ти — это память. О близких, о друзьях, о собратьях по ремеслу, о событиях, о прожитом времени. В их расположении не соблюдается линейной последовательности, так же как в памяти нет линейного времени. Для нее время — игра.

Эта картина — мой двойник. Я умру, она будет жить.

* * *

О ХРУЩЕВЕ

(Из письма)

«В одном из московских музеев есть подаренный XVII съезду топор. На одной его стороне написано «руби правой рукой», на другой — «руби левой рукой», а по обуху — «руби примиренцев». Созданная к 30-м годам структура власти не давала людям возможности на сомнения, на размышления, на обдумывание.

Почти всю свою жизнь Хрущеву пришлось думать о сохранении собственной жизни, у него не было возможности стать образованным. Он воспитывался в той гостиной, где рябой палач распределял, кому жить, а кому голову отсечь. Он пел в этой гостиной частушки, юродствовал, был у Сосо Джугашвили клоуном. Да, он участвовал и в репрессиях. Но по-человечески, мне кажется, он ненавидел это. Он выполнял роль шута при кровавом дворе. А шуты, как правило, ненавидят хозяев.

И вот к нему в руки попадает огромная власть. Ему достается власть, где есть ушкуйники с наручниками и кистенями. И страна, истерзанная и замученная ими. И перед ним встают задачи огромной сложности, фантастической. Судить его за то, как он решал эти задачи, я не могу. Это не в моих силах. Потому что освободить людей из лагерей, вернуть семьям честное имя, дать паспорта крестьянам (что он, кстати, считал своим главным делом жизни), думать о том, как накормить страну, начать жилищное строительство (жили-то многие в бараках), дать два выходных дня, дать людям пенсии, приехать в ООН, снять башмак и стучать им по трибуне, отчего возникало ощущение, что перед тобой нормальный живой человек, сломать «железный занавес», задумать реорганизацию аппарата — за все это человек заслуживает не только того, чтобы к его недостаткам была проявлена терпимость, но и доброй памяти.

Я виделся с Хрущевым в последний день его рождения, незадолго до смерти. Вспоминая свой визит в Манеж, он извинялся и сетовал: «И зачем я только полез во все это. Это же совершенно не мое дело...»

* * *

В семье живописью занимался «дедя». Он был реалистом и дивно писал акварелью пейзажи. Когда он показывал свои этюды, он с упоением начинал рассказывать о том, что в этюд не уместилось, расширяя границы этюда по обе стороны рамки. По профессии он был художником и педагогом. Он долгое время работал в знаменитой колонии Шацкого, воспитывал беспризорных ребят. Многие из них потом погибли во время войны. Вспоминая их, дед плакал. Он был человеком бесконечной, странной и одержимой любви.

Вот эта субстанция — любовь — она и есть самое главное в искусстве.

Свои деревья дед рисовал как влюбленный юноша.

Если любовь не диктует каждый твой шаг в искусстве, далеко не уйдешь. Чувственные отношения должны возникать даже с самим материалом, которым работаешь.

Как известно, Ван Гог в своих чувствах дошел до того, что начал есть краски.

Краски я не ел, но, начав самостоятельно изготавливать из естественных веществ лаки для своих работ, я пришел к выводу, что должен, подобно акушеру, только помогать выявиться той биоструктуре, тем свойствам, которые заложены в них. Как только возникают чувственные узы и я начинаю эту биоструктуру видеть, я следую ей, и она сама диктует характер рисунка. В определенный момент я сам становлюсь этим лаком.

* * *

МАНЕЖ

Одна из композиций в картине «50» посвящена встречам с Хрущевым. Я сейчас работаю над ней. В нее будет включена наколотая на иглу редкая бабочка, подаренная когда-то сыном Хрущева в благодарность за то, что я помогал Эрнсту Неизвестному в работе над надгробным памятником отцу, и фотография, сделанная в Манеже.

Круг художников, в котором находился и я, попал тогда под разгром из-за игры случая.

Мы понятия не имели о сложившейся к этому моменту в Союзе художников ситуации: одна команда живописцев, находящаяся у власти, решила, что пора сводить счеты с другой командой, которая подошла к этой власти слишком близко, и, чтобы убивать наверняка, придумала, как воспользоваться обстоятельствами и сделать это руками первого человека в государстве.

Нас же на выставку в Манеж, открытую к 30-летию МОСХа, пригласили буквально за день до его визита, после того как мы устроили собственную выставку на улице Большая Коммунистическая в районном Доме учителя, и западные корреспонденты разгрохотали о ней на весь мир. Нам выделили в Манеже на втором этаже три зала. Там теперь кафе.

За одни сутки мы перевезли и смонтировали всю экспозицию. Всю ночь прибивали гвоздики, вешали картины, мастерили подмостки для скульптур и от избытка радости дурачились.

Уже не помню где, мы раскопали лист фанеры и, решив расставить на нем маленькие скульптуры Эрнста, разукрасили его гуашью. Потом этот лист нам чем-то не понравился, и мы спрятали его за занавеску. На следующий день, когда пришел Хрущев, кто-то из его свиты вынул эту фанеру и сказал ликуя: «Вот они какие картины рисуют, Никита Сергеевич!»

Но в эту ночь нам было неведомо, зачем нас позвали.

Часа в три утра мы разошлись по домам, а в девять собрались обратно. Ребята пошли наверх, а я остался у входа и, когда подъехал Хрущев, пристроился к его свите и ходил за ним по первому этажу, слушал, как неведомый нам замысел приводится в исполнение.

Как он орал о том, что ему бронзы на ракеты не хватает, что картошка Фалька — это песня нищеты, а обнаженное тело его дивы — это не та женщина, которой надо поклоняться. Те же, кто рядом с ним, подливали масла в огонь.

Когда подошло время к нам на второй этаж подниматься, я побежал вперед, поднялся раньше и попытался протиснуться сквозь толпу у двери. Но из-за того, что меня хватает за руку один из охранников Хрущева и шипит: «Стой здесь и не выпячивайся», я остаюсь с краю, у дверей. Через полминуты поднимается Хрущев. Он останавливается и, обняв Воло-

Манеж. Выставка к 30-летию МОСХ. Хрущев обличает абстракционизм.

дю Шорца и меня за плечи, говорит: «Мне сказали, вы делаете плохое искусство. Я не верю. Пошли посмотрим». И мы втроем в обнимку входим в зал. Хрущев оглядывается по сторонам, упирается взглядом в портрет, нарисованный Лешей Россалем, и произносит сакраментальную фразу: «Вы что, господа, педерасы?» Он этого слова не знает, потому и произносит, как расслышал. Ему кто-то нашептал его. И он думает, что, быть может, перед ним и вправду извращенцы. Мы со страха наперебой говорим: «Нет, нет, это картина Леши Россаля. Он из Ленинграда». Хотя Леша и жил, и живет в Москве. Тогда Хрущев разворачивается корпусом, упирается в мою картину и медленно наливается малиновым цветом...

Все дальнейшее было глумлением. Витийством. Досталось каждому.

Моих картинок в зале было четыре. И так получилось, что на все четыре его бог вынес. Когда Хрущев подошел к моей последней работе, к автопортрету, он уже куражился:

— Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа.

И вся его свита мило заулыбалась.

А так как я перед ним уже в четвертый раз стоял, я немного успокоился. Вдруг за плечом у Хрущева выплывает физиономия одного из приближенных: «Никита Сергеевич, они иностранцам свои холсты продают». И глаза у Хрущева мгновенно стали, как у неистового хряка перед случкой. Совершенно стальные. И в полной тишине он смотрит на меня. Набрав воздуха, я говорю: «Никита Сергеевич, даю вам честное слово, никто из присутствующих здесь художников ни одной картины иностранцам не продал».

По тем временам это был политический криминал.

Хрущев в ответ промолчал, отвернулся, а я смотрю: где же приближенный. Нет его. Испарился. Особое искусство придворного плебея: тявкнул — и, при всей своей грузности, исчез.

Когда Хрущев пошел в соседний зал, где висели работы Соболева, Соостера, Янкилевского, я вышел в маленький коридорчик перекурить. Стою рядом с дверью, закрыв ладонью сигарету, и вижу, как в коридор выходят президент Академии художеств Серов и секретарь правления Союза художников Преображенский. Они посмотрели на меня, как на лифтершу, и Серов говорит Преображенскому: «Как ловко мы с тобой все сделали! Как точно все разыграли!» Вот таким текстом. И глаза на меня скосили. У меня аж рот открылся. Я оторопел. От цинизма.

Из второго зала Хрущев выскочил довольно быстро. Я там не был, знаю только, что после того, как Юло Соостер сказал ему, что просидел семь лет в лагере, Хрущев на некоторое время замолчал. Обратно он вышел несколько притихший, и в воздухе появилось ощущение финала.

А Эрнст Неизвестный все это время зверюгой ходит. Он небольшого роста, черноглазый и дико активный. Крайне максималистичен. Вожак. Поняв, что, быть может, это действительно финал, он встал перед Хрущевым и говорит: «Никита Сергеевич, вы глава государства, и я хочу, чтобы вы посмотрели мою работу».

Хрущев от такой формы обращения оторопел и недоуменно пошел за ним в третий зал. А на лицах чиновников по отношению к Эрнсту засияли безмерное уважение и восторг.

Как только Хрущев увидел работы Эрнста, он опять сорвался и начал повторять свою идею о том, что ему бронзы на ракеты не хватает. И тогда на Эрнста с криком выскочил Шелепин: «Ты где бронзу взял? Ты у меня отсюда никуда не уедешь!» На что Эрнст, человек неуправляемый, вытаращил черные глаза и, в упор глядя на Шелепина, сказал ему: «А ты на меня не ори! Это дело моей жизни. Давай пистолет, я сейчас здесь, на твоих глазах, застрелюсь».

Выходили мы с выставки с таким чувством, будто у выхода нас ждут «черные вороны».

Двое из нас, Эрнст и я, побывали на последовавших за выставкой трех встречах Хрущева с интеллигенцией. Они проходили ничуть не лучше, и ощущение от них оставалось такое же, как и от первой встречи: бесконечного свинства.

* * *

(Из письма)

«Я не писал тебе целую эпоху — ты еще в ее жерле и пытаешься укрепиться поступками, я же, попавший раньше, не лечусь ничем, кроме ожидания, и, по русской ленивой традиции, печалюсь прошлым. Настоящее же — от детей до труда — столь редко приносит секунды облегчительного «неужели», а в остальном такая тупая и злая зависть, что все чаще думаешь: одиночество со своими причудами — единственное, за что некому предъявлять претензии».

* * *

ГОД 88

Вставший в картине «50» на место 1988 года белый квадрат, где в верхнем углу нарисована маленькая птичка и внизу напечатана уличная фраза, выполнен не мной. Я попросил его сделать своего бывшего друга, и он должен был находиться на другом щите.

Десять работ, включенных в картину, посвящены собратьям по ремеслу, и они сделали их сами.

И я уже собирался закрепить этот белый квадрат на приготовленное для него место, когда узнал, что собрат по ремеслу предал и продал и нашу дружбу, и наше прошлое.

Год 88-й — это год предательства. Его знак — жадность.

Боль, пережитая после этого предательства, весь год не покидала меня и весь год обострялась.

На моих глазах другие старые знакомые оголтело кинулись в борьбу за власть и места и, заняв эти места, из вчерашних гонимых начали превращаться в гонителей.

Еще вчера выступая против чиновников от искусства, сегодня, заняв господствующее положение, они сами ополчились на возможных конкурентов. Объявленная свобода пробудила в некоторых из моих тридцатилетней давности товарищах по «камере» столько мутного и вечного по пакости, что хотелось, как какой-нибудь Данко, вырвать сердце и долго водить их по лесам, пока оно не чухнется. Чтобы было чего вспомнить! Чтобы эти талантливые и рукодельные рабы при объявленном празднике в метрополии не пьянели от внимания карфагенских и китайских купцов! Чтобы хватило им мужества и достоинства после стольких лет жизни в «камере» не пустить с молотка за спиной друг у друга то, что помогало выстоять. Чтобы хватило им сил не превратиться в тех, кого они еще вчера называли душегубами.

Успех в жизни и самосовершенствование — вот две основные идеи, которыми может руководствоваться личность! Искусство — вещь жестокая. Если ты идею самосовершенствования предаешь ради успеха в жизни, для искусства ты мертв.

* * *

ГОСПОДИ, КАКАЯ ВЕСНА!

(Из письма)

«Я пишу тебе, сидя в байдарке в среднем течении реки Керженец — приток Коми.

Начали мы путь с верховьев, плывем уже шестой день. Весна стоит такая, что задохнуться. Жарко нездешне — более +20! Мы голые, ленивые несемся через дубовые, залитые водой рощи. Птицы с рассветом наперегонки выкрикивают нам начала музыкальных мелодий. Разрушенные храмы в окружении угрюмых коричневых изб с доживающими стариками и старухами посверкивают медными главами из последних сил, надеясь пережить «разорение». Стены порушены, резьба в обломках, где ранее стояли иконостас и амвон — брошенные весы, молотилки и надписи (великая тяга человека к вечности): «Лена, дашь?».

Боже мой, какая весна!

Старик в крошечной лодке-долбленке течет мимо нас с волшебной скоростью и, охая и щурясь, рассказывает, как «разорили и бегут».

За холмом село с домами, стоящими вокруг кладбища в центре. Каменные плиты, славянская вязь — самый центр русского раскола, сожжения. Скиты Керженец, Киржани — угрюмые последователи веры, прообразы всей генетики русского характера, угрюмого и загульного.

Боже мой, какая весна!

Берега фиолетовые от крокусов, мы с Лехой ходим совершенно голые, и Вовка — Фон Кассел — хозяин двух масаев, двух пирог, богатый путешественник из Эссен-Руншау в среднем течении реки Конго, в распахнутой ковбойке, подтяжках, трубке, шляпе, очках, надменности восседает с книгой и атласом на носу одной из пирог и время от времени то стреляет, то пишет, то курит трубку, то спит, то ловит бабочек, то вдруг мурлыкает арии из оперы Вагнера или Вебера...

Господи, какая весна!

Обжигающая, ледяная вода — и +20! Воды мечутся по уловам и дубовым рощам, рисуя пеной и караванами цветов приговор моим усилиям,— картины не могут быть так неповторимо совершенны и щедры изобилием, как эта нескончаемая лавина вариаций на тему прекрасного.

Господи, какая весна!»

Сотни писем получила редакция журнала в ответ на призыв провести читательский референдум по рубрике «Библиотека зарубежного детектива». Читатели Подмосковья и Сибири, Урала и Дальнего Востока, Прибалтики и Средней Азии советовали, радовались, негодовали, желали и предлагали. Спасибо всем, кто принял участие в нашем обсуждении.

А теперь по порядку. Начнем с критики в адрес журнала. «Прочитав ваше сообщение в № 7, я понял, что вы начинаете выдыхаться..» Статьи об острых проблемах, стоящих перед страной «в самый ответственный период перестройки, нельзя подменять детективными материалами» — таково мнение юриста Александра Сорокина из Соликамска. Эрик Парадник из Даугавпилса заключает свое письмо энергичным призывом: «Лучше публикуйте работы об истории СССР!» Возражают против публикации детективов и инженер Владимир Иориш из Ленинграда, и О. Савельев из Москвы.

Хотим успокоить наших читателей: от того, что «Огонек» начинает печатать детектив, количество острых проблемных материалов на его страницах не убавится. Что же касается детективного жанра — это живая часть литературы. Детектив, как всякое литературное произведение, может быть талантливым или бесталанным, хорошим или плохим. Мы за хороший детектив.

Кроме того, у нас есть моральный долг перед читателями, которые в конце прошлого года не смогли дочитать детективную повесть «На темной стороне Луны». И, наконец, письма. Их анализ показал, что огромное большинство читателей за детектив.

Правда, и здесь мнения разделились. Одни предлагают обратиться к именам, хорошо известным советскому читателю: А. Кристи, Ж. Сименон, Дж. Х. Чейз... Другие считают, что «Огонек» просто обязан совершить маленькую революцию в деле популяризации западного детектива и обратиться к именам, вовсе не известным у нас. «Это расширит кругозор»,— считает семья Мальченко, «обладает притягательной силой» (Д. Летов, Ленинград).

Целое исследование прислал нам С. М. Червонный из Харькова. «Следует познакомить советского читателя,— пишет он,— с такими авторами, как Габорио, Леру, Мейсон, Леблан, Вен Дайн, Куин, Сэйерс...» (всего 27 имен).

Кто же из авторов победил? Чьи произведения желает увидеть на страницах журнала большинство читателей?

Как в письмах тех, кто ратует за неизвестного автора, так и в письмах тех, кто предпочитает апробированные имена, чаще всего встречается имя Себастьена Жапризо.

«Считаю С. Жапризо лучшим мастером сюжета»,— пишет М. Соколова из Севастополя. Хотят прочитать произведения С. Жапризо Иван Кунах (Никополь), семья Романовых (Орша), Г. Король (Купавна), В. Козловский (Москва) и многие другие читатели.

Себастьен Жапризо — псевдоним Жана-Батиста Росси. Жан-Батист Росси родился в 1931 году в Марселе. Его первый роман — автобиографический — «Дурное начало», вышел в 1950 году. Позднее он сам снял по нему фильм.

Широкую известность принес Себастьену Жапризо его первый небольшой и превосходно сконструированный роман «Убийство в спальном вагоне». Поставленный по нему в 1965 году фильм режиссера Коста-Гавраса имел изрядный успех. В нем снимались Симона Синьоре (Даррэс), Ив Монтан (Грацци), Жан-Луи Трентиньян (Габер). Роман был переведен в США, Японии, Италии, Мексике и других странах, но отчего-то остался не замеченным в СССР.

«Убийство в спальном вагоне» означало появление во французской литературе своеобразного, ни на кого не похожего мастера детектива. О плодотворности работы в этом жанре свидетельствуют и другие его романы: «Ловушка для Золушки», «Дама в автомобиле, в очках и с ружьем», «Убийственное лето» (все три были переведены в нашей стране), все три были экранизированы различными французскими режиссерами. Сейчас Себастьен Жапризо работает над новым романом, а Жан-Батист Росси готовится снимать новый фильм.

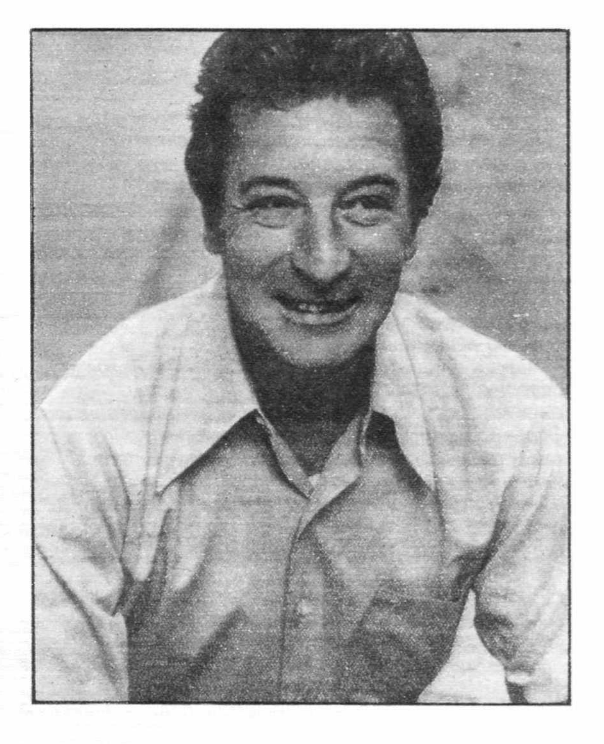
Хотелось бы сказать несколько слов и об авторе перевода. Александр Брагинский — член СЖ СССР и СК СССР. В его переводе выходил роман С. Жапризо «Убийственное лето». Он автор многих книг, переводов и статей по истории французского кино.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен **ЖАПРИЗО**

ВОТ КАК ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Поезд прибыл из Марселя.

Но у человека, который должен был осмотреть его проходы и опустевшие купе, он именовался еще «Марсельцем, семь пятьдесят, после которого можно и перекусить». Поезд, что пришел до него из Аннеси, тоже имел прозвище — «Без двадцати пяти восемь». В нем он обнаружил два плаща, зонтик и испорченное отопление. Наклонившись с гаечным ключом в руке над поломкой, он видел, как «Марселец» остановился по другую сторону перрона.

Был ясный и довольно холодный субботний день, какой иногда случается в начале октября. Пассажиры, приехавшие с юга, где еще купались и загорали, с удивлением взирали на струйки пара, вырывавшиеся изо рта, когда они разговаривали с встречающими.

Человеку, осматривавшему проходы в вагонах, было 43 года. Его звали Пьером, но товарищи называли его Бэби. Он славился крайне левыми взглядами. Размышляя в эту несколько прохладную субботу в 7.53 утра на Лионском вокзале о предстоящей на следующей неделе забастовке, он испытывал лишь чувство голода и желание подкрепиться крепким кофе.

Вагоны «Марсельца» должны были отогнать не раньше чем через добрых полчаса. Поэтому он решил, сойдя с пришедшего из Аннеси поезда, сначала пойти выпить кофе и в 7.56 уже находился в подсобке в конце пути «М», где, держа в руках желто-красную чашку и сдвинув на затылок кепку, обсуждал с близоруким контролером и негром-подручным вопрос о смысле забастовки во вторник, то есть в такой день недели, когда ровно никто никуда не ездит.

Говорил он медленно, спокойно, доказывая, что кратковременная забастовка напоминает рекламу и что главное — нанести удар по самомнению буржуазии. Двое других сказали, что он, конечно, прав. С ним вообще легко соглашались. Это был высокий, тяжеловесный человек, с размеренными жестами, тягучим голосом и большими, спокойными, очень молодившими его глазами. У него была репутация человека, который не вздрогнет, если кто-либо неожиданно хлопнет его по плечу, то есть мужчины с крепкими нервами.

В 8.05 утра он уже шел по проходам «Марсельца», открывая и закрывая застекленные двери купе.

В четвертом вагоне второго класса, в третьем купе от конца, он обнаружил черно-желтый забытый шарф, на котором шитьем была изображена бухта Ниццы. И, конечно, вспомнил Ниццу, набережную

Промнад дез-Англе, казино, маленькое кафе в районе Сен-Рош. Он дважды был в Ницце — сначала, когда ему было 12 лет и его отправили в детскую колонию, и потом в 20, во время свадебного путешествия.

Ницца.

В следующем купе он обнаружил труп.

В кино на детективных фильмах он обычно засыпал в самом начале, а тут сразу догадался, что перед ним труп. Женщина с отблесками дневного света в открытых глазах лежала на нижней правой полке, как-то странно сложив ноги, так что ступни оказались под полкой. Ее одежда — темный костюм и белая блузка — была в беспорядке, но не более, показалось ему, чем у любой пассажирки, решившей прилечь одетой на полку второго класса. Левая худощавая рука убитой вцепилась в край полки, а правая уперлась в тощий матрас. Создавалось впечатление, будто тело застыло, когда она пыталась подняться. Юбка была слегка приподнята на бедрах. Черная лодочка с очень тонким каблуком валялась на соскользнувшем на пол свернутом в валик сером дорожном одеяле.

Человек, проверявший проходы, грубо выругался и в течение 12 секунд смотрел на труп. На 13-й секунде он обратил внимание на спущенную в купе штору, а на 14-й взглянул на свои часы.

Было 8.20 утра. Он снова выругался, соображая, кого надо поставить в известность, и на всякий случай поискал в кармане ключ, чтобы запереть помещение.

Спустя еще 50 минут, когда штора была поднята и солнце освещало коленки лежащей женщины, в купе уже вспыхивали «блицы» фотографов уголовной полиции.

Она была брюнеткой, молодая, пожалуй, тоненькая, пожалуй, высокая, пожалуй, красивая. На шее, повыше выреза блузки, виднелись следы, свидетельствовавшие о том, что смерть наступила от удушения. В самом низу след походил на маленькие, расположенные в одну линию круглые пятнышки, верхний же — и самый глубокий — был плоский, обрамленный черным утолщением. Врач спокойным жестом указал на него присутствующим и подчеркнул, что чернота подтверждает версию о том, что убийца воспользовался грязным ремнем.

Трое мужчин в пальто, окруживших врача, приблизились, чтобы в этом убедиться. Под их ногами затрещали раздавленные жемчужины. В этих разбросанных повсюду стекляшках — на простыне, где лежала женщина, на соседней полке, на полу и даже выше пола, на подоконнике, всюду — отражались лучи солнца. Позднее еще одну жемчужину нашли в правом кармане темного костюма женщины. Ожерелье было, по-видимому, куплено в магазине стандартных цен в отделе дешевой бижутерии.

Врач сказал, что, судя по первому впечатлению, убийца сначала был позади жертвы и только потом набросил на ее шею ремень. В результате ожерелье распалось. На затылке не было кровоподтеков, целы были и шейные позвонки. Зато сильно пострадали адамово яблоко и боковые мускулы шеи.

Женщина явно не защищалась. Ногти ее были в порядке. Лак сошел только на среднем пальце правой руки. Убийца либо намеренно, либо во время борьбы опрокинул ее на полку. Насколько можно было судить, жертва скончалась в течение двух или трех минут. Смерть наступила часа два назад, вскоре по прибытии поезда на вокзал.

Один из мужчин, сидевший на краю нижней левой полки, глубоко засунув руки в карманы пальто, в нахлобученной на голову шляпе, едва шевеля губами, задавал вопросы. Врач профессиональным жестом слегка приподнял голову убитой, присев сбоку от нее, и сказал, что утверждать что-либо еще рано, но, по его мнению и принимая во внимание действия убийцы, тот был ненамного выше и не сильнее своей жертвы. То есть это могли быть и мужчина, и женщина. Последние, однако, не душат, вот в чем дело. Он обследует труп в конце дня в анатомичке. Взяв портфель и пожелав человеку на кушетке удачи, врач удалился, закрыв за собой дверь купе.

Сидевший мужчина вытащил правой рукой из кармана сигарету, зажав ее двумя пальцами. Один из его спутников поднес ему огонь, а затем, засунув руки в карманы пальто, прислонился лбом к оконному стеклу.

На перроне, как раз на уровне окна, молча курили сотрудники уголовной полиции, ожидая, когда им освободят помещение. В стороне горячо обсуждала происшествие группа полицейских, служащих и мойщиков окон. Около двери вагона стояли носилки из синтетической ткани, с потемневшими ручками.

Человек, смотревший в окно, вынул из кармана пальто носовой платок, высморкался и объявил, что явно заболевает гриппом.

Находившийся позади него человек в шляпе заметил, что это очень печально, но что его грипп повременит, надо же кому-то расследовать дело. Назвал его Грацци и сказал, что ему, Грацци, придется этим заняться. Затем встал, снял шляпу, вынул из тульи платок, шумно высморкался и заявил, что тоже, черт побери, заболел гриппом, положил платок обратно в шляпу, шляпу надел на голову и сказал глухим от насморка голосом, еле двигая губами, что советует Грацци не мешкать. Сумочка. Одежда. Чемодан. Первое — узнать, кто эта красотка. Второе — откуда она ехала, где проживает, с кем знакома и все такое. Третье — список лиц, забронировавших места в купе. Доложить вечером в 7 часов. Хотелось бы на сей раз услышать поменьше, чем обычно, глупостей, совсем было бы недурно. Следствие ведь любимое занятие Фрегара. Общий привет! Главное, уметь все подать. Ясно? Подать.

Он вынул при этом руку из кармана и сделал округлый жест.

Третий человек, подбиравший жемчужины с пола, поднял глаза и спросил патрона, что делать ему? Раздался громкий смех, после чего глуховатым от насморка голосом патрон произнес: «Что тебе, рохле, остается делать? Нанизывай-ка на нитку то, что сейчас находится в твоих руках. На что ты еще годишься?»

Затем мужчина в шляпе обернулся к тому, кто все еще смотрел через окно. Это был худощавый, высокий человек с тусклыми волосами, сутулый в свои 35—40 лет от неукоснительного повиновения, одетый в светло-синее пальто с потертыми обшлагами. К стеклу пристала грязь. Немногое же мог он увидеть через такое стекло.

Полицейский в шляпе сказал, что пусть он, Грацци, не забудет заглянуть в другие купе, кто знает, что там найдется, и даже если ни черта нет, это все равно придаст вес отчету: надо ведь все уметь подать.

Он хотел еще что-то добавить, снова произнес «черт побери», сказал, что в руках у подбиравшего жемчужины нечто весьма важное, что он ждет их на Кэ* в полдень, чао, и ушел, не закрыв дверь.

Мужчина у окна обернулся. Лицо у него было бледное, глаза голубые, взгляд спокойный. Он сказал коллеге, склонившемуся над полкой, где с омертвевшими мускулами лежала убитая, что поистине жизнь часто ставит совершенно непредвиденные подножки.

Это была небольшая замусоленная записная книжка в красной обложке с блестящей спиралью и квадратными листами бумаги. В Банье, в магазине писчебумажных принадлежностей, хозяин которого пил и бил жену, она стоила франков десять.

Тот, кого коллеги называли Грацци, развернул ее в кабинете на втором этаже вокзала, чтобы занести первые впечатления. Было около одиннадцати часов дня, «Марселец» вышел из Марселя 4 октября в 22 часа 30 минут. В пути он по расписанию останавливался в Авиньоне, Валансе, Лионе и Дижоне.

Шесть мест в купе, где была обнаружена жертва, имели, считая снизу, номера с 221-го по 226-й: нечетные — слева, четные — справа. Пять из них были заняты в Марселе, шестое, № 223, оставалось свободным до Авиньона.

Жертва лежала на полке № 222. Найденный в ее сумочке билет свидетельствовал о том, что она села в поезд в Марселе и что ночью занимала полку № 224, если только не поменялась с кем-то из пассажиров.

Билеты у пассажиров второго класса проверялись только раз, после остановки в Авиньоне, между 23.30—00.30. С контролерами удалось связаться после полудня. Они сообщили, что никто из пассажиров не опоздал на поезд, но что, к великому огорчению, они не могут ничего вспомнить о тех, кто занимал это купе.

Кэ д'Орфевр, 11.35.

Одежда, белье, дамская сумочка, чемодан, обувь, обручальное кольцо жертвы дожидались на столе одного из инспекторов — далеко не лучшего, кстати сказать. К ним была приложена копия описи, сделанная стажером отдела опознаний Безаром.

Бродяга, которого допрашивали за соседним столом, мрачно пошутил по поводу содержимого разорвавшегося во время путешествия по этажам бумажного мешка, из которого вывалились совсем новые нейлоновые вещи. Тот, кого звали Грацци, посоветовал ему заткнуться, на что бродяга охотно согласился и стал требовать, чтобы его немедленно выпустили. Тогда инспектору, сидевшему напротив, пришлось ему пригрозить. Дама, присутствовавшая как свидетельница «от начала до конца» при каком-то дорожном происшествии, встала «на сторону угнетенных». Перепалка сопровождалась шумом падающих предметов, которые Грацци пытался все сразу перенести на свой стол.

Еще до того, как инцидент был исчерпан, Грацци уже ознакомился с половиной доставленных предметов. По мере того, как он их разбирал, вещи стали заполнять его стол, сползли со стула, оказались разбросанными по паркету и вторглись на столы соседей, которые проклинали его за то, что он не умеет заниматься делом на своем месте.

Отпечатанная на машинке опись отдела опознаний сопровождалась некоторыми добавочными сведениями. Обнаруженную в кармане костюма жемчужину приобщили к собранным в купе, ее обследуют. Отпечатки пальцев на сумочке, чемодане, туфлях и вещах в чемодане принадлежали в большинстве случаев самой убитой. Сравнение остальных отпечатков с теми, которые обнаружили в поезде, займет время, так как они не очень свежие и не очень хорошего качества. Пуговичка от блузки, найденная в купе, передана на экспертизу вместе с жемчужинами. На свернутой вчетверо бумажке размером 21×27, найденной в сумочке, неумелой рукой были набросаны неприличные рисунки с подписями — по-видимому, ребус, предложенный коммивояжером спутникам. Кстати, из настойчивых объяснений Безара (занявших 14 строк на машинке) было ясно, что ребус составлен неграмотно. По-видимому, наверху уже достаточно порезвились — ребус стал сегодня главной забавой в Управлении.

К полудню ребус перекочевал на другие этажи, и патрон, сидя в шляпе за своим столом, предлагал с карандашом в руке трем инспекторам, весело опровергавшим его варианты, разные решения, сопровождая свои слова громким насморочным смехом. Когда тот, кого называли Грацци, как обычно, сутулясь и сморкаясь, вошел в комнату, установилась тишина.

Патрон сдвинул шляпу на затылок, сказал — ладно, ребята, ему надо поговорить с Шерлоком Холмсом, у которого, видно, не все гладко, они могут смыться. Карандаш остался у него в руке, а локтем он оперся о лист с неприличными рисунками. В уголках рта и в складках глаз застыла усмешка. Опустив глаза, он продолжал рисовать и тогда, когда Грацци, прислонившись к радиатору и просматривая записи в своей красной записной книжке, начал докладывать.

Жертву звали Жоржетта Тома̀. 30 лет. Родилась во Флераке, департамент Дордонь. Двадцати лет вышла замуж за Жака Ланжа, с которым развелась спустя четыре года. Рост 1 метр 63, брюнетка, голубые глаза, кожа белая, никаких особых примет. Представительница-стендист фирмы предметов роскоши Барлен. Проживала по улице Дюперре, дом 14. Находилась в Марселе в связи с показом там образцов продукции, с 1 октября до вечера 4 октября. Жила в отеле «Мессажери» на улице Феликс-Пиа. Питалась в различных заведениях на улице Феликс-Пиа и в центре. Зарабатывала 922,58 франка в месяц за вычетом налогов. Имеет на счету в банке 774,50 франка. Наличные в сумочке — 342,93 франка плюс канадский доллар. По всему видно, что мотивом убийства не было ограбление. Следует проверить адреса в записной книжке. В вещах нет ничего особенного — пустой тюбик аспирина, который она могла бы и выбросить, несколько фотографий ребенка, довольно нежное письмо по поводу отсрочки свидания, начинающееся словами «моя перепелочка», без даты и подписи, все.

Патрон сказал: ладно, ясно, как апельсин, надо, чтобы теперь люди побегали высунув язык. Он вытащил из кармана смятую сигарету, выправил ее пальцами. Поискал спички. Грацци дал ему прикурить. Наклонившись над огнем, патрон сказал, что, во-первых, если она живет на улице Дюперре, значит, там же где-то и питается. Он вынул изо рта сигарету, закашлялся и сказал, что пора бросить курить. Второе — заведение Барлен. Третье — найти родственников, пусть ее опознают.

Затем посмотрел на ребус, лежавший перед ним, и со слабой улыбкой заметил, что он забавный. Что думает Грацци по поводу этой штуки?

Грацци ничего не думал.

Патрон опять сказал «ладно» и встал. У него была назначена встреча с сыном в одном из бистро на Старом рынке. Сын хотел учиться живописи. Двадцать годков — и ветер в голове. Труба и живопись — вот все, что его интересует. Болван у него сын.

Надевая пальто, он остановился и повторил, подчеркивая это жестом руки, что Грацци может ему поверить: его сын — болван. Что, к сожалению, не отражается на его отцовских чувствах. Уж Грацци может поверить: сын разрывает ему сердце.

Он опять сказал «ну, ладно» и что возвратится позднее. А что слышно о списке лиц, забронировавших места? Железная дорога, как обычно, не торопится с ответом. В любом случае не стоит обременять лабораторию проверкой всех отпечатков пальцев. Придушить красотку мог только непрофессионал. Грацци не успеет опомниться, как этот негодник окажется у него в руках: я любил ее, и все такое. И можно будет передать его свинье Фрегару.

Надев на шею шерстяной клетчатый шарф, он застегивал пальто на большом животе, который носил вперед, как беременная женщина, и не отрывал

* Кэ д'Орфевр — набережная Орфевр, где находится полицейское управление.— *Прим. пер.*

глаз от галстука Грацци. Патрон никогда не смотрел людям в глаза. Говорили, что у него в детские годы случилось что-то со зрением. Но разве можно поверить, что он был когда-то ребенком?

В коридоре, когда Грацци уже входил в комнату инспекторов, патрон обернулся и сказал, что совсем позабыл одну вещь. В деле с игральными автоматами замешано слишком много людей, все очень не просто. Так что не следует зарываться и лучше передать материалы в отдел борьбы с хищениями. Если Грацци увидит в здании слоняющегося журналиста, пусть сбагрит ему убийство этой красотки и поскорее закроет дело. После чего приветик!

Первый газетчик схватил Грацци за рукав часа в четыре дня, когда тот возвращался с улицы Дюперре в сопровождении белобрысого собирателя жемчужин. У этого журналиста была серьезная улыбка и вполне процветающий вид находящегося на гонораре репортера газеты «Франс суар».

Грацци подарил ему задушенную с Лионского вокзала, сделав все обычные в таком случае оговорки. И в знак особого расположения вытащил из портфеля копию фотографии с удостоверения личности. Жоржетта Тома была на ней именно такой, какой ее обнаружили,— аккуратно подкрашенной и причесанной женщиной, узнать которую не представляло труда.

Журналист присвистнул, внимательно все выслушал, записал, посмотрел на ручные часы, сказал, что помчался в морг, там у него есть «подмазанный» приятель, и, если повезет, он еще поговорит с консьержкой с улицы Дюперре, которая отправилась опознать жертву. У него пятьдесят минут, чтобы сдать заметку в последний выпуск газеты.

Он умчался, и в последующие четверть часа все парижские газеты уже были в курсе дела. Только их это мало волновало: следующий день был воскресным.

В 16.15, расстегивая пальто и готовясь звонить по адресам из записной книжки жертвы, Грацци обнаружил на столе список лиц, забронировавших в «Марсельце» места с 221 по 226. Все шесть это сделали заранее, за сутки или двое:

221 — Риволани	пятница,	4 октября,	Марсель
222 — Даррэс	четверг,	3 октября,	Марсель
223 — Бомба̀	четверг,	3 октября,	Авиньон
224 — Тома̀	пятница,	4 октября,	Марсель
225 — Гароди	четверг,	3 октября,	Марсель
226 — Кабур	среда,	2 октября,	Марсель

Услуга за услугу, и тот, кого звали Грацци, позвонил в морг, чтобы попросить журналиста включить в свою заметку эти имена. На другом конце провода кто-то сказал — «минуту», и Грацци ответил, что не вешает трубку.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 226

Рене Кабур вот уже восемь лет носил одно и то же пальто из мартингала. Большую часть года он не снимал шерстяных перчаток, вязаный свитер с рукавами и большой шарф, который сковывал его движения.

Кабур был мерзляком, быстро заболевал, и с наступлением холодов его обычно дурное настроение портилось еще больше.

Каждый вечер, после 17.30, он покидал место работы в филиале «Прожин» («Прогресс на вашей кухне») в южной части города. Хотя остановка автобусов находилась напротив его конторы на площади Алезия, он отправлялся на конечную станцию Порт д'Орлеан своего 38-го маршрута, чтобы наверняка сесть, и на всем пути до Восточного вокзала не отрывал глаз от газеты. Читал он «Монд».

В этот вечер, не похожий на другие, ибо он лишь сегодня вернулся из командировки, первой за последние десять лет, Кабур отступил от некоторых своих привычек. Во-первых, забыл в ящике стола перчатки: он так спешил вернуться домой, где не убирался целую неделю, что решил плюнуть на них. Затем — чего с ним никогда не случалось — зашел в пивную на Порт д'Орлеан и выпил за стойкой кружку. С момента выезда из Марселя ему все время хотелось пить. В купе он спал одетый, потому что вместе с ним ехали женщины, и еще оттого, что не был уверен в чистоте своей пижамы. Выйдя из пивной, он заглянул в три газетных киоска. «Монд» среди вечерних выпусков не оказалось, и он купил «Франс суар». К тому же он спешил: автобус его уже прибыл на остановку.

Сев где-то в середине, подальше от колес и около окна, он, не глядя, перевернул первую страницу. Более серьезные внутренние полосы не так портили ему настроение. Он не любил шума, громкого смеха, соленых шуток. Такое же впечатление производили на него и крупные заголовки.

Кабур чувствовал себя усталым, глаза давила какая-то тяжесть, похоже, что назревал грипп. В купе он спал на верхней полке, с которой боялся упасть, и лежал, уткнувшись в сложенный пиджак, потому что с подозрением относился к железнодорожным подушкам. Он спал, но слышал, как поезд постукивает на стыках, и мучился от жары. До него доносились голоса дикторов на вокзалах, и не покидали глупые страхи: катастрофы, порчи отопления, кражи бумажника из-под головы и еще бог знает чего.

С Лионского вокзала он вышел без шарфа, в смятом пальто. В Марселе всю неделю стояла летняя погода. И он все время вспоминал залитую солнцем улицу Каннебьер в тот день, когда шел пешком к старому порту, щурясь и наблюдая за прогуливавшимися женщинами. Ему всегда становилось не по себе от их покачивающихся бедер. А теперь он в довершение всего еще подхватил грипп.

Он и сам не знал, почему подумал — в довершение всего. Из-за девушек, вероятно, может быть, из-за своей застенчивости, из-за своих 38 холостяцких лет. Из-за своего полного зависти взгляда, которого он стыдился, но с которым ему не всегда удавалось справиться, когда он сталкивался с молодой, счастливой и богатой парой. Из-за совершенной глупости и той боли, которую теперь от этого испытывал.

Он вспомнил Марсель, где мучения его были еще горше, чем весной в Париже, и еще об одном из вечеров двое суток назад. Кабур с чувством стыда поднял глаза. С детских лет он инстинктивно старался убедиться, что никто не догадывается, о чем он думает. Тридцать восемь лет.

На скамейке перед ним молодая женщина читала «Монд». Он огляделся, заметил, что они доехали до Шатле и что не прочитал ни строчки в своей газете.

Он ляжет пораньше. Вечером, как обычно, поужинает в ресторане «У Шарля» в нижнем этаже своего дома. Уборку же отложит на завтра. Для этого ему хватит воскресного утра.

В газете, которую он, по-прежнему не читая, лишь бегло пробегал глазами, он вдруг увидел свою фамилию. Однако не задержался на ней и по-настоящему стал читать лишь тогда, когда понял, что речь идет о прошлой ночи, о купе и поезде.

Сначала Кабур прочитал ничего для него не значащую фразу о том, что в купе «Марсельца» что-то случилось минувшей ночью. А двумя строчками выше, наконец, что некто Кабур занимал в этом купе одну из полок.

Ему пришлось вытянуть руку, чтобы сложить газету и вернуться на первую полосу, где начиналась заметка. Сосед недовольно подвинулся.

Однако еще до того, как он прочел заголовок, Кабур с болью в сердце узнал женщину. Несмотря на плохой отпечаток, она выглядела чем-то нереальным, словно вновь встреченным на углу улицы человеком, казалось бы, навсегда тебя покинувшим.

Сквозь черно-серую типографскую краску он снова увидел цвет ее глаз, густую шапку волос, блеск улыбки, решившей все и породившей у него в те жалкие пятнадцать минут первого ночи глупые надежды. До него донесся не слишком понравившийся ему запах ее духов, он вспомнил, как женщина, стоя рядом с ним, слегка повысила голос и повернулась немного суховатым движением плеч, точно так же, как это делает на ринге боксер, заметив промах противника.

Какой-то комок подкатил к его горлу, сердце застучало с такой силой, что он дотронулся пальцами до шеи.

Машинально повернувшись к стеклу и увидев в нем свое отражение, он понял, что автобус уже следует по Страсбургскому бульвару и подъезжает к его остановке. Прочитав подпись под фотографией и несколько строк из начала статьи, он отложил газету.

В автобусе осталось несколько человек. Он сошел последним, держа в правой руке кое-как свернутые листы «Франс суар».

Пересекая площадь перед Восточным вокзалом, он заново ощутил запахи, которые сопровождали его в поездке, и будто впервые — привокзальный шум, хотя проходил здесь каждый день, никогда ничего не замечая. Теперь он услышал, как позади освещенного здания засвистел подошедший поезд, как отходили и прибывали другие поезда. Задушенную женщину нашли на кушетке после прибытия поезда на вокзал. Ее звали Жоржеттой Тома. Накануне она была для него только золотой буквой «Ж» на сумочке, женщиной с низким, немного глуховатым голосом, мило предложившей ему сигарету «Винстон», когда они обменялись несколькими фразами в проходе. Он не курил.

На другой стороне площади, прямо на тротуаре, он уже не мог сдержать свое нетерпение и развернул газету. Вблизи не оказалось фонаря, и он с газетой в руке открыл дверь пивной, но едва не отступил перед нахлынувшим на него теплым воздухом и шумом. Однако, сощурившись, все же вошел, пересек полный зал и нашел место на диванчике рядом с тихо разговаривавшей парой.

Не раздеваясь, Кабур сел и положил газету на блестящий красный столик, для чего ему пришлось сдвинуть в сторону две большие кружки, стоявшие на мокрых картонных кружочках.

Сидевшая рядом пара покосилась на него. Им было лет по сорок, мужчине, пожалуй, больше. Они выглядели помятыми, немного грустными людьми, чья жизнь уже устоялась и которые встречаются лишь на часок после работы. Кабур нашел, что пара некрасива, более того — неприятна ему, потому что оба были немолоды, у женщины появился второй подбородок, и, вероятно, дома ее ждали муж и малыши, вот почему.

Подошедший официант очистил маленький столик. Рене Кабуру пришлось поднять газету. Мокрая тряпка оставила следы, которые тут же исчезли. Он заказал себе кружку пива, как и на Порт д'Орлеан, как и утром, когда, занеся домой вещи, зашел в бистро на углу улицы, прежде чем поехать на работу.

Ему хотелось пить, но он не заметил, как принесли пиво. Погрузившись в чтение, Кабур смутно сознавал, где находится. Протянув руку, он взял, не отрывая глаз, кружку со стола. Читая, он пил, и капли пива оставляли пятна на статье.

Женщина представляла какую-то фирму по продаже модных товаров. Она сама ему об этом сказала. Как и о том, что провела в Марселе четыре дня. Ожерелье он тоже вспомнил, потому что замочек от него был совсем рядом, когда он наклонился, прежде чем сделал то самое.

Ее нашли лежащей на спине, с открытыми глазами. Одежда была в беспорядке. Эта картина все время возникала у него перед глазами, пока он читал заметку. В ней было много всяких подробностей: задранная юбка, черные лодочки на тонких каблуках, следы разорванного ожерелья на шее.

Убитая жила близ площади Пигаль в маленькой двухкомнатной квартирке. Уже допросили консьержку. Вытирая глаза платком,— говорилось в заметке,— консьержка говорила, что очень уважала свою жиличку — всегда такая улыбчивая, а ведь была не слишком счастлива: в двадцать пять лет уже разведена. Но честно трудилась. Господи боже, таких разве встретишь в этом районе, где так легко встать на скользкий путь! Конечно, у нее бывали мужчины, но консьержка считала, что это ее личное дело, она ведь была свободна, бедняжечка.

И Рене Кабур представил себе комнату с опущенными шторами, лампу под красным абажуром. Луч света на белой простыне. Шепот. Красивого высокого мужчину с несколько фатоватой улыбкой человека, привыкшего к легким победам. И ее, снимающую юбку. Блеск обнаженного тела, изгиб бедер, плечо. Ее личная жизнь.

Он кончил пить, и снова капли пива упали на газетный лист. Черные лодочки. Та самая женщина, которая со спокойной улыбкой предложила ему, стоя в проходе, сигарету. И тотчас перед ним возник затравленный взгляд терпящего поражение боксера на «Центральном». Итак, какие-то мужчины раздевали ее, бросали на скомканную постель. Их грубые руки прикасались к ее бедрам, плечам. Куда уж ему с ними тягаться! Кабур вспомнил свою глупость в Марселе и то невыносимое желание, охватившее его, когда он помог ей снять чемодан, и затем весь словно нереально проведенный день после того, как он вышел с Лионского вокзала. А тут еще эта газета.

Он сказал сам себе, что просто счастлив, узнав о ее смерти, что ее нашли мертвой.

Когда вышла газета, расследование только началось. В заметке был список и остальных пассажиров купе. Полиция, очевидно, надеялась, что они сами явятся в префектуру или районный комиссариат и расскажут подробности, в частности о том, что произошло до убийства. Пока существовало убеждение, что оно было совершено после прибытия поезда на вокзал, во время суматохи, обычно возникающей в конце поездки. Поскольку же кража явно не являлась мотивом преступления, комиссар Таркэн и его заместители по уголовному розыску рассчитывали быстро обнаружить виновного. И все.

Рене Кабур же знал, что по прибытии поезда не было никакой сутолоки. Стоя в проходе с вещами, пассажиры по одному мирно выходили на перрон. Чемоданы передавались из окон. По мере приближения к выходу с перрона поток людей ширился. Все вытягивали шеи, пытаясь увидеть встречающих.

Кабура никто не встречал. Он это знал и стремился поскорее покинуть купе, поезд, вокзал. Он вышел из купе первым, из вагона — в числе первых, из вокзала его вынесла первая волна тех, кого никто не ожидал.

Он в четвертый раз прочел список пассажиров купе, пытаясь вспомнить их лица по именам и номерам полок. Риволани? Вероятно, мужчина в кожаной куртке, с редкими волосами, с маленьким фибровым чемоданчиком с потертыми и грязными уголками. Даррэс? Молодая девушка, севшая в Авиньоне и вышедшая в коридор, когда он ночью болтал с женщиной, у которой на сумочке была буква «Ж». Нет, это была не она. У Тома, жертвы, место на два номера дальше, поскольку четные полки находились справа, а нечетные — слева. Он совсем запутался и проверил номер своего собственного места.

Нет, все верно. Слева внизу лежал мужчина в кожаной куртке, то есть Риволани. Справа внизу —

Даррэс, белокурая женщина лет сорока, изрядно накрашенная, в пальто из леопарда или из того, что ему показалось леопардом. Слева на средней полке спала молодая девушка, севшая в Авиньоне. Она тоже была белокурая, лет двадцати или немного более, на ней было светло-синее пальто, легкое платье с бантом из шали спереди. На средней полке справа находилась Жоржетта Тома, и Рене Кабур снова вспомнил ее ноги и задравшуюся юбку, когда она стала снимать чемодан. Слева на верхней полке находилось место Гароди. Тут Рене Кабур ничего не мог вспомнить. Он не успел обратить внимания. То есть не совсем так. Это место оставалось незанятым, когда он после полуночи вытянулся на своей полке справа наверху. Голос он услышал много позднее.

Он поднял глаза на официанта, стоявшего перед ним. Тот заканчивал смену и просил рассчитаться.

Вынимая из кармана деньги, Рене Кабур обнаружил жетон для телефона-автомата. Он вспомнил дождливый вечер, тесную вонючую кабину автомата в бистро на Страсбургском бульваре, недалеко отсюда, когда он тщетно две недели назад пытался дозвониться до товарища по работе, который сказал ему, что любит бокс. Телефон молчал.

Получая деньги, официант сказал что-то о зимних субботних вечерах, покачал головой и, держа салфетку на сгибе руки, удалился походкой человека, который достаточно набегался за день.

Рене Кабур быстро посмотрел на фотографию женщины на первой полосе, аккуратно свернул газету и кинул на диванчик.

Кружка его была пуста. Он положил рядом на картонный кружок жетон от автомата. На электрических часах над стойкой было около 7 часов вечера. Пара, сидевшая рядом за столиком, ушла.

Рене Кабур откинулся на спинку диванчика и поморщился от яркого света неоновых ламп.

Это движение, вероятно, и побудило его к действиям. Он устал, он чувствовал, что все воскресенье будет возиться со своим гриппом, бегая между неубранной постелью, газовой плиткой, вот уже 7 лет требовавшей ремонта, и чашкой, которую он не станет мыть и которая так и останется грязной после нескольких порций грога. Ему уже не хотелось немедленно возвращаться домой. Вот именно. Ему хотелось поговорить с кем-то, кто выслушал бы его, кто хоть несколько минут посчитал бы его достаточно интересной особой, чтобы выслушать.

Он взял жетон в правую руку, встал и начал искать глазами в зале, где вдруг стало шумно, телефон.

Кабур спустился вниз по лестнице. В рассчитанной на несколько человек кабине, с покрытыми рисунками стенами он вдруг осознал, что не знает, кому звонить. В газете говорилось: уголовной полиции или в районный комиссариат.

Он поискал номер телефона в справочнике с разодранной обложкой. Нашел префектуру. Вспомнил ноги убитой, фотографию в газете. Там говорилось о черных лодочках, об ожерелье. Он пытался сосредоточиться на том, что делает. Интересно, первый ли он из пассажиров звонит туда?

Когда он произнес «алло», голос его был хриплым, так что пришлось прокашляться. Он сказал, что является пассажиром «Марсельца» из купе, о котором пишут в «Франс суар», зовут его Кабур. Помимо своей воли он произнес последнюю фразу столь категорически и столь напыщенно, что на том конце провода сказали: «Ну и что из того?»

Там были не в курсе дела. Обождите, мол, надо выяснить. Не вешайте трубку. Он звонит не по тому телефону. Кабур ответил, что не знал этого.

Он стал ждать, склонившись над столиком, где стоял аппарат, и подперев подбородок кулаками. Трубка потрескивала около уха. Он уже жалел, что позвонил.

Теперь Кабур тщетно пытался не отвлекаться, думать о поездке, о том, что надо сказать. И вспомнил только улыбку малышки, которая села в Авиньоне, как же ее там зовут? Забыл.

Он приехал к поезду за полчаса. Был ли уже кто-нибудь в купе? Никого. Впрочем, нет. Парень лет пятнадцати. Белокурый, грустный, одетый в поношенный твидовый костюм. Не совсем в купе, около двери. Видно, из соседнего купе.

Рене Кабур тотчас снял пальто и положил на свою полку наверху справа. Мужчина в кожаной куртке и крашеная блондинка пришли в тот момент, когда он соскочил на пол, и ему стало неловко, что ему сделают замечание — ведь он встал ногами на нижнюю полку.

Жоржетта Тома появилась значительно позднее, за минуту или две до отхода поезда. Он стоял в коридоре. Ему было нелегко пропустить ее в купе, потому что проход был забит прощавшимися через окна пассажирами. Он почувствовал запах ее духов. Подумал, что раз в купе едут женщины, то нельзя будет раздеться. И еще о чем-то другом, таком глупом, что сам себе сказал, как глупо, и постарался забыть.

— Я о вас не забыл,— сказал голос в трубке.— Еще секунду, и вас соединят. Не вешайте трубку.

Рисунок
Ильяса
АЙДАРОВА

Видимо, другие еще не прочитали газету и не звонили. Ему вспомнилась атмосфера купе, то, что всегда при этом так нравилось: наблюдать, как каждый посвоему готовится к совместной поездке. Возможно, всех их соберут в качестве свидетелей для очной ставки. Они будут сидеть вместе, немного встревоженные, на скамье в небрежно выкрашенной комнате.

— Слушаю,— раздался голос.

Рене Кабур повторил, что является одним из пассажиров «Марсельца», что его имя упомянуто во «Франс суар».

Раздался короткий, резкий щелчок, отчего ему стало больно в ухе. И совсем другой голос сказал: комиссар Таркэн не вернулся, трубку возьмет инспектор Грацциано. Рене Кабур вспомнил, что был такой американский боксер среднего веса во времена Сердана. У инспектора была фамилия боксера.

Рядом со столиком, на который он опирался обоими локтями, виден был неприличный рисунок, совсем рядом, и надпись о свидании, которое назначалось ежедневно на 16 часов в том же месте кем-то по имени Ж. Ф., двадцати двух лет, делавшим грамматические ошибки. Он повернул голову и убедился, что кругом были еще и другие надписи такого же рода.

— Инспектор Грацциано?

Это был он. Да, ему все известно. Назвал его господином Кабуром, как поступали клиенты, с которыми он разговаривает ежедневно по телефону в своем кабинете на площади Алезиа. Голос был густым, низким, как у диктора радио. Кабур представил себе человека с суровым лицом, широкоплечего, в рубашке с закатанными рукавами, уставшего после работы.

Инспектор с фамилией боксера сказал, что только возьмет, чем писать. Потом, что слушает. Но заговорил сам: имя, фамилия, возраст, адрес, профессия?

— Кабур, Рене. 38 лет. Инспектор по продаже хозяйственных машин. «Прожин». «Прогресс...» Да, именно так, «Прожин». Нет, я в пивной напротив Восточного вокзала. Живу на улице Синор, здесь рядом. Едва я прочитал во «Франс суар»... Так вот, ничего, конечно, особенного, но я подумал, что должен вам позвонить...

Он правильно сделал. Итак, это он занимал полку, как там ее номер, 226, не так ли?

— Да, верхнюю, справа при входе, точно.

— Вы сели на поезд в Марселе?

— Точно. Вчера вечером.

— Вы не заметили во время поездки ничего особенного?

У него едва не вырвалось, что он не так уж часто бывает в поездках и поэтому ему многое казалось особенным, но ответил: нет, ничего.

— Когда вы сошли с поезда?

— По прибытии. Я хочу сказать, почти сразу.

— Когда вы покидали купе, вы не заметили ничего особенного?

Теперь ему захотелось глупо засмеяться, это слово звучало уж слишком нелепо. Он ответил — нет, ничего, но может заверить, что в ту минуту жертва была еще жива.

— Вы знаете жертву?

— Вы хотите сказать, понимаю ли я, о какой женщине идет речь? Я видел ее фото...

— Были ли еще женщины в купе?

Они этого не знали. Значит, никто еще не звонил. Эта мысль произвела на него странное впечатление: он первым приехал к поезду, первым вышел из вагона, стал первым свидетелем.

— Да, еще две. В общем, те, кого я видел.

— У меня в списке только имена,— сказал инспектор Грацциано,— и вы первый, кто нам звонит из числа занимавших купе. Вы можете описать других?

Рене Кабур сказал «конечно». Он оставил свою газету в зале на диванчике. И теперь злился сам на себя.

Но одновременно испытывал разочарование. Он не думал, что допрос будет вестись по телефону, из этой кабины, где он вспотел, разглядывая неумелые рисунки, от которых уже не мог оторвать глаз.

— Послушайте, а не лучше ли мне приехать к вам?

— Сейчас?

Наступило молчание, затем голос в трубке сказал, что это очень любезно, но уже больше семи часов вечера, что у него еще немало работы по другому делу. Лучше всего, если к нему заедет инспектор послезавтра утром или, если ему не трудно, пусть он сам приедет завтра на Кэ часам к десяти утра. Это ему удобно?

Кабур ответил, что не очень, затем ему стало стыдно, и он, спохватившись, сказал, что постарается перенести назначенную встречу.

— Хорошо. Называю вам имена других пассажиров и их места в купе. Постарайтесь вспомнить. Риволани слева внизу. Мужчина или женщина?

— Мужчина. Он был в кожаной куртке, кажется, зеленой. При нем был дешевый чемоданчик, старый. В общем, потертые углы, понимаете? Был неразговорчив. Тотчас же лег одетый и, вероятно, уснул.

— Сколько лет?

— Лет сорок пять — пятьдесят. Похож на рабочего, механика, что-то в этом роде. Сегодня утром, по прибытии, пока я ходил умываться в туалет, он еще спал. Там была очередь. Сами знаете, как бывает. Признаюсь, после я его не видел.

Инспектор сказал, что это все прекрасно.

Даррэс справа внизу.

— Женщина лет сорока. Может быть, больше. Трудно сказать из-за румян. Пальто из шкуры леопарда или искусственного меха. Он никогда не разбирался в мехах. Блондинка, сильно надушенная, с голосом, к которому невольно прислушиваешься. Немного, как бы это сказать (он не знал, поймут ли его в полиции, если он скажет претенциозный), вызывающий, понимаете? Через час после отправления она ходила в туалет переодеться на ночь. И вернулась в розовом халатике, надетом прямо на розовую пижаму. Женщина сосала карамельку.

Он говорил лишнее, потому что никогда не умел сосредоточиться на главном. И сказал, что это все. Одновременно он вспомнил, что блондинка говорила о кино, о Лазурном береге, театре. Она встала утром первая, ибо, поднявшись, он увидел ее уже одетой, готовой уйти, и с вещами. В конце концов Кабур сообщил и эти детали.

Инспектор сказал «хорошо», вечером были уже обнаружены следы некой Элианы Даррэс, актрисы, видимо, той самой.

Бомба, средняя полка слева.

Молодая девушка, не очень высокая, красивая, лет двадцати. Села в Авиньоне, именно так. Похожа на конторскую служащую, нашедшую себе место в Париже. Слегка поющий голосок. Небольшой южный акцент.

Гароди наверху слева.

Он не знал. Полка была пустая.

Инспектор сказал: «Разве?» Все билеты были закомпостированы, и место это, согласно отчету отдела опознаний, который лежит перед ним, считается занятым с самого начала пути.

Рене Кабур сказал, что его не поняли, что он просто не видел пассажира, что полка, когда он лег на свою, еще пустовала.

— Который был час?

По глупости, сам не зная отчего, он солгал:

— 11 часов. Одиннадцать с четвертью, не помню. Позднее я услышал голос. У меня очень легкий сон, я не спал.

— Итак, вы услышали голос пассажира с соседней полки, Гароди, не так ли?

— Так. Думаю, что это был тот самый голос. Полагаю даже, что она наклонилась к девушке внизу и они некоторое время поболтали.

— Почему вы говорите «она»?

Он хотел было сказать «она» — особа, но это все равно ничего бы не изменило.

— Потому что мне кажется, что это была женщина.

— Почему вы так думаете?

— Голос был высокий, совсем не мужской. И потом, трудно это объяснить, но сон у меня легкий, и я ощущал ее присутствие, когда она двигалась. Это была женщина.

— Вы хотите сказать, из-за производимого ею шума?

— Именно так.

Его спросили о жертве. У Рене Кабура снова пересохло в горле. Ему хотелось открыть дверь кабины, где теперь не хватало воздуха. Рубашка прилипла к телу, капли пота стекали по вискам на скулы.

Он немного поболтал тогда с Жоржеттой Тома в проходе вагона. Она сказала ему только одну вещь: что была представительницей фирмы. Себя не назвала. Еще, что провела четыре дня в Марселе. Что это была ее третья поездка туда в этом году. Нет, была очень спокойна, очень раскованна.

Утром находилась еще в купе, когда он покинул его. Все они еще были там. Нет, кроме Гароди, ее действительно не было. Он сказал так потому, что не видел ее, словно она не являлась частью этого купе.

— Вот так.

Он назвал номер своего дома на улице Синор, номер телефона на работе, обещал быть в 10 утра на Кэ д'Орфевр. Комната 303 на третьем этаже.

Голос потонул в благодарностях, но щелчок отбоя не освободил Рене Кабура.

Он прочел еще одну надпись перед входом кабины и некоторое время неподвижно постоял на свежем воздухе.

Таким же пакостником вел он себя в поезде. То есть способным в четверть первого ночи запачкать стены разными мерзкими надписями. Впрочем, он не пачкал стены, но это было все равно.

Грацциано. Подняв воротник, Рене Кабур шел по вечерней площади Восточного вокзала, задавая себе вопрос, успеет ли инспектор до завтрашнего утра допросить других пассажиров из его купе и не сочтет ли он его пачкуном и сексуальным маньяком?

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

Продолжение следует.

ПРОШУ СЛОВА!

КАК ГЕНЕРАЛЫ СЧИТАЮТ ДЕНЬГИ?

Сейчас, когда нашим правительством осуществляется установка на сокращение численности войск и вооружений, необходимо обратить внимание на еще одну возможность сэкономить огромную сумму народных денег. Речь идет о регулярном призыве в армию отслуживших срочную службу на переподготовку, как говорят в народе, в «партизаны». Недавно, спустя 10 лет после демобилизации, меня выдернули на месяц из нормальной жизни. Очень интересно и полезно было вновь (другими глазами!) посмотреть на армейский уклад, напоминающий детскую игру. Первое, что поразило,— это тоскливые, затравленные глаза новобранцев (был июнь), уже ошарашенных отнюдь не нормальными трудностями. С тревогой представляю теперь на их месте двух своих сыновей. Второе впечатление — это бесполезность и кавардак всего происходящего в части, замаскированные, естественно, уставными взаимоотношениями. Все только и занимаются созданием видимости работы и своей собственной «нужности» в этом аппарате. Поэтому часто на выполнение нужной и ненужной работы вместо одного ставят десяток людей. В армии, говорят, можно соединить пространство и время — нужно копать яму от забора и до обеда. Чем наша «партизанская» рота и занималась: целый месяц мы благоустраивали территорию и хозпостройки войсковой части и несколько раз — для разнообразия — выезжали на «учения» караваном машин, потратив для этого уйму горючего.

Страшно представить, сколько людей (помимо находящихся на действительной срочной и сверхсрочной службе) постоянно отрываются от своей работы, от семьи; причем одного могут не трогать 10—20 лет, а другого дергают чуть ли не каждый год. Мало того, все получают зарплату за 1—3 месяца по месту основной работы, съедают массу продовольствия, снашивают обмундирование и т.д. Мне могут возразить, что это необходимо для поддержания боевой готовности наших мужчин. Но разве от того, что я в течение месяца занимался ремонтом водопровода и канализации (моя армейская специальность — телеграфист 1-го класса), я стал лучше стрелять, например? К тому же при возможной в настоящее время войне все решится в считанные часы, и решится это теми, кто находится на действительной военной службе в конкретный момент. «Запасники» же не успеют даже добежать туда, где им надлежит быть по мобпредписанию. У нас все делается с оглядкой на сорокапятилетней давности четырехлетнюю войну.

Поэтому я считаю, что нашему народному государству пора покончить со всеобщей воинской обязанностью (можно вынести этот вопрос на всенародное обсуждение) и создать армию способных, действительных профессионалов в **разумно необходимом** объеме численности солдат и вооружений. Служба для всего контингента должна быть оплачиваемой и долгосрочной, иметь нормальные (свободные) выходные дни и отпуска, люди должны отбираться способные умственно и физически. Тогда не будет позорных казусов, подобных инциденту с самолетом Руста, тогда не понадобится огромных средств на переподготовку «запасников».

В. НОВАК,
рабочий
Рига

ДУЭТ ДЛЯ СОЛИСТОВ

БЕСЕДУ С ЕКАТЕРИНОЙ МАКСИМОВОЙ И ВЛАДИМИРОМ ВАСИЛЬЕВЫМ ВЕДЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ МАРИЯ ДЕМЕНТЬЕВА.

— Екатерина Сергеевна, вы всегда были счастливы вместе?

— Ну... было всякое. Не все шло очень гладко и просто. Но если говорить по большому счету, то, конечно, наверное — да.

— Вы часто танцевали и с другими партнерами...

— Так же, как и Володя. Он танцевал и с Улановой, и с Лепешинской, и с Тимофеевой, и с Кондратьевой — партнерш у него было много. Случалось, что мы разъезжались по разным театрам, бывали спектакли, которые танцевала я и так и не станцевал Володя, и наоборот. И мне, я считаю, тоже повезло с партнерами. Я думаю, Володя со мной согласится — новый партнер, если это человек талантливый, очень много дает. Но все-таки мы больше танцевали вместе, всегда возвращались друг к другу. Может, еще и потому, что много спектаклей готовили вместе. А это очень важно. Ведь есть большая разница между тем, чтобы войти в уже готовый спектакль и чтобы создавать спектакль с самого начала. В первом случае, даже с новым партнером, твое исполнение получает новые краски, нюансы, новое эмоциональное воздействие, но все равно это крупицы... Если же ты готовишь спектакль с самого начала, ты строишь дом с фундамента, складывая его из многих кирпичей. И такая работа всегда глубже откладывается, входит в сознание. Танцуя вместе, мы многое друг от друга получали. И жизнь, и сцена приносили особое взаимопонимание... И, хотя партнеры у меня были прекрасные, сильные танцовщики, получалось, я бы сказала, как в жизни. Ведь можно встречать много замечательных людей, с которыми очень интересно общаться, но продолжать всю свою жизнь жить с одним человеком.

— Вас называют самой гармоничной парой в мире. Как достигается гармония? Что это — техника, духовное единство?

— Может, это дух, понимание друг друга... Техника — безусловно, но это само собой разумеющееся, это входит в профессию. В танце, когда ты чувствуешь руки партнера и он чувствует тебя, происходит такое слияние, когда публика уже перестает замечать технику. Мы всегда стремились к этому. Но мы никогда не считали, что совершенство достигнуто только какими-то техническими вещами. Искали, что можно дать зрителю еще и эмоционально, духовно — для чего, собственно, мы и выходим на сцену.

— Почему сейчас на сцене Большого театра вы танцуете только «Анюту»?

— Такое условие нам было предложено дирекцией театра после того, как нам сказали, что мы не прошли конкурс, и вывели нас на пенсию.

Впрочем, все это было довольно странно. В положении Министерства культуры есть пункт, что на конкурс можно представлять не всех, в том числе не участвуют в конкурсе отсутствующие, находящиеся в командировке. Присутствие на конкурсе необходимо — человек имеет право высказать какие-то претензии, пожелания и, в свою очередь, выслушать руководство. На конкурсе, который мы не прошли, ни нас, ни Плисецкой, тоже выведенной тогда из труппы, не было. Из театра нас исключили в наше отсутствие и, когда мы вернулись в Москву, поставили перед фактом. И сказали, что с нами заключен договор. Но, как я понимаю, слово «договор» предполагает двустороннность. Иначе это уже условия. И вот нам сказали, что мы можем несколько раз станцевать «Анюту». И я станцевала пока три спектакля, но ничего не подписывала. И не потому, что это условие унизительное, не в этом дело. Какая-то этика в человеческих взаимоотношениях, и в том числе во взаимоотношениях руководства театра и артистов, должна быть. Я понимаю, что система вывода на пенсию артистов балета через двадцать лет после начала работы вполне разумна, и такой порядок существует во многих странах. С артистами же, которые театру нужны, он может заключить договор. Но, мне кажется, с имеющими репертуар артистами этот договор должен быть заключен на разумных объективных условиях.

Кроме того, я не могу согласиться с тем, как при конкурсе оценивались артисты. Если, например, Плисецкой в характеристике пишут, что она в таком-то году окончила школу, пришла в Большой театр и за время работы в нем станцевала такие-то балеты и к переизбранию не рекомендуется,— это вызывает довольно странные эмоции... Разумеется, к актеру можно относиться по-разному, можно любить его больше или меньше, но свести всю творческую деятельность Майи Плисецкой к тому, что она станцевала «Лебединое», «Дон Кихот» и т. д., и не найти ни полслова про то, как она это станцевала... Наверное, и в адрес Плисецкой, и Лавровского, и Тимофеевой, да и в наш что-то можно было сказать и по-другому. Хотя бы «спасибо».

Тут мы прервали разговор — пришел Владимир Викторович Васильев. Продолжили мы уже втроем.

— Отчего вы в последние годы так любите работать за рубежом?

В. В.— Нам нравится работать там, где хотят, чтобы мы работали. Кстати, танцевали мы и в Казани.

— То есть если бы была возможность больше работать здесь...

В. В.— Времени бы не хватило работать там. Естественно, что профессионалу хочется работать с самыми лучшими исполнителями. Неужели в театре Сан-Карло труппа лучше, чем в Большом?..

А вот спектакли наши ездят за рубеж гораздо хуже. Когда в свое время туда приглашали «Макбет», переговоры длились полгода, и все было «нельзя». А потом Минкульт поставил условие: «Макбет» поедет, если возьмут и «Ромео и Джульетту» Григоровича. Сейчас, конечно, подобные вещи доказать уже трудно... А вот когда «Анюту» в Париж пригласили, мы поехали... с Рижским балетом. Большой отказался, мотивируя тем, что в Москве должна идти работа у Григоровича над «Болтом» и если поедет «Анюта», «Болт» не состоится. И «Анюта» поехала с другой труппой. Правда, «Болт» не состоялся все равно...

— А когда и из-за чего произошел ваш разрыв с Григоровичем?

В. В.— Трещина образовалась после обсуждения репетиции спектакля «Иван Грозный». Надо сказать, что до этого мы с ним довольно часто спорили в репетиционных залах, и, несмотря на то, что порой эти споры носили довольно жесткий характер, мы всегда мирились. Это было естественно — мы дружили, доверяли друг другу, и в конечном счете все шло на пользу делу. И до сих пор не понимаю, в чем, собственно, состояла моя вина в тот раз. Может, все началось из-за того, что Юрий Николаевич человек ранимый, а я высказался критически публично, что тогда было совсем не принято.

Е. М.— Обсуждения всех спектаклей, которые создавал Юрий Николаевич, всегда проходили триумфально, мнение было едино. И наше отношение к Юрию Николаевичу тоже было самое хорошее. Мы участвовали в его постановках, болели этим. И то, что в молодости, в период становления мы встретились с таким художником и не просто танцевали в его спектаклях, а именно создавали их, творили вместе с ним, было большим счастьем. И, может, именно из-за того, что ставили его творчество очень высоко, хотели видеть своего балетмейстера идеальным.

В. В.— А замечания мои были такие. Я сказал, что, кажется, в этой постановке Юрий Николаевич повторяет себя, что массовые сцены в «Иване Грозном» напоминают массовые сцены из «Спартака».

Е. М.— Отрицания спектакля вовсе не было, наоборот, в целом он понравился, и Володя сам потом его танцевал. Просто заметил, что в спектакле есть определенные недостатки.

В. В.— Но, поскольку это было сказано во всеуслышание, я очень скоро понял, что поставил себя этим выступлением в несколько странное положение. Как бы противника Юрия Николаевича. И — пошло... Юрию Николаевичу доносили все, что я говорил в кулуарах. Очень хорошо помню, как я однажды сказал, что, кажется, в его творчестве началась деградация. Ему донесли, и окончилось это всплеском неприятия меня. Григорович даже перестал ходить на репетиции «Ивана Грозного», когда я входил в эту роль — а ведь создателем спектакля был он сам! — и я репетировал с Галиной Сергеевной Улановой. Каждая моя вольность в штрихах к роли уже стала восприниматься как вмешательство в позицию художника. До этого никто никогда не делил, кто и что приносит в создание той или иной роли.

Е. М.— Создавать вместе с ним для нас было вполне естественным. И мы полагали, что все так и осталось, продолжали жить с этой установкой. А выяснилось, что надо меняться, подделываться под руководителя...

В. В.— Ну, а после «Ангары», которую я раскритиковал гораздо резче, назвал спектаклем фальшивым, шагом назад в творчестве Юрия Николаевича, стало значительно хуже. Начали привешивать ярлыки: оппозиция, инакомыслящие и т. д. Стали говорить: они молчали, пока Юрий Николаевич с ними работал, а теперь мстят за то, что он их «не видит»...

Е. М.— Прости, в той же «Ангаре» ты еще танцевал. Просто любая критика уже воспринималась как дикая крамола. «Ангара» была объявлена первой попыткой создать в Большом театре советский спектакль. (Несмотря на то, что до этого были и «Геологи», и «Таня», «Красный мак», «Партизанские дни».) Но все эти спектакли оказались как бы забыты, и решено, что советская хореография началась с Юрия Николаевича и кончается им же. И если сейчас спросить у молодежи, они скажут то же, уже никто и не помнит, что было и что-то еще... Конечно, можно по-разному относиться к тем спектаклям — какие-то из них были лучше, какие-то — хуже, но вот так взять и вычеркнуть работы и Захарова, и Лавровского нельзя. Это же становление нашего советского балета...

В. В.— Более того, первые успехи за рубежом, то, с чего начался Большой балет.

— А в чем заключался секрет успеха Большого балета? Какие качества создали ему мировую славу?

В. В.— Можно сказать совершенно определенно, что балет Большого оказал огромное влияние на развитие мирового хореографического исполнительского искусства прежде всего тем, что в нем была масса характерных танцев, была жизнь. Именно здесь были большие актерские удачи, благодаря которым в балетах возникали большие человеческие судьбы. И, конечно, большая драматургия.

Е. М.— И это их поразило. Западный балет, может, в чем-то был и сильнее. Возможно, они дольше стояли на пальцах, кто-то делал больше пируэтов. Но то, что средствами балета можно так глубоко решать драматические произведения, так говорить языком танца, стало открытием. И Запад тут же это взял, стал осваивать, развивать. Мы же от этого отказались.

— Это нанесло ущерб престижу Большого балета?

В. В.— Знаете, когда Большой приезжает за рубеж, все равно публика ломится и труппа получает хорошие рецензии — за исполнительское мастерство. Но это исполнительское мастерство, мне кажется, идет в каком-то едином ключе. Проблема в том, что за многие годы, почти двадцать пять лет, создалась ситуация, при которой балет Большого театра стал как бы балетом Григоровича. То есть театром одного человека.

Е. М.— Произошло это постепенно, на наших глазах. Сначала это подразумевалось, что называется — давали понять, а потом в один прекрасный день мы обнаружили, что Большой балет — это Григорович.

В. В.— Думаю, что здесь кроется причина сегодняшних и будущих неудач. Может ли вообще быть театр Григоровича? Бесспорно. Это талантливый человек, и он имеет полное право на создание собственной труппы. Создали же свои школы, труппы, направления Баланчин, Бежар, Ролан Пети, Киллиан, ставшие театрами одного режиссера.

Е. М.— Можно вспомнить и Якобсона, который предпочел создать свою труппу. Его приглашали в Кировский театр, но он отказался, понимая, что не имеет права превращать Кировский театр в балет Якобсона. Потому что традиции Кировского театра подразумевают совсем другое, так же как и Большого.

В. В.— Это театры с давними традициями, которые складывались не один век, исполнительскими, режиссерскими, дирижерскими,— и эти традиции обязательно должны поддерживаться, охраняться. И такие театры, как Большой, Кировский, Гранд-Опера, Ковент-Гарден,— коллективы, известные всему миру,— должны иметь в своем репертуаре в идеале все то лучшее, что накоплено мировой хореографической мыслью. Работать в разных направлениях, естественно, с основным упором на свое, национальное.

Е. М.— Уникальность положения Большого еще и в том, что — чем он всегда и поражал заграницу — этот театр имеет возможность собирать всех «звезд». Сила Большого всегда была именно в созвездии талантов, индивидуальностей. И все имели своих поклонников, потому что кто-то шел на Уланову, кто-то на Лепешинскую и так далее, но все они составляли Большой театр.

В. В.— Сегодня можно сказать: а разве сейчас на сцене Большого мы не видим танцоров мирового класса? Это сегодняшние «звезды», они есть и танцуют. Но их исполнения не стали открытиями, зачастую они сумели лишь повторить то, что было сделано их предшественниками, и сделано, простите за нескромность, лучше. Они ратуют за эти спектакли, но не понимают, что в искусстве необходимо сказать свое слово. Доказать, что они действительно способны занять первенствующее положение в советском хореографическом искусстве и способны развивать его...

Е. М.— Любое повторение есть лишь повторение. Конечно, сказать, что в труппе Большого нет хороших артистов, было бы неправильно. Они есть. Но их нужно раскрывать и подавать. Актер оттого, что у него есть данные, еще не актер. Неповторимость Большому придавали индивидуальности. Конечно, возможно, теперь в театре думают по-другому. И актеров устраивает, когда тот же Григорович объявляет на общем собрании, что ему не нужны «звезды», не нужны актерские индивидуальности и он предпочитает работать с посредственностями. Уж не знаю, кому это укор: нам — мол, выйдите вон — или тем, с кем он работает...

— А что представляет собой танцевальная школа, которой всегда славился Большой? Она претерпела какие-то изменения?

В. В.— Большой никогда не славился чисто классической школой. Ему всегда противопоставлялся Кировский как образец русского чисто классического танца. Большой же в этом смысле был всегда несколько более раскрепощен, анархичен, если можно так выразиться, «грязноват» в исполнении чистой классики. Но у Большого всегда оставалось необыкновенное качество: это всегда был театр живой, исполнительский. Сейчас грань между Большим и Кировским почти стерлась, уже трудно сказать, где московская, а где ленинградская школа. И Кировский очень много взял от московской школы, и лучшие педагоги, лучшие силы Ленинграда пришли в Большой. Взаимовлияния неизбежны, мы не можем запереться в стеклянной коробке. И это естественно.

Проблема в другом. Те традиции, которые долгое время в Большом культивировались — вот это актерское раскрепощение, эта свобода, необыкновенная кантилена, незасушенность исполнения,— как ни странно, уходят.

Е. М.— Потери традиций, которые произошли в искусстве Большого театра, очень видны на «Дон Кихоте». И даже если великолепные Китри и Базиль прекрасно сделают все свои вариации, все равно того спектакля, что был прежде, не будет. Полностью ушла завораживающая атмосфера игры, которая была в нем. Помню, как репетировал массовые сцены режиссер Поспехин. Каждый здесь был актером, со своей задачей, с четкой мизансценой, каждый — из всей огромной массовки. «Дон Кихот», перекроенный, высушенный, уже не имеет ничего общего с той жизнерадостной постановкой Горского и Петипа, которую мы застали когда-то.

В. В.— Действие в «Дон Кихоте» проходило в лучших традициях Большого. Ведь на хореографическое искусство колоссальное влияние оказал русский драматический театр. Не случайно труппы Большого и Малого театров когда-то были единой, и балетные актеры участвовали в драматических спектаклях, а актеры Малого — в балетных. Это тоже создавало традицию. Воспитанники с детства видели перед собой старшее поколение, его лучших представителей, дышали с ними одним воздухом, существовали рядом на сцене. Это касалось и Щепкинского училища, и хореографического. Раза три-четыре в неделю ученики обязательно бывали в театре, и это была школа театрального искусства, именно сценического, а не механического заучивания движений, которое входило в учебную программу. Во многих балетах старого репертуара — возьмем и «Золушку», и «Красный мак», и тот же «Дон Кихот» — было занято много детей, и они привыкали к сцене с детства.

Конечно, от того, как учат, как принимают в театр, зависит много. А претензии к хореографическому училищу сейчас предъявить можно. Я не хочу сказать, что они выпускают совсем непрофессиональных людей, но брака очень много. И я вижу, как к нам в театр наряду с совершенно замечательными танцовщиками приходят люди, которым заниматься этим искусством вообще противопоказано. Причем не только в Большом театре, но и в любом провинциальном. Как они сюда попали? В большинстве своем — из-за влиятельных пап и мам, которые работают здесь, в театре, или где-то еще. И их сначала берут в школу, а потом в театр. Конечно, я не распространяю это на всех — работали же в театре отец Фадеечева, Лиепы, Ветрова, и их сыновья доказали, что должны этой профессией заниматься. Слава богу, что у них это семейные традиции, что это династия. Но все же, мне думается, именно для таких династий отбор должен быть жестче, чем обычно. Страшно, когда ребята видят, что те, кто хуже, попадают в Большой, а они — нет. И в результате мы в Большом никогда не знаем, кого посылать на конкурс. А рядом Классический балет регулярно из выпускников того же хореографического училища присылает на конкурсы мальчиков, которые занимают первые места. А ведь именно Большой призван собирать все лучшие силы, на то он и Большой... Мы все время говорим — флагман, а за флагмана нам очень часто становится стыдно...

— В последнее время часто обсуждается проблема сохранения классического наследия в репертуаре балета Большого театра...

В. В.— Весь славный период советского хореографического искусства уже сейчас может быть занесен в Красную книгу. Мы не имеем практически ничего. Я часто говорю об экологии человеческих, духовных ценностей, и это впрямую относится к ценностям театральным, которые также нуждаются в охране.

Конечно, можно коллекционировать то, что сделано нашими предшественниками. Можно пойти по другому пути. Когда-то, в дни нашей молодости, когда мы были с Юрием Николаевичем абсолютными единомышленниками, мы говорили на эту тему. И тогда еще он сказал: а что, наверное, правильно, время проходит, спектакль умирает, рождается другой. Но тогда остро встает вопрос о традициях. Где они? Наше искусство отличается от других тем, что произведения могут очень быстро устаревать, но по прошествии длительного времени опять становиться откровением. Но здесь вопрос. Вот «Жизель». Почему она жива? Потому, что не уходит из репертуара. Не исполняйте ее нигде лет десять, и она уже может быть потеряна навсегда... Спектакль, когда он идет, меняет само время. Я танцевал «Спартак» в течение двадцати лет, и первые мои спектакли, очень эмоциональные, весьма отличаются от последних, гораздо более мудрых, философичных.

Е. М.— Значит, вопрос — как сохранять, как давать возможность продолжения жизни данному спектаклю. Мы должны ставить новые спектакли и в то же время сохранять старые. А у нас нет ни новых, ни старых...

В. В.— А вот сейчас странная ситуация — умирает «Дон Кихот», хотя и идет. Потому что традиции прерваны.. Это проявилось и на вечере Касьяна Голейзовского. Артисты не всегда понимают, что танцуют, зачем...

Е. М.— И если завтра начать возобновлять «Ромео и Джульетту» или «Бахчисарайский фонтан», это будет очень трудно, почти невозможно. Многие исполнительские секреты уже утеряны, их не знают, молодежь просто не

САМОЙ ГАРМОНИЧНОЙ ПАРОЙ НАЗЫВАЮТ ЭТИХ ПОИСТИНЕ ВЕЛИЧАЙШИХ БАЛЕТНЫХ АРТИСТОВ XX ВЕКА...

Фото Елены ФЕТИСОВОЙ

учили этому. И вернуть утраченное нынешнее поколение не сможет, да и можно ли вообще это вернуть?..

— То есть Большой театр перестал быть Большим?

В. В.— Большой театр в кризисе. Все, что происходит в нем сейчас,— это результат. И случилось это не за один день. И отнюдь не подготовлено экстремистами Максимовой и Васильевым. К сожалению, мы начали открыто говорить об этом поздно, адресуясь к общественности.

Е. М.— Ну, раньше мы бы вылетели из Большого театра.

В. В.— Да мы и так вылетели, это не страшно. Жаль, что время упущено. Каждый из нас боялся, чтобы не подумали, что преследует свои личные, эгоистические интересы. И это затыкало рот. Мы думали, что все должно кончиться хорошо, что добро обязательно восторжествует. Но, кажется, времени до этого торжества добра может пройти очень много... Обидно, честно говоря, даже не за нас. Мы прожили замечательную жизнь и вне Большого театра. А вот с другими, к сожалению, хуже. Одно поколение, может, уже и проскочило мимо своих удач, второе поколение подходит к концу, а в общем-то по-настоящему так и не заявило о себе. Что будет сейчас с третьим поколением, неизвестно... И обвинять нужно сейчас не Григоровича, а прежде всего систему, породившую это зло. Министерство культуры СССР и, естественно, дирекцию. Она и сейчас беспомощна, не знает, что делать. Вот сейчас говорят: нужен лидер. Но в данный момент никакой лидер, ни один человек не сможет ничего сделать, когда развращена вся атмосфера. Если вы сейчас в Большом театре скажете: товарищи, давайте сейчас работать во имя искусства,— над вами будут просто смеяться. Развращено понятие искусства. Для слишком многих Большой означает не что иное, как большие зарплаты, возможность частых поездок за рубеж и твердое знание, что в течение двадцати лет ты будешь в порядке... И ведь главное, что совсем не каждому — по труду. У нас люди, простоявшие многие годы с пикой в массовке, чувствуют себя в Большом театре прекрасно, едва ли не лучше всех.

Е. М.— Они молчат, и на их характеристиках, кстати, пишется, что они расширили свой репертуар.

Когда всю нашу группу убрали одним махом, это был хороший урок для труппы. Стало ясно, что расправиться можно с любым. И, когда девочки и мальчики приходят к нам и жалуются на свою жизнь, если им говоришь: «Да вы скажите об этом открыто!» — «Да что вы, нам бы только до пенсии дотянуть!» Ведь дошло до того, что в наших спектаклях и спектаклях Плисецкой участие чревато для артиста последствиями. Начинаются намеки: а ты думаешь, тебе стоит в этом спектакле участвовать? А потом, если человек все же станцевал, на следующий день он может увидеть, что в другом спектакле его нет — вычеркнули. А тот, другой спектакль, поедет за границу... Конечно, те, кто посмекалистее, на неугодные руководству спектакли просто заболевают...

В. В.— Болезнь с головы начинается.

Е. М.— И в театре начинается дележка: это ваш спектакль, а это — наш. Не мы создаем эту атмосферу. Мы всю жизнь, что бы ни было, говорили: мы — артисты Большого театра...

Вот Володя говорит, что поздно мы начали эти разговоры. Да и так все время ищут, что мы хотим для себя урвать таким образом. Не хочет ли Максимова стать хозяйкой театра, а Васильев занять место Григоровича... И доказывать, что мы урывать не хотим, крайне обидно. А объяснять, видимо, надо на разных уровнях. На собрании в Большом театре министр культуры сказал, что мы «бывшие звезды», «Вам же все звания надавали, что вам нужно еще?» Странно, что он не понимает, что нас в данном случае волнует другое, что все эти годы мы работали совсем не за звания... А на совещании с пропагандистами, когда его спросили, отчего не идут наши спектакли и спектакли Плисецкой, он ответил, что на них никто не ходит, что мы только и заняты тем, что травим гениального художника Григоровича. А ведь эти люди должны ориентироваться на его точку зрения, доносить ее людям... Да как не понять, что, если бы нам было наплевать на Большой театр, мы бы давно могли работать не в Советском Союзе, а за границей. А мы все время возвращались сюда...

— Наверное, у вас должно быть странное чувство: уехавшие в свое время Барышников, Макарова, Нуриев и другие устроили свои судьбы в общем-то неплохо, и на Родине их встречают тепло. А вы, всю жизнь хранившие стране верность, сейчас оказались в довольно затруднительном положении...

Е. М.— За рубежом очень часто нам предлагали роскошные условия, говорили: вы же вдвоем, вы завоюете весь мир. А нам согласиться и в голову не приходило. И теперь говорят: вот, получили то, что хотели...

В. В.— Ну, ответ всегда может найтись...

Е. М.— Но как-то никогда не думалось, что на подобное ответить будет трудно... А там и сейчас хотят с нами работать, отмечают какие-то наши юбилейные даты, которых мы и не знаем, не помним, дают какие-то премии. А в Большом театре один-единственный юбилей каким-то вымученным получился, не рекомендовали сделать торжественную часть при открытом занавесе. Никому из дирекции не пришло в голову, что мы все-таки что-то сделали для театра. Обидно, что и напомнил Володя. А ведь речь идет даже не о тридцати — о сорока годах в театре. Ведь он для нас начался еще со школы...

— Какой же вам видится выход из ситуации, сложившейся в Большом театре?

В. В.— Выход, мне кажется, на сегодняшний день один. Это создание худсовета с правом решающего голоса, с выборным председателем худсовета — причем желательно, чтобы сам он не ставил, как хореограф не работал. И должен быть выработан точный план действий, прежде всего по возвращению спектаклей, их восстановлению, по очистке репертуара. Нужно повышение дисциплины — ее нет совсем. И — самое главное — на сцене Большого должно появиться какое-то яркое произведение...

Е. М.— Во главе театра должен стоять человек, который заинтересован не в себе, а в театре, в поиске талантов, выходе из тупика. Ведь страшно, что из балета Большого театра уходит смысл. Можно, конечно, сказать: а что вас не устраивает? 32 фуэте делают? Делают. На одной ножке проскакали? Проскакали. Три па-де-ша сделали? Сделали. Не упали? И хорошо. Но если подходить к балету с этих критериев, начинается спорт. У искусства другие задачи.

— А что в ваших ближайших планах?

В. В.— Сейчас весь хореографический мир отмечает столетие со дня рождения гениального русского танцовщика Вацлава Нижинского. В Большом театре, насколько я знаю, пока ничего не делается в связи с этим, но мы к этому уже привыкли... А в театре Сан-Карло ставится балет, который будет посвящен жизни Нижинского и так и будет называться — «Нижинский. Воспоминания о юности». Ставится этот балет на меня, на Катю, на знаменитую итальянскую балерину Карло Фраччи и на танцовщика из Франции Эрика Ведена. Режиссер — Беппе Менегатти. Он, как и Дзефирелли, ученик великого Висконти. Наверное, этот спектакль не совсем можно назвать балетом — будет и текст. Я буду играть Нижинского.

Е. М.— Предложений очень много, и я, как человек более суеверный, чем Володя, не люблю о них говорить. Но все, что предлагают, сделать невозможно просто физически. Так что — посмотрим.

— Скажите, а насколько «Фуэте» личный фильм, история, рассказанная в нем, близка к вашим биографиям?

Е. М.— Какие-то переклички есть...

В. В.— Я думаю, что если бы мы больше пошли по линии собственной, картина могла бы получиться интереснее и глубже. Нам же подача своего, автобиографического материала казалась ненужной. Но это с творчеством художника, к сожалению, несовместимо. Обнажение нужно. И теперь мне кажется, что в фильме недостает именно личного. Там, где соприкосновение получилось,— там хорошо.

И здесь мне захотелось задать Васильеву вопрос, с которого начался наш разговор с Максимовой.

— Владимир Викторович, вы всегда были счастливы вместе?

В. В.— Новые партнеры приносят открытие новых черт, разрушают возникающие неизбежно штампы. Но все-таки самые прекрасные моменты у меня всегда и везде связаны с Катей.

Васильев не знал, что ответила мне Максимова, но их слова прозвучали удивительно одинаково. Наверное, только так и может быть в этом дуэте солистов...

● *Один из домов Зубалова-1. Репродукция с рисунка Элеоноры Микоян (1949).*

● *Василий Сталин и герой войны Иван Полбин.*

● *Светлана Аллилуева и ее муж Григорий Морозов.*

● *Яков Сталин в плену.*

«АСКЕТИЗМ» ВО

ПРОШУ СЛОВА!

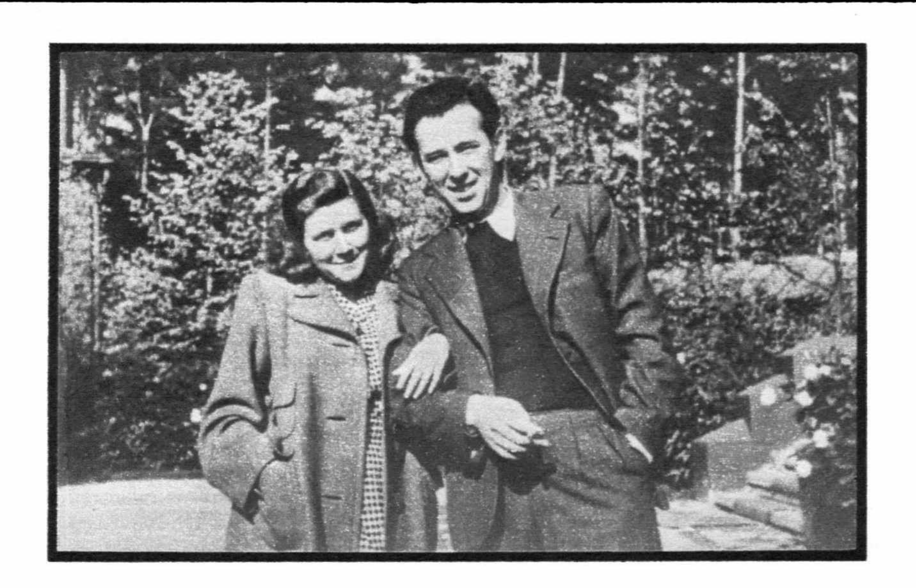
Серго МИКОЯН,
доктор исторических наук

С БОЛЬШИМ ВНИМАНИЕМ ПРОЧИТАЛ КНИГУ Д. ВОЛКОГОНОВА «ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ». («ОКТЯБРЬ» №№ 10—12, 1988). ВЫСКАЗЫВАЯ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ, БЕРУСЬ ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ Д. ВОЛКОГОНОВУ ЗА ТУ ОГРОМНУЮ РАБОТУ, КОТОРУЮ ОН ПРОДЕЛАЛ, ПЫТАЯСЬ ДАТЬ СВОЙ АНАЛИЗ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ПАРТИИ, ОСОБЕННО В 20-е ГОДЫ, СВОЮ ТРАКТОВКУ УСЛОВИЙ, ПОЗВОЛИВШИХ СТАЛИНУ УТВЕРДИТЬ ТОТАЛИТАРНУЮ ДИКТАТУРУ. АВТОР РАБОТЫ «ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ» ТЩАТЕЛЬНО ВОСПРОИЗВОДИТ ОБСТАНОВКУ ТЕХ ЛЕТ, ЧТО, КОНЕЧНО, ПОМОГАЕТ МНОГОЕ ПОНЯТЬ И ОБЪЯСНИТЬ. ОДНАКО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ КОЕ-ЧТО ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ, ДОПОЛНИТЬ, А ПОРОЙ И ОСПОРИТЬ.

Начнем, пожалуй, с личностных характеристик, причем отойдем от хронологического принципа изложения. Например, Д. Волкогонов пишет: «Скажем сразу, что Сталин смог на всю жизнь сохранить аскетизм как черту своего характера. После смерти у него фактически не оказалось личных вещей, кроме подшитых валенок и залатанного крестьянского тулупа. В своей житейской простоте и непритязательности он не изменял своим взглядам до конца, хотя уже в тридцатые годы сформировался большой штат «обслуги». Такими же были и большинство его товарищей по ЦК». И еще: «Аскетический образ жизни, пожалуй, не был позой, а следствием сохранившегося с дореволюционных лет искреннего неприятия роскоши».

Аскетизм Сталина в последние, по крайней мере, два десятка лет — это слишком сильно сказано. Достаточно привести хотя бы некоторые факты об образе жизни «великого вождя всех времен и народов».

Начать хотя бы с дач. В работе «Триумф и трагедия» упоминается Зубалово. Однако не говорится, что Сталин, выехав оттуда после гибели Надежды Аллилуевой, оставил там сына Василия и дочь Светлану (им было соответственно 11 и 7 лет), а также старшего сына Якова, который, впрочем, будучи военнослужащим, мало бывал там. Между тем Зубалово — просторный дом конца XIX века в стиле французских дворцов XVIII столетия, с большой территорией, обнесенной кирпичной оградой, не считая хозяйственных построек. У их отца появились взамен две дачи, построенные специально для него: «ближняя» и «дальняя». Несмотря на то, что последняя посещалась ред-

ЖДЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТАХ ИЗ ЖИЗНИ СТАЛИНА

ко, там всегда все было готово к приезду хозяина: и «обслуга», и охрана, и продукты. Итак, три дачи под Москвой. Если сосчитать, во что это обходилось государству, то вряд ли слова «искреннее неприятие роскоши» окажутся правомерными. Кроме того, началось строительство дач и на курортах. Причем не в качестве обезличенных «государственных», как стал складываться их статус после 1953 года, а именно «дач тов. Сталина», их адреса — в Сочи, Боржоми, Новом Афоне, Холодной речке, на озере Рица, в Мюссерах...

Возьмем хотя бы последнюю, просто для примера. Чтобы на этом необитаемом участке Черноморского побережья между мысом Пицунда и Сухуми построить достойную его резиденцию, создали солидное подсобное хозяйство, нечто вроде небольшого, но образцового совхоза, проложили в скалах 20—25 километров асфальтированных дорог (закрытых, разумеется, для «посторонних»), целую гавань с бетонным пирсом, дома для охраны и «обслуги» (сейчас в них расположился довольно большой пансионат!). Наконец, два дачных дома: большой и малый. Большой проектировал один из ведущих тогда архитекторов, М. Мержанов.

Правда, иногда на некоторых из этих дач могли проводить отпуск и другие члены Политбюро, но всегда только с личного разрешения Сталина. Тот мог милостиво спросить собравшегося на отдых (так было, например, с А. И. Микояном, впервые за два десятка лет собравшимся в отпуск в 1947 году): «Ты куда едешь?» — «Не знаю пока».— «Можешь поехать в Мюссеры. Там легко купаться в любой шторм за пирсом (сам Сталин никогда, кстати, в море не купался.— **С. М.**)».— «Но ведь это же твоя дача, товарищ Сталин».— «Я туда не поеду. Я опять на Холодную речку. Можешь поехать».

Или обратимся к его знаменитым «ужинам», начинавшимся в 10—11 вечера и кончавшимся в 3—4 утра. Собиралось, скажем, 8, 10 или 12 человек. Изысканные блюда подавались на стол в большом количестве. Шампанское, коньяк, лучшие грузинские вина, водка лились рекой. Сам хозяин пил не так много, отдавая предпочтение сладкому шампанскому и винам типа «Хванчкары». Но других пить заставлял исходя из тезиса «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Отказ пить воспринимал как боязнь проболтаться о чем-то, желание что-то скрыть. Поэтому никто в конечном итоге не отказывался. Даже иностранных гостей, вроде Тито или Ракоши, Сталин заставлял напиваться до неприличия (Тито однажды сказал наутро своим товарищам, что к Сталину на ужин больше никогда не поедет; об этом, конечно, Сталину доложили те, кто прослушивал все разговоры в резиденции гостя, и — кто знает? — не отсюда ли пошло подозрительное отношение к югославскому лидеру?).

Запасные чистые тарелки, приборы, хрустальные фужеры в изобилии стояли неподалеку, чтобы «обслуга» не мельтешилась во время разговоров. Иногда хозяин вдруг произносил по-грузински два слова, в переводе означавших «новая скатерть» или «свежая скатерть». Немедленно появлялась «обслуга», брала скатерть с четырех углов, поднимая ее. Все содержимое — икра вперемешку с чуть остывшими отбивными, капуста по-гурийски с жареными куропатками (а Сталин их особенно жаловал), притом вместе с посудой, приборами и бокалами — оказывалось как бы в кульке, где лишь звенели битые фарфор и хрусталь, и уносилось. На новую, чистую скатерть приносились другие яства, любимые Сталиным, только что приготовленные. Думаю, даже Лукулл и Нерон не назвали бы все это аскетизмом!

Нужны другие примеры?

Светлана Аллилуева рассказывала, что обмолвилась отцу о своих денежных затруднениях. Тогда он разрешил ей ежемесячно получать крупную сумму. С какого счета? Члены Политбюро тогда, по традиции, не получали гонораров за публикации (о зарплате Сталина не приходится и говорить,— наверное, ее не хватило бы и на 2—3 «ужина», о которых рассказано выше). Но этим дело не кончилось. На радостях, что дочь развелась с мужем-евреем, он предоставил ей вообще открытый счет в банке. Будучи довольно скромной женщиной (в отличие от своего беспутного брата Василия), Светлана все же невольно обрадовалась, позвонила жене моего старшего брата и сказала: «Элька, ура! Теперь с деньгами у меня вообще нет проблемы!» Наивная подруга спросила: «Как это — открытый счет? На какую сумму?» «Ну, понимаешь, он сказал, что я могу брать, сколько хочу, без ограничения».

Чем не аскетизм?

Д. Волкогонов пишет о подшитых валенках и залатанном тулупе (видимо, хранился в память о «сладкой жизни» на печи в хате сибирской крестьянки в Курейке до революции — так с ним жестоко тогда расправился царизм!). А куда же подевались шинели и мундиры из первоклассной шерсти, щедро расшитые настоящим золотом, в которых он появлялся повсюду и запечатлен на тысячах фотографий? Или сапоги из тончайшей кожи (он ведь любил очень мягкие сапоги, к тому же бесшумные при ходьбе)? Автор, со слов А. Н. Шелепина, пишет,— правда, в другом месте — об одном маршальском мундире. Разве не ясно, что это все сентиментальные истории, имеющие определенную направленность? По крайней мере, я сам видел его и в ослепительно белом мундире с неизменным золотым шитьем и такой же фуражке (на авиационном параде в Тушине), в защитного цвета мундире, в мундире из ткани золотистого цвета... Конечно, это мелочи и даже нормально для генералиссимуса, но зачем же на неверно преподанных мелочах рисовать облик аскета? Вождь владел всей страной, буквально всей, вместе с людьми. При чем тут опись имущества в гардеробе?

Он думал, что владел и природой. Однажды велел посадить на «ближней» даче на открытой поляне молодое дерево лимона. «Он будет расти!» — сказал Микояну. Тот возразил: «Зиму ни за что не переживет!» «Нет, переживет!» — упрямо сказал хозяин одной шестой части земного шара. Потом увидел, что лимонное дерево съеживается под осенними холодами, и велел срочно построить над ним небольшую оранжерею, чтобы спасти. Не будем считать, во что обошелся этот каприз,— мелочь по сравнению с другими капризами. Например, в Абхазии и сейчас могут вспомнить, как он велел уничтожать кипарисы и взамен высаживать эвкалипты — сначала на своих дачах, а потом и вообще в республике. Гиганты-кипарисы не поддавались пилам. Тогда было велено их взрывать. (Местные жители утверждали, что на запретной для всех территории происходили испытания атомных бомб!) Чем провинились красавцы кипарисы, воспетые поэтами, перед вождем народов? Скорее всего, считали некоторые члены Политбюро, тем, что за таким деревом легко мог спрятаться человек. Операция по посадке эвкалиптов (почти все они вскоре засохли) обошлась Абхазской ССР в 200 млн. руб.

Д. Волкогонов, естественно, может не знать подобных фактов. Кроме того, он, видимо, подсознательно соразмеряет быт Сталина с бытом Брежнева. Конечно, занятие не очень плодотворное, ибо ставит схоластические вопросы: что «аскетичнее» — коллекционировать полученные в подарок автомобили зарубежных марок или построенные за казенный счет дома-дворцы? Обеспечивать дочь нетрудовыми доходами, чтобы та могла объезжать на «мерседесе» ювелирные магазины, или давать распоряжение об открытом счете дочери в государственном банке (благо «государство — это я»)? Питать пристрастие к подаркам из золота и драгоценных камней или управлять всем золотом державы и щедрой рукой изничтожать ее «самый ценный капитал»?

Конечно, в общем-то прав Д. Волкогонов, что Сталин умел выделять главное из своих пристрастий, а таким главным была для него неограниченная власть, а не мишура, как для Брежнева. Бытовая «оправа» действительно не имела большого значения. Однако она не оставляет нам все же возможности говорить ни о каком «аскетизме» Сталина.

Раздел о личной жизни «триумфатора» вообще удался Д. Волкогонову меньше, чем страницы, посвященные его политической борьбе. Видимо, повлияли устные рассказы тех, кто никак не может расстаться с холуйской психологией: работников охраны, «обслуги» и т. д. Ну, как можно всерьез, без кавычек, писать о любви Сталина к театру и кино? Даже если он 10—20 раз ходил на одну и ту же оперу. Тогда уж надо применить образ «задушил в своих объятьях» и театр, и кино! Ведь после войны ни один фильм не мог выйти на экраны без личного разрешения вождя. В результате в иные годы страна получала не более 5—7 фильмов в год — и мы помним каких! *

Известно, что Сталин бывал у Горького в гостях, ставил «Девушку и смерть» выше, чем «Фауст» Гете, высоко оценил Маяковского, даже уделял личное внимание Булгакову и не дал санкции на его арест. Но было бы кощунством сказать на этом основании,

* В одном из них — в «Клятве» — я, будучи старшеклассником, даже снимался в роли статиста на Красной площади, поднимавшего партбилет в ответ на слова Сталина «Клянемся!». Как близко это было к реальности, я тогда и не догадывался — ведь весь народ стал статистом.

что он любил литературу и поэзию, имея в виду не только длинный мартиролог писателей и поэтов, но и сталинскую «культурную политику» в целом, от железных тисков которой мы, по существу, избавляемся только последние три года.

Говоря о феерическом взлете в ВВС Василия Сталина, Д. Волкогонов возлагает ответственность за это на «окружение» вождя, на неких «доброхотов». Между тем сам автор упоминает, что все назначения делались через приказы наркома обороны и постановления Председателя Совнаркома, а обе должности занимал сам отец Василия. Так кто же делал все это? А снятие пьяницы с поста командующего ВВС Московского военного округа произошло, между прочим, как раз по предложению членов Политбюро, высказанному лично Сталину. Правда, они заранее договорились, что выскажут это мнение одновременно и все вместе, а мотивировать будут тем, что Василий бросает тень на свою фамилию. Так и сделали. Сталин посмотрел на них внимательно, помолчал, затем сказал, что согласен.

Арест Василия в 1953 г. преподносится Д. Волкогоновым просто тенденциозно: «А главное — хотели спрятать подальше человека, который немало знал. Ведь соратники Сталина все остались на своих местах». Автору, видимо, никто не поведал, что Василий ходил в посольство КНР, рассказывал там, как и везде, байки о том, что Сталина убили, что страну ведут в пропасть, вел переговоры о том, чтобы уехать под покровительство Мао Цзэдуна... В те годы подобное поведение могли пресекать только одним способом, успешно внедренным отцом Василия. Кстати, к счастью для Василия, тогда ни у кого не дошли еще руки до выяснения его роли в аресте ряда высших офицеров ВВС в конце 1940-х годов.

Василий был осужден вместе с группой своих подчиненных за разбазаривание средств, отпущенных для нужд ВВС, на иные цели, которые он сам определял в нарушение всех правил, имеющих силу законов. Правда, хищений ради личной корысти суд не установил, да в этом его и не обвиняли.

Хотелось бы дополнить Д. Волкогонова в вопросе о литературном, теоретическом творчестве Сталина. Дело в том, что есть документальные данные, по которым можно смело предположить, что работа «Об основах ленинизма», принесшая ее автору определенное признание как «теоретика», в значительной мере опиралась на работу, написанную молодым партийным ученым Ксенофонтовым и присланную им Сталину для оценки. Письмо Ксенофонтова Сталину и ответ на него объясняют и тот факт, что Ксенофонтов очень рано и без лишней волокиты с «шитьем дела» был уничтожен.

У внимательного читателя столь серьезного и полезного исследования, коим является «Триумф и трагедия» (к тому же написанному ярко, местами просто с блеском), все же возникает и ряд недоуменных вопросов по поводу некоторых формулировок и даже заключений автора.

Например, могут только дезориентировать фразы типа «Вождь слепо верил карающей деснице своей машины безопасности». Отсюда ведь совсем недалеко до того, чтобы переложить ответственность за террор на злую волю машины, которой Сталин якобы слепо верил. Нет! Он прекрасно знал, что делал, именно он деформировал саму суть машины безопасности, направил ее десницу не против врага, а против своей же партии, своего народа — и не ради безопасности, а ради своей абсолютной власти. Об этом, кстати, пишет сам Д. Волкогонов в 12-й книжке «Октября» (с. 133), где он критикует Н. С. Хрущева за подобное допущение.

На стр. 91 в № 11 «Октября» мы читаем не менее странную фразу. Автор, выговаривая Светлане Аллилуевой за ее метания, отмечает, что ее отец с «железной» фамилией «в самые тяжкие годы своих бесчисленных арестов тем не менее никогда не помышлял об эмиграции». Неужто это упрек и тем большевикам, которые в те годы, не имея «железной» фамилии, все же эмигрировали?

Об аресте брата первой жены — Алеши Сванидзе — автор пишет так, будто бы всерьез верит, что подобный арест мог состояться без прямого указания Сталина. То же относится и к жене Поскребышева, которую будто бы арестовал Берия. Между тем совершенно ясно, что стоило бы Берии арестовать без разрешения Сталина кого-либо, близко стоящего к Сталину или вообще входящего в его «компетенцию», Берия был бы неминуемо отстранен от карательных органов. Ибо это означало бы выход из-под контроля вождя этих органов, которые он сделал главным инструментом своей политики.

Что касается Алеши Сванидзе *, то хотел бы дополнить рассказ Д. Волкогонова: его расстреляли по прямому приказу Сталина, причем, насколько я знаю, спустя 2—3 года после ареста! Вождь отправил к нему в камеру наркома Меркулова, чтобы сказать: «Товарищ Сталин поручил передать, что если вы признаетесь, что были шпионом, вам будет сохранена жизнь. Иначе — расстрел!» Алеша ответил: «Передайте ему вот это» — и плюнул в лицо наркому. Об этом эпизоде сам Сталин спокойно рассказал членам Политбюро, добавив: «Ишь, какой гордый оказался Алеша! Я не ожидал». Даже члены так называемого «окружения» похолодели, особенно те, кто лично знал и любил Алешу. Но Сталин, муж его сестры Като («единственного существа, которое, возможно, он по-настоящему любил» — по Д. Волкогонову), оставался совершенно спокойным, как будто речь шла о мухе.

В связи с так называемой «любовью» к Като нелишне вспомнить и откровенную нелюбовь к ее сыну Якову — укладывается ли все это в нормальные человеческие понятия о чувствах?

Вообще-то Д. Волкогонов в других местах своей книги справедливо отказывает Сталину в подобных чувствах. Он ищет истоки эволюции его из человека в злодея и приходит к такому заключению: «Подполье ожесточило его», «суровое детство, жизнь подпольщика — вечного беглеца — сделали ссыльного холодным, черствым, подозрительным». Мне лично видится здесь элемент оправдания. Но, позвольте, разве Сталин один во всей большевистской партии находился в подполье, ссылался и т. п.? Это был удел всей партии. Кстати, при арестах Сталина ни разу никто даже не ударил; его не гнали по голодному этапу, когда «шаг в сторону рассматривается как побег, стрельба без предупреждения»; он жил не в холодных бараках, а в теплой крестьянской избе; вместо изнуряющего лесоповала от зари до зари он выходил полюбоваться на бурную стихию ледохода на Иртыше... От чего тут очерстветь? И какими тогда могли бы вернуться наши репрессированные и реабилитированные? Я знаю многих из них и никого, кто очерствел бы.

Сам Сталин спустя три десятка лет, посмеиваясь, рассказывал членам Политбюро, как они одно время вели общее хозяйство со Свердловым. Чтобы не дежурить по очереди на кухне, он специально делал обед несъедобным. А когда Сталину хотелось съесть двойную порцию супа, он, отведав из своей тарелки, плевал в тарелку Свердлова. Тот, естественно, отодвигал ее, а довольный «товарищ по ссылке» съедал все.

Д. Волкогонов как бы остерегается прямых выводов о причинах гибели М. В. Фрунзе. Он ссылается почему-то на книгу Гамбурга «Так это было», чтобы сказать: «Сталин с Микояном... говорили с профессором Розановым и настаивали на операции». Между тем сохранились воспоминания самого А. И. Микояна, и, наверное, правильнее обратиться к ним, а не к книге Гамбурга.

В тот день на кремлевскую квартиру Сталина зашли Киров и Микоян, работавшие один в Закавказье, а другой — на Северном Кавказе. Сталин рассказал им, что Фрунзе настаивает на операции, такого же мнения придерживается хирург Розанов. Тогда Микоян предложил немедленно переговорить с Розановым, чтобы выяснить, почему он считает операцию необходимой. Оказалось, он считает ее лишь целесообразной, исходя из того, что нарком обороны не сможет соблюдать режим язвенного больного. Но главное не в этом. Главное: сам Фрунзе не хотел операции, так что Сталин солгал Кирову и Микояну. Ведь ему представился уникальный случай убрать такого видного партийного руководителя, к тому же наркома! Замена его послушным и недалеким Ворошиловым уже показывает, что смерть Фрунзе была ступенькой на длинном пути триумфатора...

Вот почему Д. Волкогонов проявляет, на мой взгляд, некоторую наивность, когда рассказывает, как Сталин не поддержал требования Зиновьева и Каменева об исключении Троцкого из партии (вскоре после смерти Ленина). «Сталин был еще не тот, каким он станет в конце двадцатых—тридцатых годов»,— пишет автор.

Отнюдь нет! Сталин уже был тот. Именно поэтому ему нужен был в партии Троцкий. Только ведя борьбу против Троцкого, мог он добиваться невыполнения завещания Ленина, укреплять свое положение, манипулировать другими членами Политбюро, расширять себе опору в ЦК! Убрав сразу же Троцкого, выступив вместе с Зиновьевым и Каменевым, он лишался бы основного козыря в своей борьбе за власть.

Вернемся, однако, к словам Д. Волкогонова о том, что «когда Ленин критиковал Сталина (по вопросу «автономизации», монополии внешней торговли, фронтовым делам, другим), тот всегда обычно (? — **С.М.**) быстро соглашался с ленинскими доводами. Духовная, интеллектуальная «власть» Ленина над Сталиным была полной». Разве, кроме фактов, приведенных выше, документы не сохранили в деталях перипетии интриг со стороны Сталина, чтобы, вопреки точке зрения Ленина, протащить решения против монополии внешней торговли? А в вопросе об «автономизации»? Наконец, достаточно вспомнить о предыстории оскорбления им Н. К. Крупской. А позорные депеши на места, рекомендующие не принимать всерьез статью Ильича «Как нам реорганизовать Рабкрин»? Об этом ведь пишет и сам Д. Волкогонов. А разве мы не знаем, что Сталин вообще стремился изолировать Ленина в Горках, скрывал от партии его последние записки — и не только «завещание»?

«Быстрое согласие» — пока Ленин оставался здоров — было приемом, продиктованным избранной им тактикой борьбы за власть: выглядеть верным ленинцем, чтобы именно на этом пути компенсировать свою теоретическую ущербность по сравнению с другими членами Политбюро и получить поддержку второго и третьего эшелонов партийных руководителей.

Не убеждает предположение автора о том, что, предвидя войну с гитлеровской Германией, Сталин мог рассуждать следующим образом: «Ведь если фюрер придет с мечом, то посадит здесь Троцкого» и т. д. Как же мог Гитлер поставить в Москве еврея и коммуниста?? Даже в своем бреду Сталин не мог такое представить. Ссылки на Молотова, сказавшего незадолго до смерти, что Сталин хотел ослабить социальную базу для квислингов и лавалей, надо воспринимать как очередную попытку этого неисправимого сталиниста оправдать все содеянное вождем и им самим.

Рассказывая о судьбе Рудзутака, автор вновь, как бы забывая о собственном, совершенно правильном анализе причин «чистки» ленинской гвардии, делает допущение, что Сталин поверил доносу Ежова. Думаю, логичнее предположить, что «доносы» на членов Политбюро и вообще высшего эшелона партии шли в обратном направлении. Это, кстати, иллюстрируется большим количеством примеров в работе Д. Волкогонова. Что же касается конкретно Рудзутака, то была одна причина, которая делала его гибель неизбежной, имея в виду злопамятство Сталина. После того, как весной 1924 года руководящие слои в партии узнали о «завещании» Ленина, фамилия Рудзутака стала обсуждаться в качестве альтернативной фигуры на пост генсека. Рудзутак имел то преимущество в глазах руководителей среднего уровня, что не входил в группы соперничавших друг с другом «вождей», не имел амбиций, т. е. мог бы нейтрализовать карьеристские поползновения не только Сталина, но и Троцкого, Зиновьева, Каменева...

И, наконец, немного о самом страшном — о трагической статистике. Подсчеты автором жертв репрессий конца 30-х годов, как он сам и допускает, действительно занижены. Вот почему он считает, что в период «коллективизации» «железная пята захватила большее число людей». Неверно также, что 1937 год (условно, конечно!) «коснулся в значительной мере интеллектуального слоя людей».

По не опубликованным еще воспоминаниям А. И. Микояна, после XX съезда было выяснено, что с 1 января 1935 года по 22 июня 1941 года подверглось репрессиям почти 20 млн. человек, из них 7 млн. приговорено к расстрелу (это не считая погибших в лагерях и на этапах!).

Пытаясь предложить комментарий, дополнения или поправки к книге Д. Волкогонова, я отдаю себе отчет в том, какой гигантский материал обработал автор первого в нашей стране научно-политического исследования о Сталине и сталинщине. Читатель должен быть безмерно благодарен ему за эту работу. Наличие некоторых противоречивых формулировок в книге выглядит результатом огромного массива информации, буквально «навалившейся» на автора в условиях ограниченного времени. Да, этот труд должен был появиться как можно скорее, ибо слишком много времени упущено после 5 марта 1953 года и даже после XX съезда КПСС. Первопроходческая работа не может не требовать доработки в книжном варианте.

Такие работы, как «Триумф и трагедия» Д. Волкогонова, «Дублер» А. Адамовича,— пусть совершенно различные по жанру — нужны нам, как воздух. Ибо наша недавняя история живет с нами и сегодня не только как воспоминание, но порой, к сожалению, и как наследие.

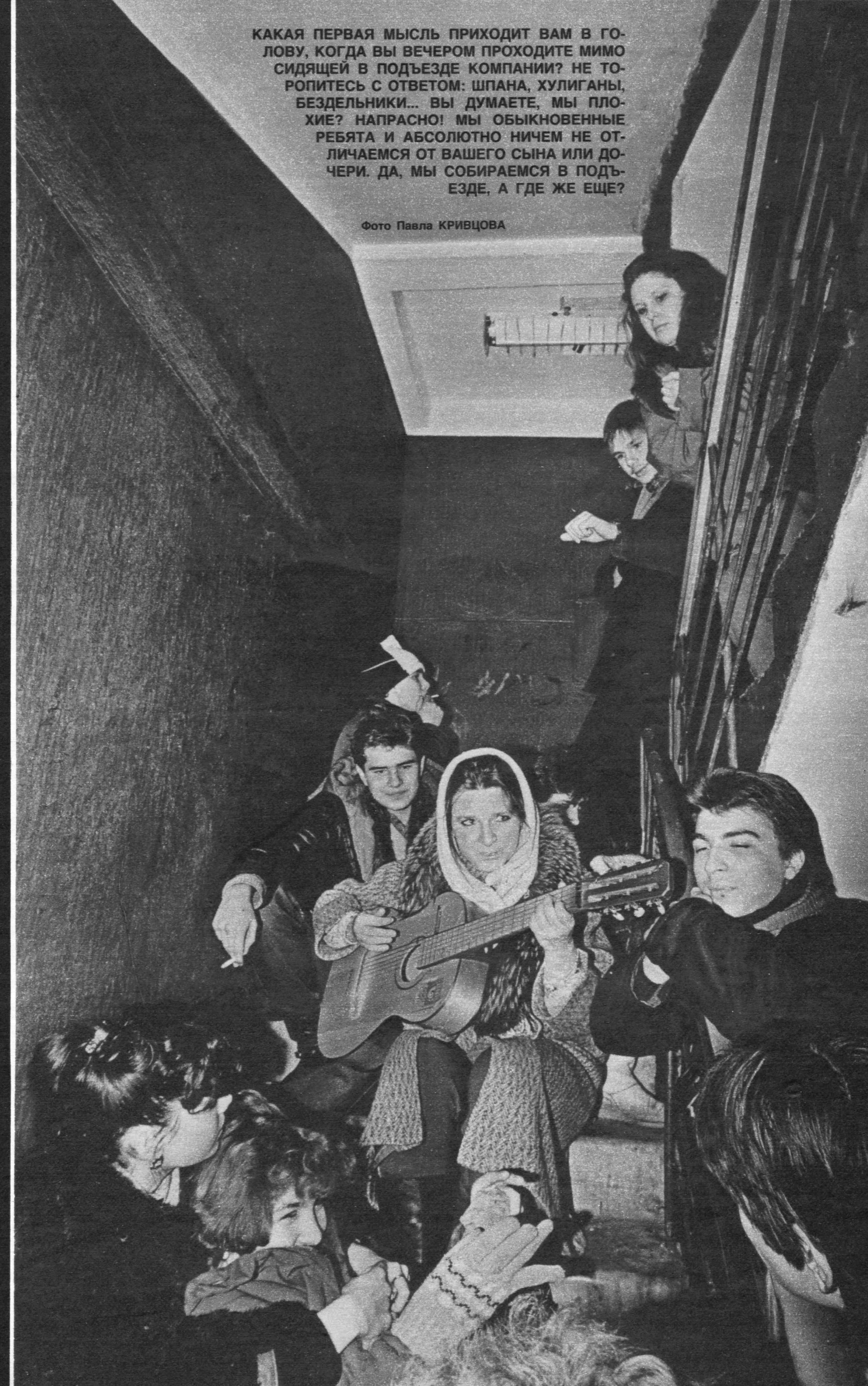
О ней невозможно писать спокойно, академично. Возможно, и эти краткие заметки носят следы горячности и эмоциональности. Но ведь сталинщина искорежила жизни и души целого народа, наверное, каждой семьи. Нет, не «пепел Клааса», а пепел миллионов наших близких и души не родившихся от них детей стучат в наших сердцах.

Благодаря книге «Триумф и трагедия» станет гораздо больше прозревших, а тем, кто предпочтет остаться незрячими, уже ничто, наверное, не поможет. Благодаря работе Д. Волкогонова нашему народу будет легче искоренить саму возможность тоталитаризма и диктатуры, ибо, узнав столь многое о сталинщине, страна не может не содрогнуться как от реальности прошлого, так и от жуткой мысли о причинах, их породивших.

---

* Жену А. Сванидзе арестовали вместе с ним на нашей даче в Зубалове-1 (где, кроме самих Сванидзе, жили Гамарник, Микоян, Карахан, Варский, Уншлих, семья Ф. Дзержинского, семья Аллилуевых), и она тоже погибла. Никогда не забыть мне, с какой болью моя мама рассказывала своей сестре, как восьмилетний сын Сванидзе кричал им в момент ареста: «Вы — враги народа, я от вас отрекаюсь!» — **С. М.**

ГАЛАКТИКА по имени «ПОДЪЕЗД»

КАКАЯ ПЕРВАЯ МЫСЛЬ ПРИХОДИТ ВАМ В ГОЛОВУ, КОГДА ВЫ ВЕЧЕРОМ ПРОХОДИТЕ МИМО СИДЯЩЕЙ В ПОДЪЕЗДЕ КОМПАНИИ? НЕ ТОРОПИТЕСЬ С ОТВЕТОМ: ШПАНА, ХУЛИГАНЫ, БЕЗДЕЛЬНИКИ... ВЫ ДУМАЕТЕ, МЫ ПЛОХИЕ? НАПРАСНО! МЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ РЕБЯТА И АБСОЛЮТНО НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЕМСЯ ОТ ВАШЕГО СЫНА ИЛИ ДОЧЕРИ. ДА, МЫ СОБИРАЕМСЯ В ПОДЪЕЗДЕ, А ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ?

Фото Павла КРИВЦОВА

SKI SKI

Наверное, во времена наших бабушек было проще. Выйдешь за околицу, сядешь на бревнышко, и никаких забот. Но скажите, где в Москве можно найти бревнышко, а тем более околицу? Вот и приходится нам обживать лестницы, часто холодные и неуютные.

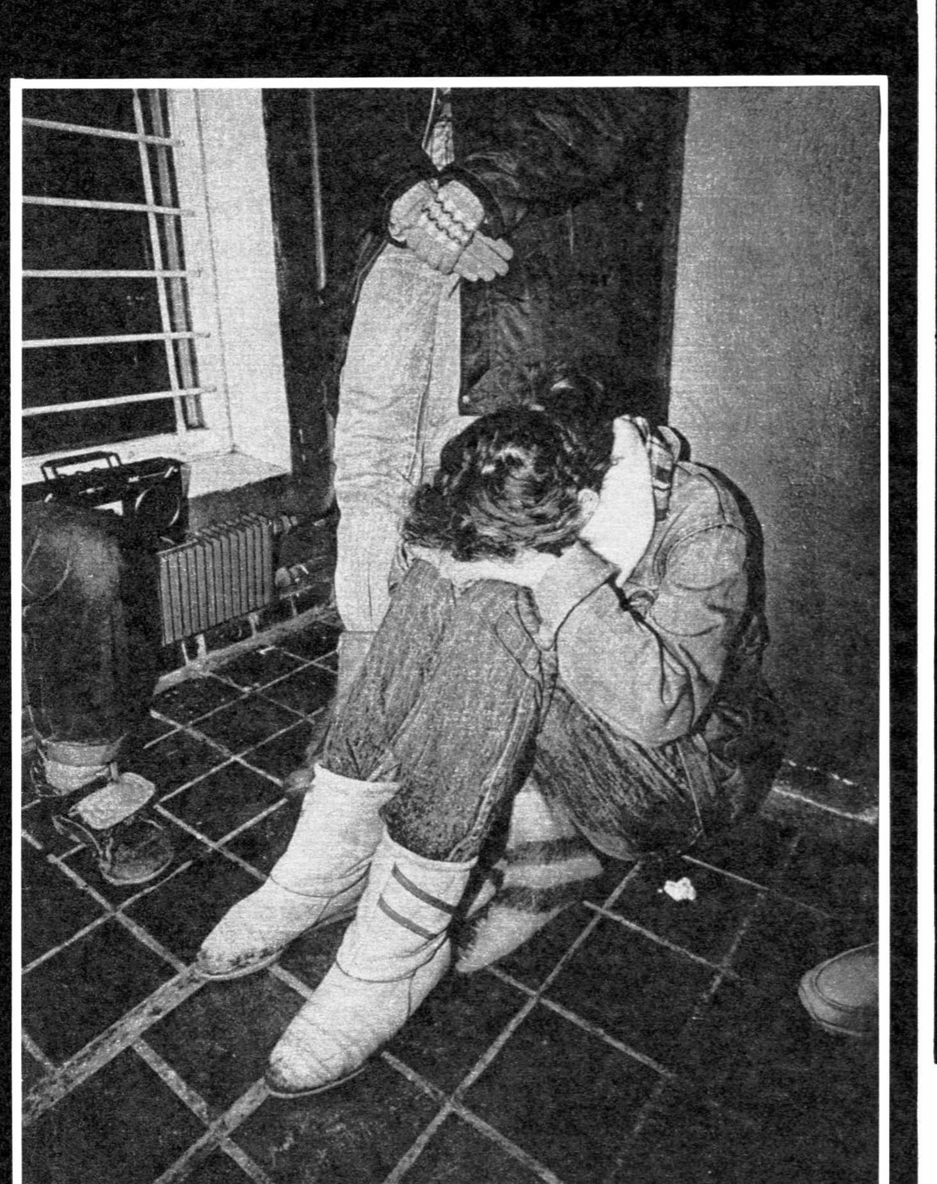
А вы когда-нибудь пытались вникнуть в нашу жизнь, понять наши интересы? Конечно, обвинить нас легче всего, очень легко дать бессмысленный совет, как, например, собираться в другом подъезде (где тоже живут люди) или собираться у когонибудь дома (а вы пустите к себе домой 15—20 человек?). А ведь у нас же очень интересная жизнь! Мы можем весь вечер обсуждать новый фильм или петь наши любимые песни, которые «вывезли» из трудовых лагерей или получили в наследство от людей, ставших взрослыми.

Предвижу, что многие из вас скажут: «Мы в ваши годы работали и учились!» Но мы тоже работаем или учимся (многие собираются поступать в вузы), но это — днем, а вечером?

Вы считаете, что «молодежь не та»? Конечно, ведь время-то идет! А вспомните, ведь вы тоже танцевали рок, твист, пели «черного кота», хотя это и осуждалось. Посмотрите на нас внимательно. Вы не узнаете себя в молодости? Мы — это вы, только чуть-чуть моложе, поэтому потерпите еще немного: наступила весна, и мы уходим из подъездов, а осенью на наше место придут другие.

Улыбнитесь им...

Лена БОЛДИНА,
ученица 9-го класса

КРОССВОРД

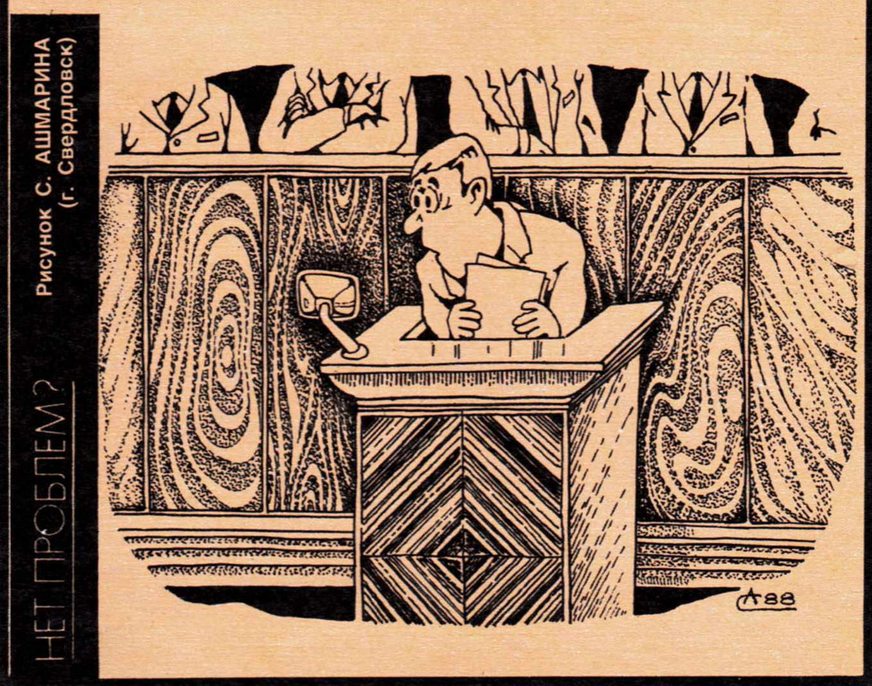
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Раздел математики. 9. Балет А. К. Глазунова. 10. Руда серебра. 11. Американский писатель XIX века. 12. Лесная птица. 15. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 16. Город в Молдавии. 19. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 21. Сооружение над минеральным источником. 22. Приемное устройство с антенной направленного действия. 25. Летчик-космонавт СССР. 26. Озеро в США и Канаде. 27. Лечебно-профилактическое учреждение. 29. Аргумент. 31. Ледяная площадка. 32. Река на Северном Кавказе. 34. Жилое помещение на чердаке. 35. Картина В. М. Васнецова. 36. Русский путешественник, исследователь Камчатки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Киноактриса, народная артистка СССР. 2. Украинский народный танец. 3. Северное созвездие. 4. Венгерский композитор, дирижер, автор оперетт. 5. Типографский шрифт. 7. Комическое или сатирическое подражание. 8. Советский военачальник, главный маршал авиации. 13. Древнегреческий врач. 14. Иносказание. 17. Часть математики. 18. Порт на острове Сицилия. 20. Роман И. С. Тургенева. 21. Приток Дона. 23. Кондитерское изделие. 24. Порода комнатных собак. 28. Отдел медицины. 30. Занавеска, портьера. 31. Крупная хищная птица, обитающая в Южной Америке. 32. Чешский писатель, сатирик. 33. Антилопа, обитающая в саваннах Африки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Нигер. 9. Теорема. 10. Осокорь. 11. Гага. 12. Симонов. 14. Овал. 15. Дельфин. 17. «Калинка». 18. Капелла. 20. Вычегда. 24. Прус. 25. Алатырь. 28. Лупа. 29. Перигей. 30. Лангуст. 31. Турне.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Карнавал. 2. Инари. 3. Просо. 4. Микрофон. 5. Бекабад. 7. Гоголь. 8. Архаика. 12. Сейфуллина. 13. Виолончель. 16. Нота. 17. «Киев». 18. «Квартет». 19. Пластика. 21. Геология. 22. Анапест. 23. Футляр. 26. Лейте. 27. Рэлей.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок С. АШМАРИНА (г. Свердловск)

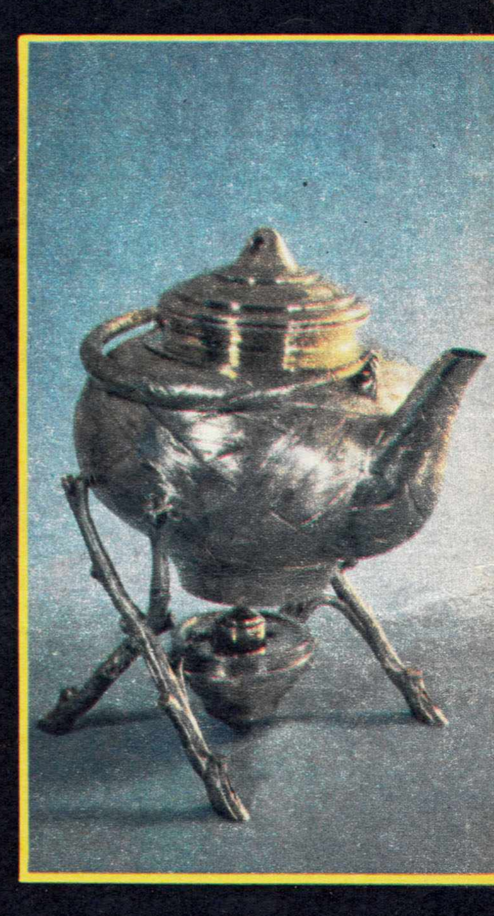
«Пути искусства России и Италии в XIX веке» — так называлась выставка, прошедшая во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве. Ее организаторами стали Управление художественных и исторических ценностей и Национальный музей Палаццо Венеция в Риме при сотрудничестве общества «Италия—СССР».

Раздел русского прикладного искусства в музее Палаццо Венеция неразрывно связан с личностью коллекционера — итальянского дипломата Роберта Вуртса. Проявляя большой интерес к русскому искусству, он сумел собрать редкую коллекцию, в которой с наибольшей полнотой представлены изделия из золота и серебра, в большинстве своем дворцового или дворянского обихода — жалованные ковши, кубки, блюда...

На выставке были также представлены уникальные изделия итальянской работы и старинный фарфор мастеров обеих стран.

Вера ЯКОВЛЕВА
Фото Льва МЕЛИХОВА

40 коп.
Индекс 70663

